

СУДЬБЫ

ШВЕЙЦАРСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ



И В КРЫМУ

XIX — начало XX века

Сборник статей

под научной редакцией Е. Симонато и И. Ивановой

Лозанна — Санкт-Петербург

2019

УДК 93/94

ББК 63.3

С89

Научные редакторы:

Е. Симонато, И. Иванова

С89 Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX — начало XX века). Сборник статей / под научной редакцией Е. Симонато и И. Ивановой. — СПб.: СВЕТ, 2019. — 208 с.

ISBN 978-5-9071-4157-5

В сборнике статей швейцарских и российских исследователей рассматривается история организации и развития швейцарских аграрных колоний в Крыму и в Северном Причерноморье. Особое внимание уделяется судьбам колоний Цюрихталь (современное название — Золотое Поле) и Шабо.

В статьях рассматриваются также вопросы политики Российской империи по заселению южных земель и условий приглашения иностранных колонистов.

Большая часть статей была написана в рамках международного проекта совместных научных исследований Швейцарского и Российского национальных фондов, который выполнялся в 2016–2019 гг. преподавателями кафедры славянских языков Лозаннского университета (Швейцария) и кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Материалом для исследований послужили не только государственные архивы Швейцарии и России, но и личные архивы швейцарских колонистов, любезно предоставленные их потомками или хранящиеся в краеведческих музеях.

Сборник статей предназначен как для историков и политиков, так и для широкого круга читателей.

В оформлении обложки использована акварель И. Я. Билибина «Крым. Коктебель», 1939 г. ГРМ

ISBN 978-5-9071-4157-5



9 785907 141575

© ГРМ, ил. И. Я. Билибина, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательский центр «СВЕТ», 2019

Корректор *М.А. Иванова*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*. Дизайн обложки *О.Д. Курта*

Подписано в печать 14.06.2016. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 13. Тираж 200 экз. Заказ № 1602

Издательский центр «СВЕТ»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии Издательского центра «СВЕТ»
Тел. (812)235-15-86

Содержание

<i>Дени Даффлон</i> . Предисловие	4
<i>Петер Коллмер</i> . История швейцарской эмиграции в Россию: состояние вопроса и перспективы исследования	8
<i>Оливье Мевли</i> . Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во ..	29
<i>Сергей Григорьевич Кащенко, Елена Сергеевна Кащенко, Ирина Сергеевна Иванова</i> . Неудавшиеся попытки эмиграции из Швейцарии в южные регионы Российской империи в первой трети XIX в.	46
<i>Юрий Николаевич Лаптев</i> . Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь. Исторический очерк	65
<i>Михаил Александрович Марусенко, Мария Сергеевна Миретина</i> . Швейцарские диалекты в Крыму и Северном Причерноморье: лингво-идентичностный аспект	89
<i>Марина Сергеевна Самарина</i> . Итальянская диаспора Крыма и Северного Причерноморья: современное состояние вопроса	105
<i>Светлана Александровна Кокошкина</i> . Изучение италоязычных колоний Юга СССР В.Ф. Шишмаревым в Ленинградском государственном университете	114
<i>Жан-Пьер Бастиан</i> . Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабаг в 1822 г.	124
<i>Оливье Грива</i> . Швейцарская колония Шабо: история и современность	150
<i>Елена Ильинична Симонато</i> . Изучение говора колонии Шабо	163
<i>Марина Александровна Нечаева</i> . «In un circo di belve feroci» (дневник Микеле Раджи, основателя итало-швейцарской аграрной колонии «Святой Николай»)	177

Научное наследие

<i>Владимир Федорович Шишмарев</i> . Швейцарское поселение в Шабо	194
Сведения об авторах	207

ДЕНИ ДАФФЛОН
Лозаннский университет

Предисловие

Данная книга погрузит вас в увлекательную и малоизвестную историю швейцарской миграции в Россию. Речь пойдет о швейцарских колониях в Крыму и в Северном Причерноморье, основанных в середине XIX в. Книга представляет собой сборник материалов международного коллоквиума, состоявшегося в Лозаннском университете осенью 2016 г. при поддержке Швейцарского научного фонда и с участием исследовательских коллективов Лозаннского университета (кафедры славянских языков и языков Юго-Восточной Азии) и Санкт-Петербургского государственного университета (кафедры романской филологии).

Цель авторов — развитие междисциплинарного, историко-культурного подхода к истории швейцарской эмиграции в Россию, выявление основных характеристик швейцарских колониальных сообществ. Авторы статей — исследователи ведущих вузов, историки, языковеды, филологи, журналисты. Книга продолжает традиции успешного сотрудничества между Россией и Швейцарией в области гуманитарных наук.

Книгу открывает статья *Петера Коллмера*, в которой предпринимается попытка подвести итог уже опубликованных работ по теме швейцарской миграции в Россию. В статье освещены основные черты миграции в Россию из разных кантонов Швейцарии, а также применительно к представителям различных профессий. Автор выделяет факторы, способствующие отъезду в эмиграцию, и факторы, привлекающие эмигрантов в Россию (*push and pull factors*). Также освещаются проблемы, с которыми столкнулись эмигранты по приезде в Россию, и причины, побудившие некоторых из эмигрантов вернуться на родину.

Статья *Оливье Мевли* посвящена эмиграции в Россию из кантона Во. Один из самых известных ее представителей, Фредерик-Сезар Лягарп, стал гувернером царя, его примеру последовали многие учителя из данного кантона. В статье анализируются причины, побудившие их эмигрировать, и, в частности, некоторые аспекты социальной жизни кантона Во в то время.

Сергей и Елена Кащенко и *Ирина Иванова* анализируют доступные на сегодняшний день исторические документы по данной теме, хранящиеся в архивах как Москвы и Санкт-Петербурга, так и Орла, Смоленска и Крыма. Цитируемые в статье документы — официальные бумаги, письма, переписка — позволят как прикоснуться к истории отдельных семей эмигрантов, так и восстановить некоторые детали торговых сделок.

В статье *Юрия Лантева* рассказывается об истории немецкоязычной колонии Цюрихталь, основанной в Крыму в 1805 году. Особое внимание автор уделяет вопросам языковой идентичности и политики властей по отношению как к швейцарцам, так и ко всему немецкоязычному населению.

Тему истории изучения романских говоров Юга России открывает статья *Марины Миретиной* и *Михаила Марусенко*. Статья посвящена описанию принципов исследования швейцарских диалектов Крыма и Северного Причерноморья на основании т. н. «индекса жизнеспособности» языка, разработанного ЮНЕСКО. Исследование, проведенное авторами в местах расположения бывших швейцарских колоний в Крыму, привело к выводу о том, что, ввиду полного вымирания швейцарских диалектов, целью российской рабочей группы будет являться документирование сведений о диалектах и обеспечение их сохранности.

Статья *Марины Самариной* посвящена истории итальянской диаспоры в Крыму. В статье описывается история первых поселений — генуэзских и венецианских колоний, основанных в XIII веке, а затем приезд переселенцев с юга Италии по приглашению российского правительства, которые основывают земельные колонии. Италоязычная диаспора пережила все социальные перипетии XX века.; в 1992 г. в Крыму проживало лишь 316 итальянцев. В заключение автор освещает проблему реабилитации итальянского населения Крыма и как эпилог — включение итальянцев в список репрессированных народов.

В статье *Светланы Кокошкиной* описываются и анализируются исследования, посвященные итальянским диалектам в Крыму, проведенные в 1930-е гг. академиком В. Ф. Шишмаревым, автором монументального труда под названием «Романские поселения на Юге России».

Три из статей сборника посвящены одной из самых известных швейцарских колоний — колонии Шабо, или Шабаг, основанной недалеко от Одессы виноградарями из кантона Во в 1822 г.

В статье *Жан-Пьера Бастиана* автор подробно описывает долгий путь в Шабо первых колонистов — виноделов, их цели, договоры с Российским правительством, условия переезда и первые годы существования колонии.

Оливье Грива обращается к истории переселения в Россию виноделов, описывает трудности, связанные с переездом (непривычный климат, санитарные условия) и с привыканием к новым условиям жизни. Затем автор переходит к несколько иной теме — последующей эмиграции некоторых из колонистов в Австралию, и в конце статьи рассматривает, как память о колонии воспринимается и поддерживается в Швейцарии сегодня.

В статье *Елены Симонато* анализируются характерные черты говора колонии Шабо, т.е. говора кантона Во, подвергнувшегося влиянию местных языков и, в частности, русского языка. Отмечается, что если в первые десятилетия существования колонии колонисты жили изолированно, то впоследствии влияние русского языка становится все сильнее и сильнее. Так, в 1861 году в школе в Шабо вводится обязательное преподавание на русском языке. Автор приводит примеры говора Шабо и отмечает его грамматические и лексические особенности. В заключение делается вывод о том, что «Шабо — это символ связи между двумя мирами, мирами русского-говорящим и франкоязычным, у Шабо своя, особенная, внутренняя динамика».

Последняя статья — *Марины Нечаевой* — посвящена региону, немного удаленному от Черного моря, а именно Минеральным Водам, где обосновалась небольшая колония выходцев из кантона Тичино. С исторической точки зрения, создание данной колонии должно рассматриваться как часть эмиграции швейцарцев в Россию ввиду того, что речь идет о том же периоде — XIX веке, и о землях,

Предисловие

находившихся в управлении Попечительного комитета об иностранных колонистах Южной России. В данной статье представлен Дневник Микеле Раджи, выходца из кантона Тичино и очевидца трагической судьбы итало-швейцарской аграрной колонии близ Пятигорска. Дневник был написан в период с 1918 г. по 1919 г. и является уникальным свидетельством трагического эпилога швейцарской эмиграции в Россию.

В Приложении публикуется текст статьи *В.Ф. Шишмарева* «Швейцарское поселение в Шабо» из посмертного издания рукописей В.Ф. Шишмарева «Романские поселения на Юге России».

Несомненно, книга внесет весомый вклад в изучение широкого спектра вопросов междисциплинарного порядка, связанных с историей швейцарской эмиграции в Россию, и заинтересует широкий круг читателей, интересующихся взаимоотношениями этих двух стран.

Перевод Е. Симонато

История швейцарской эмиграции в Россию: состояние вопроса и перспективы исследования

Введение

История переселения швейцарцев в Россию известна относительно хорошо. В настоящее время существует уже целая серия монографий и статей, которые освещают различные аспекты миграционного движения и анализируют его развитие.

Большая часть существующих исследований была проведена в рамках проекта «Эмиграция из Швейцарии в Россию», начатого в Цюрихском университете во второй половине 1970-х гг. профессором Карстеном Гёрке [Carsten Goehrke], его коллегами и студентами. В течение более чем двадцати лет молодые поколения студентов и аспирантов в рамках этого проекта изучали швейцарскую миграцию в Россию, особенно в период с XVIII века до 1917 г. Предлагаемая статья кратко представляет состояние исследований и привлекает внимание к некоторым публикациям, особо акцентируя внимание на вышеупомянутом цюрихском проекте¹.

Библиография исследований

Карстен Гёрке и его студенты сосредотачивали особое внимание на двух важных аспектах швейцарской миграции в Россию: на динамике, специфичной для каждого кантона, и на вопросе основных профессий эмигрантов². Данные исследования были

¹ *Collmer*, 2011, p. 706–709.

² Используемые в рамках цюрихского проекта выражения «швейцарцы из России» или «эмиграция в Россию» относятся ко всей Российской империи.

также тесно связаны с вопросом причин эмиграции и отношений между поколениями эмигрантов и их потомков в Российской империи.

С 1985 г. профессор Гёрке начал издавать серию публикаций «*Beiträge zur Geschichte des Russlandschweizer*» [Сообщения по истории швейцарцев из России]. Она была посвящена изучению вопроса профессиональной деятельности эмигрантов. В книге «*Schweizer im Zarenreich*» [Швейцарцы в Российской империи], первой книге данной серии, был дан общий обзор состояния вопроса, основанный на доступных источниках и на статистической базе³. Тома со 2 по 7 представляли из себя монографии. Большей частью это были докторские диссертации, каждая из которых была посвящена эмигрантам определенной профессии (промышленникам, сыроvarам, врачам, богословам, ученым, офицерам, чиновникам и дипломатам)⁴. Тома 8 и 9 содержали различные свидетельства, такие как фрагменты дневников, воспоминания и письма швейцарцев из России с начала XIX в. до конца XX в.⁵

Под руководством Карстена Гёрке вышла еще одна серия изданий, тематически связанная с первой: «Швейцария и Восточная Европа» [*Die Schweiz und der Osten Europas*], в которой были опубликованы два общих обзора дипломатических связей между Швейцарией и Россией (а затем — Советским Союзом). Эти обзоры были посвящены информации о политических и административных аспектах швейцарской эмиграции в Россию (например, о договоре о торговле и поселении, заключенном в 1872 г. между Швейцарией и Российской империей)⁶. В этой второй серии иногда затрагивались и вопросы перемещения граждан между Швейцарией и Советским Союзом⁷.

³ *Bühler et al.*, 1985.

⁴ *Rauber*, 1985; *Tschudin*, 1990; *Mumenthaler*, 1991; *Schneider*, 1994; *Mumenthaler*, 1996a; *Soom*, 1996.

⁵ *Collmer*, 2001a; *Derendinger*, 2006. Начиная с тома 9, эта серия издается Надой Бошковской [Nada Boskowska].

⁶ *Gehrig-Straube*, 1997; *Collmer*, 2004.

⁷ Например, см.: *Uhlig*, 1992. Начиная с тома 12, эта серия издается Надой Бошковской.

Другие публикации, появившиеся позднее, можно считать реакцией на цюрихский проект. Следует упомянуть диссертацию, детально представлявшую вопрос об эмиграции из Граубюндена в Россию⁸, каталог выставки⁹, несколько междисциплинарных сборников о швейцарско-славянских контактах¹⁰, а также многочисленные статьи и выступления по специальным темам¹¹.

Не все цюрихские исследования вышли в свет. Можно отметить несколько неопубликованных студенческих работ, посвященных, например, швейцарским гувернанткам в Российской империи¹², эмиграции в Россию жителей из кантона Аппенцель¹³ или обратной миграции после Октябрьской революции¹⁴.

После ухода Карстена Гёрке на пенсию в 2002 г., тема швейцарской эмиграции в Россию стала менее значимой для исследований в университете Цюриха. Казалось, что уже не появятся никакие новые работы, которые могли бы в корне изменить основные результаты цюрихского проекта. Его результаты по-прежнему составляли основу для последующих исследований на эту тему.

Но в 1998 г. сам Гёрке подвел итог проделанной работе и подверг критической оценке свои предварительные выводы 1985 г. На основании новых данных ученый изменил свои первоначальные выводы о некоторых фактах, основные же результаты 1985 г. в целом были подтверждены. Однако в ходе новейших исследований оказалось, что миграция народных масс во второй половине XIX в. (зачастую временная и с трудом определяемая по источникам) была исследована недостаточно. В этом контексте общее число эмигрантов было несколько занижено по сравнению с реальным положением дел¹⁵.

⁸ *Bühler*, 1991.

⁹ *Zimmermann*, 1989.

¹⁰ *Bankowski et al.*, 1991; *Brang et al.*, 1996.

¹¹ Два примера: *Kälin*, 1998, *Maeder*, 2002.

¹² *Bischof*, 1990; 1989.

¹³ *Oberarzbacher*, 1993.

¹⁴ *Voegeli*, 1979.

¹⁵ *Goehrke*, 1998; *Goehrke*, 2009.

Швейцарская эмиграция в Россию, конечно, исследовалась и продолжает исследоваться и вне Цюриха¹⁶. Для примера можно назвать работы об эмиграции из Женевы и из Невшателя¹⁷ или интересные работы из кантона Во, посвященные швейцарским воспитателям в Российской империи и колонии Шабо, основанной в 1822–1823 гг. водуазскими виноделами в Бессарабии¹⁸. Особое внимание уделялось Фредерику-Цезарю Лагарпу [Frédéric-César de La Harpe] (1754–1838), возможно, самому знаменитому швейцарскому эмигранту, который в 1784–1795 гг. был воспитателем будущего царя Александра I и который способствовал распространению идей Просвещения при российском дворе¹⁹.

Кроме того, история эмиграции швейцарцев в России освещалась в материалах международных научных проектов, посвященных другим группам колонистов, например немцам из России²⁰ или поселениям протестантов²¹.

Архивы

Среди различных архивов, содержащих документы о швейцарской эмиграции в Россию, мы отметим только два. Прежде всего, это находящийся в Берне Федеральный архив, в котором среди прочих документов можно найти акты и отчеты швейцарских консульств в России. В этих материалах содержится масса информации о швейцарских колониях и их обитателях, о рождениях, смертях, бракосочетаниях и т. п. Думается, что на настоящий момент эти фонды еще не подвергались систематическому изучению. Что касается швейцарских колоний в Крыму и в Причерноморье, то было бы

¹⁶ В Цюрихе также появились работы, лишь косвенно связанные с указанным проектом, например: *Maeder et al.*, 2008.

¹⁷ *Herrmann*, 1998; *Maeder*, 1993.

¹⁸ *Grivat*, 1993.

¹⁹ Например, см.: Тозато-Риго, Андреев, 2014; Тозато-Риго, 2014. Другие публикации о Лагарпе и связях кантона Во с Россией можно найти у Карапетянц, Мевли, 2012.

²⁰ Плеве, 1998.

²¹ *Amburger*, 1998.

интересно проанализировать документы консульства, открытого в 1820 г. в Одессе. Кроме того, Федеральный архив и Архив Министерства иностранных дел России являются основными организациями, представляющими интерес для изучения дипломатических отношений между Швейцарией и Россией. Следует отметить публикацию 1994 г., основанную на материалах важных источников из этих архивов²².

Следующий архив, представляющий большой интерес, это Архив швейцарцев из России [Russlandschweizerarchiv, RSA]²³. Речь идет о собрании документов, свидетельств, фотографий и других источников по истории швейцарской эмиграции в Россию, созданном в рамках цюрихского проекта. После завершения проекта в 2013 г. документы были переданы в Социальный архив швейцарцев в Цюрихе, где они открыты для широкой круга читателей²⁴.

Особую ценность представляет Регистр членов ассоциации швейцарцев из России, созданный в Берне в 1918 г., чтобы расклассифицировать швейцарцев из России, которые вернулись на свою исконную родину после Октябрьской революции. Эти документы содержат имена более чем 5000 швейцарских граждан, которые жили в Российской империи до 1917 г., а также информацию личного характера: место гражданской приписки в Швейцарии (для швейцарских граждан до сегодняшнего дня обязательна приписка к коммуне города или села, где исторически жила семья, откуда она родом. Это называется «место происхождения». При этом отец может приписать детей к своей коммуне, даже если они родились в другой стране. Таким образом сохраняется юридическая связь с исторической родиной. — *Прим. пер.*), год рождения, профессию и место проживания в России, семейное положение, а также финансовую ситуацию или просьбы о репарации. Маркус Ленген провел цифровую обработку этого регистра и таким образом смог создать социальный профиль последних поколений швейцарцев из России, живших перед Первой мировой войной²⁵.

²² *Fleury, Tosato-Rigo*, 1994.

²³ *Mumenthaler*, 1996b.

²⁴ См. URL: www.sozialarchiv.ch/?s=russlandschweizer (Дата обращения: 05.04.2018).

²⁵ *Lengen*, 1998.

Основные результаты исследований на настоящее время

Представим теперь результаты исследований о швейцарской эмиграции в Россию.

История эмиграции и ее характеристики

Можно предположить, что между концом XVII в. и 1917 г. в Российскую империю на временное или постоянное жительство эмигрировало около 25 000 швейцарских граждан²⁶. На графиках, составленных в 1985 г. на основе информации того времени (см. рис. 1)²⁷, представлена миграция в Россию и обратная миграция в Швейцарию 1701–1945 гг.

Миграция достигает кульминации в XIX в., затем резко идет на спад в начале XX в. — в связи с Первой мировой войной и революциями 1917 г. Обратная миграция в течение длительного периода остается на низком уровне и резко идет вверх в конце царского эпохи.

Кем были мигранты в Россию?

Попробуем воссоздать собирательный образ, «коллективную биографию» швейцарских эмигрантов в Россию до 1917 г. на основании статистических данных. Четко прослеживаются два момента: специализация по профессиям (например, сыровары, торговцы, промышленники, кондитеры, ученые, воспитатели и гувернантки) и конкретные кантоны гражданской приписки (например, Цюрих, Во, Берн, Граубюнден и Тичино). Нижеприведенная карта, созданная на основании предварительного исследования 1985 г., представляет соотношение между числом эмигрантов, известным в тот момент, и населением каждого кантона в 1850 г. (см. рис. 2)²⁸.

Интересно отметить связь между профессиями эмигрантов и кантонами гражданской приписки Так, текстильщики часто происходили из кантона Аппенцель Внешний-Родес [Appenzell Ausserrhoden],

²⁶ Goehrke, 1998, p. 316.

²⁷ Карта взята из Бюлера и др. (*Bühler et al.*, 1985, p. 83).

²⁸ Карта взята из Бюлера и др. (*Bühler et al.*, 1985, p. 79).

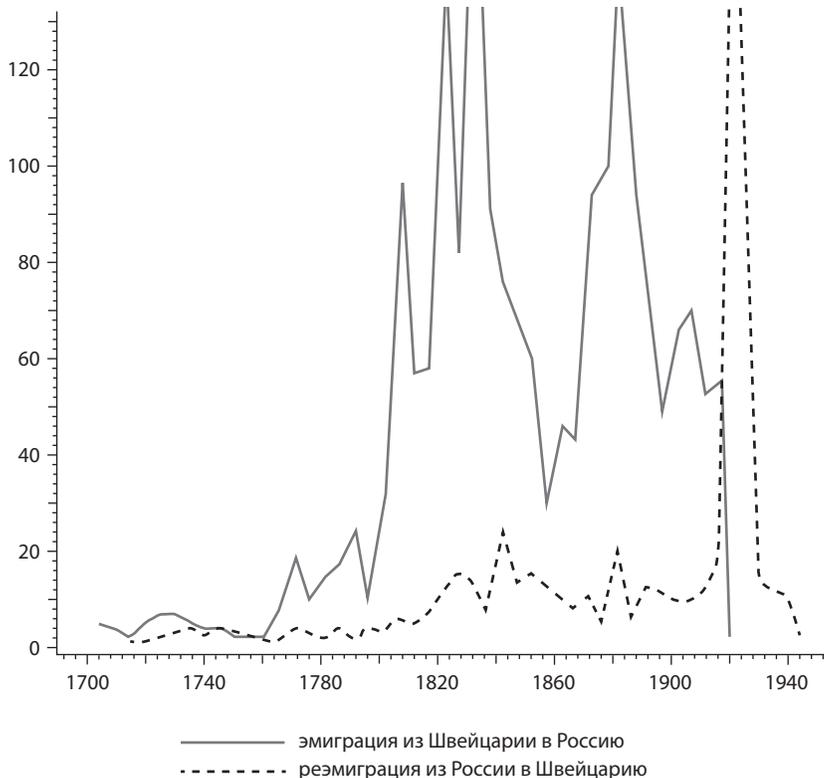


Рис. 1. Миграция в Россию и обратная миграция в Швейцарию 1701–1945 гг.

сыровары — из кантона Берн, кондитеры — из кантона Граунбюнден, воспитатели и гувернантки — из французской Швейцарии, архитекторы — из Тичино. Данное явление можно объяснить социальной структурой и экономическим положением этих кантонов. В случае с воспитателями и гувернантками надо учитывать и такой факт, как необходимость преподавать французский язык в образованных и высокопоставленных семьях в России. В связи с этим обстоятельством швейцарцы из франкоязычной Швейцарии были особенно востребованы и составили примерно одну треть швейцарцев, находившихся в России накануне Первой мировой войны²⁹.

²⁹ Goehrke, 1998, p. 296–297, 315–316.

Исследователи выявляют также связь между профессией и временными периодами эмиграции. Первыми мигрантами в Россию в XVII и XVIII вв. были офицеры, дипломаты и чиновники. За ними последовали ученые, врачи, архитекторы, богословы и кондитеры. В источниках отмечены прежде всего индивидуальные эмигранты, которые являлись знаменитыми личностями. В качестве широко известных примеров можно привести женева Франца Лефорта [François Le Fort] (1656–1699), который в 1680–1690-х гг. сделал блистательную военную карьеру при дворе Петра Великого и стал первым адмиралом русского флота, или Фредерика-Цезаря Лагарпа, выходца из кантона Во, воспитателя Александра I³⁰.

С развитием в конце XIX в. сети железных дорог — более доступного транспортного средства — эмиграция приобрела массовый характер и включала среди прочих воспитателей, гувернанток и сыроваров. Однако, в отличие от швейцарской эмиграции в Америку, эмиграция в Россию никогда не была массовым отъездом крестьянства (т. е. бедных социальных слоев)³¹. Последнее поколение швейцарцев в России перед 1917 г. было в основном представлено воспитателями и коммерсантами³².

Причины эмиграции

Для анализа причин эмиграции в цюрихском проекте использовалось классическое разделение на факторы, толкающие к отъезду (факторы «push»), и факторы привлекающие (факторы «pull») — другими словами, на причины, которые толкали отдельных лиц покинуть Швейцарию, и на условия, которые определяли привлекательность России как места эмиграции.

Говоря о факторах, которые стимулировали отъезд, исследователи ссылаются на экономический кризис в Швейцарии, особенно на голод, поразивший страну в 1816–1817 гг. К этому добавились

³⁰ О Франце Лефорте см.: *Soom*, 1996, p. 23–25.

³¹ Об эмиграции в Америку см.: *Ritzmann*, 1992. Для сравнения швейцарской эмиграции в Россию и за океан (которая проходила как дополнение к первой) см.: *Goehrke*, 1998, особенно p. 317–321.

³² *Lengen*, 1998, p. 374–378.

изменения в обществе, которые такая сельскохозяйственная страна, как Швейцария, испытала в ходе индустриализации и которые в корне изменили целые отрасли производства. Например, эмиграция сыроваров, помимо других причин, была обусловлена уменьшением роли горных регионов в экономике и кризисом молочного альпийского производства, который разразился около 1850 г.³³ Кроме этого, в Конфедерации образовался избыток специалистов, особенно в период перед развитием системы высшего преподавания в XIX в. Все это во многом толкало швейцарцев попытаться счастья за границей.

Особенно привлекательной страной стала Россия, так как там шел процесс модернизации, начатый еще Петром Великим. Усилия русской элиты открыть страну для экономического, социального и в определенной мере культурного развития создавали хорошие возможности для карьеры высококвалифицированных людей, в частности для выходцев из Западной Европы. Так, в русской армии были востребованы опытные военные инженеры. Сравнительно низкий уровень медицины в Российской империи вплоть до начала XIX в. открывал широкий простор для деятельности врачей-иностранцев. В реформаторских церквях Санкт-Петербурга и Москвы были востребованы протестантские пасторы из Швейцарии. В поселениях на Волге и на юге империи также ощущался недостаток пасторов, поэтому там даже не требовалось, чтобы они имели специальное образование. Незамужние женщины, имевшие родным языком французский, могли найти место гувернантки в аристократической русской семье, даже не имея никакой другой профессиональной квалификации³⁴.

Итак, при анализе сочетания факторов, стимулировавших к отъезду и привлекавших в страну, становится очевидным, что швейцарская эмиграция в Россию до революции 1917 г. была во многом мотивирована экономическими причинами. При этом она затрагивала людей, которые имели определенную профессиональную специализацию.

³³ *Tschudin*, 1990, p. 27–29.

³⁴ *Goehrke*, 1998, p. 298–304.

Концентрация швейцарских эмигрантов в определенных регионах России

Предварительное исследование, проведенное в Цюрихе в 1985 г., позволило проанализировать статистику мест проживания примерно 4000 швейцарцев, которые работали в России. Было выявлено, что эмигранты были сконцентрированы в Санкт-Петербурге и Москве, а также на Украине и в Южной России. Также были выявлены районы проживания швейцарцев в Королевстве Польском и в Финляндии³⁵.

Однако в последующий период новые исследования позволили внести некоторые изменения в предварительные результаты. Так, карта 1790 г.³⁶ (рис. 3) показывает, что в эту эпоху, помимо региона Санкт-Петербурга (обозначенного на карте буквой N), важным направлением миграции для швейцарцев также являлся и регион Волги (буква V). Во времена Екатерины Великой правительство проводило политику привлечения в этот регион иностранных крестьян, что затронуло не только немцев, но и некоторое число швейцарцев. Однако последние исследования показали, что роль швейцарцев в создании колоний на Волге была не так важна, как считалось до этого³⁷.

В начале Первой мировой войны (рис. 4) регион Волги почти полностью потерял свое значение для швейцарцев в России, в то время как район Санкт-Петербурга, Центральная Россия и Москва (буква С) увеличили свою значимость для эмигрантов. Это подтверждается тем, что процент швейцарских коммерсантов и промышленников в этих регионах возрос.

Швейцарские эмигранты селились городах и селах или по отдельности, или группами семей. Особый интерес представляют два поселения на юге страны, которые были созданы группами швейцарских эмигрантов: в 1803 г., в рамках политики заселения земель, около 250 швейцарцев, происходивших преимущественно из кантона

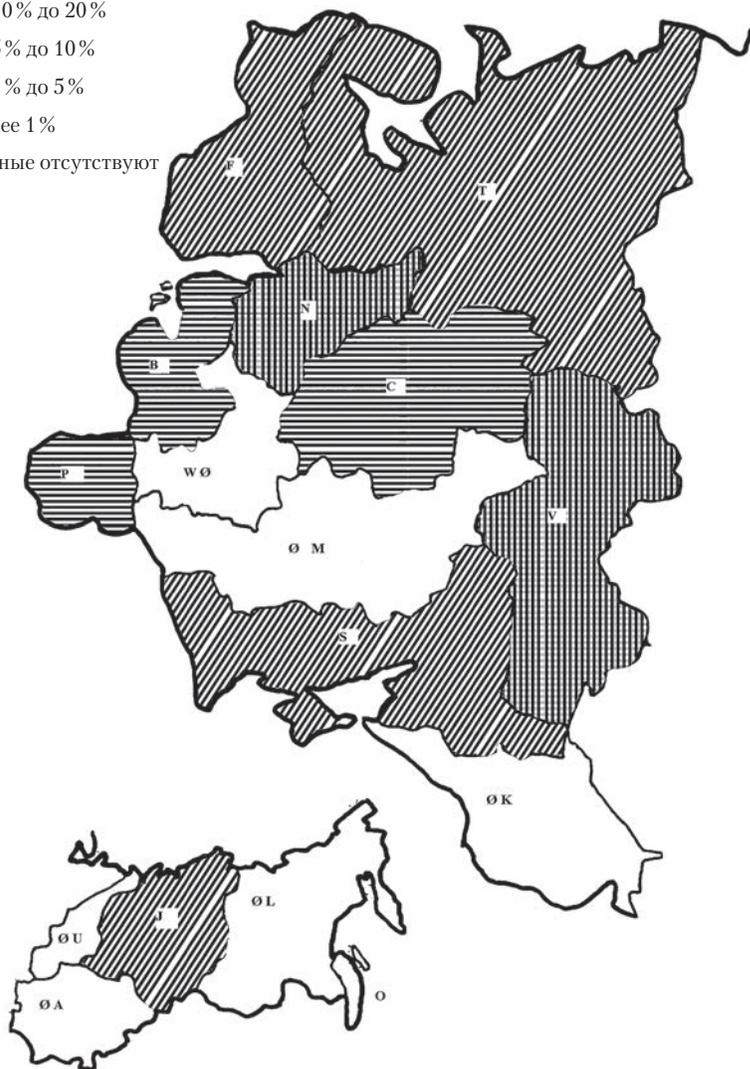
³⁵ О швейцарцах в Финляндии см.: *Leitzinger*, 1991. О Польше в целом (не только части, входившей в состав Российской империи) см.: *Andrzejewski*, 2002.

³⁶ Карты взяты из работы: *Bühler et al.*, 1985, p. 208, 211.

³⁷ Плева, 1998, с. 128; *Goehrke*, 1998, p. 307–308.

История швейцарской эмиграции в Россию

- ▨ — более 20%
- ▧ — от 10% до 20%
- ▩ — от 5% до 10%
- — от 1% до 5%
- — менее 1%
- ⊖ — данные отсутствуют



*Рис. 3. Расселение швейцарцев в Российской империи в 1790 г.
Из 4000 изученных случаев*

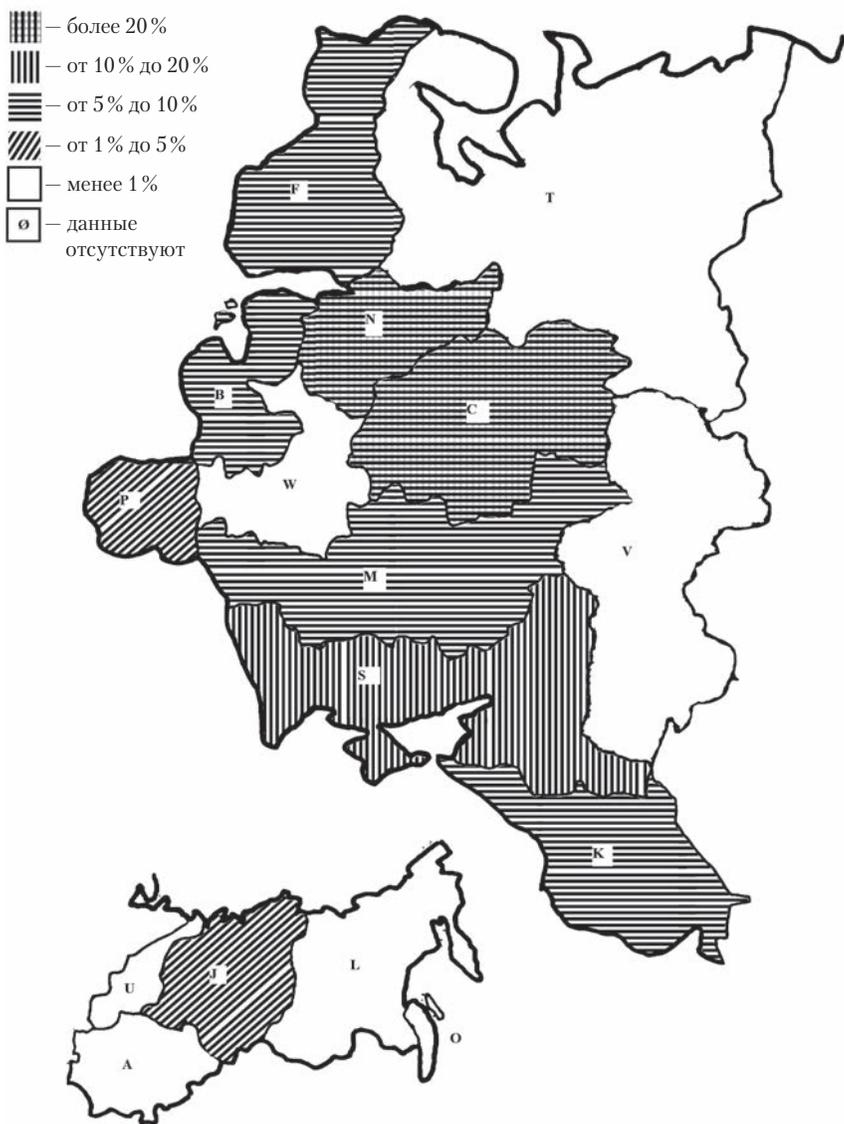


Рис. 4. Расселение швейцарцев в Российской империи в 1914 г.
Из 4000 изученных случаев

Цюрих, отправились в Россию. В 1805 г. они получили земли в Крыму, где основали деревню Цюрихталь. В 1822–1823 гг. около 30 швейцарцев, происходивших преимущественно из кантона Во, основали в Бессарабии поселение виноделов Шабаг (Шаба, Шабо). В противоположность другим эмигрантам, эти колонисты в основном отказались от своей национальности и стали российскими гражданами³⁸.

Проблемы адаптации швейцарцев к новой родине

Многие швейцарцы при царском режиме смогли создать счастливую и вполне успешную жизнь. Даже если перед началом Первой мировой войны большая часть из них не владела большим капиталом, то все равно в целом Россия предоставила им значительно лучшую возможность продвижения по социальной лестнице, чем они имели бы в то время в Швейцарии³⁹.

Все это вовсе не означает, что эмигранты полностью адаптировались к образу жизни и менталитету своих русских соседей. Совсем наоборот: особенно это относится к швейцарцам первого поколения (те, которые родились и выросли в Швейцарии), которые всячески культивировали свою швейцарскую идентичность. Они зачастую организовывали свое социальное пространство внутри швейцарских колоний и в глубине души чувствовали себя чужими на новой родине⁴⁰. В воспоминаниях и письмах, которые они нам оставили, швейцарские эмигранты описывали русских большей частью как людей добрых и гостеприимных, но в то же время и раздражительных. Швейцарцы считали себя людьми более воспитанными, более работающими и более чистоплотными, чем русские. Такие характеристики большей частью соответствовали стереотипам восприятия

³⁸ *Stricker*, 1998, p. 24–25. Недавно был опубликован дорожный дневник одного молодого человека шестнадцати лет из Лозанны, Франсуа-Давида Нуара, который участвовал в экспедиции колонистов в Шабаг в 1822 г. (*Noir*, 2016). О Шабаге также см.: *Gander-Wolf*, 1974; *Grivat*, 1993.

³⁹ О финансовой ситуации последнего поколения швейцарцев в Россию перед революцией см.: *Lengen*, 1998, p. 378–387; *Goehrke*, 1998, p. 314.

⁴⁰ О стереотипах восприятия см. сборники *Bild und Begegnung* (*Brang et al.*, 1996), *Fakten und Fabeln* (*Bankowski et al.*, 1991), : *Zimmermann*, 1996. Об образе России у временных эмигрантов в начале XX в. см. также: *Collmer*, 2001b.

и представлениям, уже привезенным с собой швейцарскими эмигрантами в Россию⁴¹.

Швейцарцы первого поколения жили скорее по соседству с местным русским населением, чем вместе с ним. Это уже последующие поколения, родившиеся в России, начали больше идентифицировать себя с новой родиной и интегрировались в местное общество, даже в плане языка и религии. При этом нужно отметить, что немецкие швейцарцы смогли поддерживать из поколения в поколение определенную языковую автономию от своих русских соседей, общаясь между собой на немецком литературном языке и адаптируясь к более многочисленным группам немцев в России⁴².

Экономическая роль швейцарской миграции в России

В результате ряда исследований было выявлено примерно 300 швейцарских промышленных предприятий, созданных в Российской империи до 1917 г., особенно в области механической, пищевой и текстильной промышленности. Швейцарский промышленный капитал, проинвестированный в Россию, составил в 1917 г. примерно 300 миллионов швейцарских франков. Швейцарские предприниматели внедрили в России несколько технических инноваций, как, например, вращающийся пресс и механическое ткачество ковров, а также основали первую фабрику часов и ламп накаливания.

В секторе торговли и промышленности, например в часовой, швейцарские эмигранты в России были связаны двусторонними коммерческими связями. Россия импортировала из Швейцарии, прежде всего, готовые продукты (часы, сыр, ткани, машины, станки, точные инструменты, химические продукты), а экспортировала в Швейцарию в основном сырье (зерно, масла, металлы, лен, коноплю). Накануне Первой мировой войны Россия занимала в швейцарском экспорте седьмое место, а для часовой промышленности она являлась третьим по объему рынком сбыта⁴³.

⁴¹ См.: *Goehrke*, 1998, p. 311; *Moser*, 2006. О традиционных стереотипах восприятия в отношениях Россия — Западная Европа см. также: *Scheidegger*, 1993.

⁴² О поведении в языке и в религии швейцарцев первого поколения в России, а также их потомков в России см.: *Stricker*, 1998, p. 26–27.

⁴³ *Rauber*, 1985, p. 324–355, 370.

Возвращение в Швейцарию после 1917 г. и новая эмиграция в Советский Союз

Вследствие Октябрьской революции и политики экспроприации швейцарцы в России потеряли большую часть своего имущества и своих средств к существованию. Примерно 8 тысяч из них вернулись в Швейцарию, часто без средств к существованию. Те, кто работал в определенных секторах производства, например сыровары, еще несколько лет продолжали свою работу, но насильственная коллективизация, проводимая новым правительством в сельском хозяйстве, сделала невозможной для них жизнь в Советском Союзе. Оставшиеся швейцарские специалисты были высланы из страны в 1938 г., после отказа принять советское гражданство⁴⁴.

В то же время в 20–30-х гг. более 200 швейцарцев эмигрировали в Советский Союз. Речь идет, прежде всего, о левых интеллектуалах, членах Коминтерна и симпатизирующих Коммунистической партии, желавших принять участие в создании нового равноправного общества в России. Наиболее известный пример — это группа из сотни швейцарцев, в большинстве своем ремесленников и рабочих, которые попробовали в 1923–1924 гг. основать в регионе Волги образцовые сельскохозяйственные кооперативы под руководством бывшего национального советника Фрица Платтена [Fritz Platten] (1883–1942). Этот опыт не удался, в частности, потому, что эмигранты не имели никакого представления о сельском хозяйстве⁴⁵. Попытка эмиграции в 1937 г. шестидесяти рабочих часовщиков из кантона Юра также провалилась, и они быстро вернулись в Швейцарию⁴⁶.

Перспективы дальнейшего исследования

Состояние вопроса, которое мы представили здесь, относится к исследованиям, опубликованным большей частью уже много лет назад. Поэтому можно пожелать, чтобы результаты этих

⁴⁴ Одним из примеров может служить судьба художника Эрнста Дерендинера. См.: *Derendinger*, 2006, p. 537–549; *Goehrke*, 2009, p. 21–22.

⁴⁵ *Schneider*, 1985; 1987.

⁴⁶ О швейцарских коммунистах и их связи с Советским Союзом см.: *Huber*, 1994; *Studer*, 1994. О том представлении, которое швейцарцы в России имели о Советском Союзе, см.: *Uhlig*, 1996; 1992.

исследований были бы использованы в других проектах, а также проанализированы и развиты в свете современных задач. Нужно было бы также привлечь внимание и к темам, которые к настоящему моменту были только затронуты, как, например, судьба потомков швейцарских эмигрантов в Советском Союзе или швейцарская эмиграция в современную посткоммунистическую Россию.

Междисциплинарный подход позволит лучше проанализировать источники, а также продуктивно использовать их при формулировке новых вопросов и проблем. Именно здесь я вижу возможности реализации проекта Лозаннского университета. С точки зрения историографии, этот проект представляет интерес не только потому, что он позволит описать более точно историю Шабаса и Цюрихталя, но, рассматривая в единстве исторический, лингвистический и культурный аспекты, он создаст такой подход, который позволит понять детали жизни швейцарцев в России и лучше определить изменяющуюся идентичность мигрантов и их потомков.

Источники и литература

- Amburger E.* Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biographisches Lexikon. Lüneburg: Nordost-deutsches Kulturwerk, 1998.
- Andrzejewski M.* Schweizer in Polen: Spuren der Geschichte eines Brückenschlages (= Basler Beiträge zur Geschichtswissenschaft, 174 / Studia Polono-Helvetica, IV). Basel: Schwabe, 2002.
- Bankowski M., Brang P., Goehrke C., Kemball R. (éds).* Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18 bis zum 20 Jahrhundert. Basel; Frankfurt a. M.: Helbing & Lichtenhahn, 1991.
- Bischof P.* Schweizer Erzieherinnen und Erzieher im Zarenreich // Zimmermann W. G. (éd.) Schweiz-Russland / Rossija-Švejcarija: Beziehungen und Begegnungen. Begleitband zur Ausstellung der Präsidialabteilung der Stadt Zürich [Museum Strauhof, 6. Juni bis 31. Juli 1989]. Zürich: OZV Offizin Zürich Verlags-AG, 1989. P. 35–40.
- Bischof P.* Weibliche Lehrtätige aus der Schweiz im Zarenreich 1870–1917: Zur Geschichte einer Frauenauswanderung, Mémoire de licence inédit. Zürich, 1990.

- Brang P., Goehrke C., Kemball R., Riggenbach H. (éds).* Bild und Begegnung: Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt a. M.: Helbing & Lichtenhahn, 1996.
- Bühler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Raber U., Tschudin G., Voegeli J.* Schweizer im Zarenreich: Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer Bd. 8). Zürich: Hans Rohr, 1985.
- Bühler R.* Bündner im Russischen Reich: 18. Jahrhundert – Erster Weltkrieg: Ein Beitrag zur Wanderungsgeschichte Graubündens. Disentis: Desertina, 1991.
- Collmer P.* Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 8). Zürich: Chronos, 2001a.
- Collmer P.* Das Herbarium der Olympe Rittener: Zur Wahrnehmung des Fremden in den Selbstzeugnissen von Russlandschweizerinnen und Russlandschweizern // Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 8). Zürich: Chronos, 2001b. P. 359–380.
- Collmer P.* Die Schweiz und das Russische Reich 1848–1919: Geschichte einer europäischen Verflechtung (= Die Schweiz und der Osten Europas, 10). Zürich: Chronos, 2004.
- Collmer P.* Russie: L'empire des tsars // Dictionnaire historique de la Suisse. Vol. 10. Hauterive: Attinger, 2011. P. 706–709.
- Derendinger E.* Erzählungen aus dem Leben: Als Graphiker in Moskau von 1910 bis 1938. Herausgegeben von Christine Gehrig-Straube und Carsten Goehrke unter Mitwirkung von Claude Hämmerly (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 9). Zürich: Chronos, 2006.
- Fleury A., Tosato-Rigo D.* Švejcarija-Rossija: Kontakty i razryvy / Suisse-Russie: Contacts et ruptures / Schweiz-Russland: Aufbau und Krisen der Beziehungen 1813–1955: Documents tirés des Archives du Ministère des Affaires étrangères de Russie et des Archives fédérales suisses, choisis, annotés et présentés pour l'édition suisse par Antoine Fleury, Danièle Tosato-Rigo, pour l'édition russe par Julija Basenko, Vjačeslav Ovčinnikov, Petr Proničev. Bern; Stuttgart; Wien: Paul Haupt, 1994.
- Gander-Wolf H.* Chabag: Schweizer Kolonie am Schwarzen Meer. Ihre Gründung und die ersten Jahrzehnte ihres Bestehens. Lausanne: Multi-Office, 1974.
- Gehrig-Straube Ch.* Beziehungslose Zeiten: Das schweizerisch-sowjetische Verhältnis zwischen Abbruch und Wiederaufnahme der Beziehungen (1918–1946) aufgrund schweizerischer Akten (= Die Schweiz und der Osten Europas, 5). Zürich: Hans Rohr, 1997.
- Goehrke C.* Die Auswanderung aus der Schweiz nach Russland und die Russlandschweizer: Eine vergleichende Forschungsbilanz // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1998. № 48/3. P. 291–324.

- Goehrke C.* Auswandern – Einwandern – Rückwandern: Schweizer in Russland und Russen in der Schweiz vom 17. Jahrhundert bis heute // Maeder E., Niederhäuser P. (éds). Käser, Künstler, Kommunisten: Vierzig russisch-schweizerische Lebensgeschichten aus vier Jahrhunderten. Zürich: Chronos, 2009. P. 15–28.
- Grivat O.* Les Vignerons suisses du Tsar. Chapelle-sur-Moudon: Ketty & Alexandre, 1993.
- Herrmann I.* Entre modernisme et tradition, réalités et représentations: L'émigration des Genevois en Russie (1906–1914) // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1998. № 48/3. P. 325–359.
- Huber P.* Stalins Schatten in die Schweiz: Schweizer Kommunisten in Moskau. Verteidiger und Gefangene der Komintern. Zürich: Chronos, 1994.
- Kälin U.* Die Kaufmannsfamilie Schlatter – ein Überblick über vier Generationen // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1998. № 48/3. P. 391–408.
- Leitzinger A.* Schweizer in Finnland: Schweizer Auswanderung nach Finnland bis 1917. Helsinki, 1991.
- Lengen M.* Ein Strukturprofil der letzten Russlandschweizer-Generation am Vorabend des Ersten Weltkrieges // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1998. № 48/3. P. 360–390.
- Maeder A.* Gouvernantes et précepteurs neuchâtelois dans l'empire russe (1800–1890) (= Cahiers de l'Institut d'histoire, 1). Neuchâtel, 1993.
- Maeder E.* Dem Vergnügen nicht widerstehen, den Landsleuten zu dienen: Johannes von Muralt zwischen Zarenhof und Schweizer Kolonie in St. Petersburg // Boškovska N., Collmer P., Gilly S., Mumenthaler R., von Werdt Ch. (éds). Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Köln: Böhlau, 2002. P. 349–374.
- Maeder E., Niederhäuser P. (éds).* Von Zürich nach Kamtschatka: Schweizer im Russischen Reich (= Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich, 75 / 172. Neujahrsblatt). Zürich: Chronos, 2008.
- Maeder E., Niederhäuser P. (éds).* Käser, Künstler, Kommunisten: Vierzig russisch-schweizerische Lebensgeschichten aus vier Jahrhunderten. Zürich: Chronos, 2009.
- Moser A.* Land der unbegrenzten Unmöglichkeiten: Das Schweizer Russland- und Russenbild vor der Oktoberrevolution (= Die Schweiz und der Osten Europas, 12). Zürich: Chronos, 2006.
- Mumenthaler R.* «Keiner lebt in Armuth»: Schweizer Ärzte im Zarenreich (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 4). Zürich: Chronos, 1991.
- Mumenthaler R.* Im Paradies der Gelehrten: Schweizer Wissenschaftler im Zarenreich (1725–1917) (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 6). Zürich: Chronos, 1996a.
- Mumenthaler R.* Das Russlandschweizer-Archiv (RSA): Entstehung und Aufbau // 25 Jahre Osteuropa-Abteilung des Historischen Seminars der Universität Zürich 1971–1996. Zürich, 1996b. P. 37–45.

- Noir F.-D.* Journal de voyage: Lausanne – Chabag – Odessa, 1822–1825 / présenté et annoté par Jean-Pierre Bastian. Bière: Cabédita, 2016.
- Oberarzbacher M.* Die Auswanderung von Appenzellerinnen und Appenzellern ins Zarenreich: Ein Beitrag zur Geschichte der Russlandschweizer, Mémoire de licence inédit. Université de Zürich, 1993.
- Rauber U.* Schweizer Industrie in Russland: Ein Beitrag zur Geschichte der industriellen Emigration, des Kapitalexportes und des Handels der Schweiz mit dem Zarenreich (1760–1917) (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 2). Zürich: Hans Rohr, 1985.
- Ritzmann H.* Eine quantitative Interpretation der schweizerischen Überseemigration im 19. und frühen 20. Jahrhundert: Kurvenverlauf und regionale Konzentration als Gegenstand von Regressionsanalysen // Mesmer B. (éd.) Der Weg in die Fremde (= Itinera, 11). 1992. P. 195–250.
- Scheidegger G.* Perverse Abendland – barbarisches Russland: Begegnungen des 16 und 17 Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich: Chronos, 1993.
- Schneider B.* Schweizer Auswanderer in der Sowjetunion: Die Erlebnisse der Schweizer Kommunisten im revolutionären Russland (1924–1930). Schaffhausen: Schaffhauser, 1985.
- Schneider B.* Schweizer Auswanderung in die Sowjetunion: Dokumente der Vereinigung der Auswanderer nach Russland (V.A. R.) im Ortsmuseum Dietikon (= Neujahrsblatt Dietikon, 1988). Dietikon: Kommission für Heimatkunde, 1987.
- Schneider H.* Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917): Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 5). Zürich: Hans Rohr, 1994.
- Soom J.* «Avancement et fortune»: Schweizer und ihre Nachkommen als Offiziere, Diplomaten und Hofbeamte im Dienst des Zarenreiches (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 7). Zürich: Hans Rohr, 1996.
- Stricker G.* Schweizer im Zarenreich // G2W. 1998. № 26/6. P. 22–27.
- Studer B.* Un parti sous influence: Le Parti communiste suisse, une section du Komintern, 1931 à 1939. Lausanne: L'Age d'homme, 1994.
- Tschudin G.* Schweizer Käser im Zarenreich: Zur Mentalität und Wirtschaft ausgewanderter Bauernsöhne und Bauerntöchter (= Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer, 3). Zürich: Hans Rohr, 1990. 328 s.
- Uhlig Ch.* 'Nicht dass es schlecht wäre, aber es ist, wie alles hier, nicht fertig': Das Russlandbild schweizerischer Aufbauhelfer in der Sowjetunion 1917 bis 1939 // Brang P., Goehrke C., Kembal R., Riggenbach H. (éds) Bild und Begegnung: Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt a. M.: Helbing & Lichtenhahn, 1996. P. 105–123.
- Uhlig Ch.* Utopie oder Alptraum? Schweizer Reiseberichte über die Sowjetunion 1917–1941 (= Die Schweiz und der Osten Europas). Zürich: Hans Rohr, 1992.

- Voegli J.* Die Rückkehr der Russlandschweizer 1917–1945, Mémoire de licence inédit. Université de Zürich, 1979.
- Zimmermann I.* Zum Russlandbild schweizerischer temporär Auswanderer um die Jahrhundertwende // Brang P., Goehrke C., Kemball R., Riggenbach H. (éds). Bild und Begegnung: Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit. Basel; Frankfurt a. M.: Helbing & Lichtenhahn, 1996. P. 97–104.
- Zimmermann W.G. (éd.)* Schweiz-Russland / Rossija-Švejcarija: Beziehungen und Begegnungen. Begleitband zur Ausstellung der Präsidialabteilung der Stadt Zürich [Museum Strauhof, 6. Juni bis 31. Juli 1989]. Zürich: OZV Offizin Zürich Verlags-AG, 1989.
- Каранетяни И., Мевли О. (ред.)* Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России: коллоквиум 16 сентября 2009 г. М.: Каллиграф, 2012.
- Плеве И.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: Готика, 1998.
- Тозато-Руго Д., Андреев А. (ред.)* Император Александр I и Фредерик-Цезарь Лагарп: письма, документы. Т. 1. М.: Росспен, 2014.
- Тозато-Руго Д.* «Пользуются репутацией людей порядочных и серьезных»: швейцарские гувернеры и гувернантки в России (1750–1850) // Родина. 2014. № 1. С. 30–34.

Перевод И. Ивановой

Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во

В истории кантона Во в качестве основного направления эмиграции его жителей была вовсе не Россия, а Новый Свет, который был более известен и который порождал мечты и надежды на лучшее будущее. Однако в общем списке стран, которые привлекали амбиции швейцарцев, страдающих от безденежья, от непризнания или ищущих приключений, Россия занимала особое место. С тех пор как женевец Франц Лефорт [François Le Fort] (1656–1699) поднялся до ранга личного друга Петра Великого, привлекательность России для швейцарцев усилилась. Известно, какую роль играли в это же время в строительстве Санкт-Петербурга архитекторы из Тичино. Эпоха Просвещения тоже дала новый импульс интересу, который швейцарцы имели к России.

Роль Фредерика-Цезаря де Лагарпа [Frédéric-César de La Harpe]

Вспомним, что еще в 1727 г. знаменитый математик из Базеля Леонард Эйлер [Leonard Euler] (1707–1783) был приглашен в Россию и приехал работать в Санкт-Петербург. Императрица Екатерина Великая пригласила в Россию швейцарских ювелиров и часовщиков. Она же ввела традицию доверять воспитание и образование детей из высшего класса общества воспитателям из франкоязычной Швейцарии. Именно тогда начался приезд швейцарских воспитателей и гувернанток, чему немало способствовало употребление французского языка в среде русской аристократии. Многочисленны были и швейцарские военные, которые завоевали хорошую

репутацию, некоторые даже получили аристократический титул. Среди них можно назвать Шарля-Анри Варнери [Charles-Henry Warnery] (1720–1786), Жана-Франсуа де Рибопьера [Jean-François de Ribeaupierre] (1754–1790) или Анри Жомини [Henry Jomini] (1779–1869). Эта профессия соответствовала одной из обычных статей экономической деятельности Швейцарии, а именно службе за рубежом в качестве наемников. Отметим также и коммерсантов, готовых переносить климат России ради выгоды своего дела. Если немецкая Швейцария отправила в Россию избыток своего населения: ремесленников, сыроваров, скотоводов, кондитеров и механиков, то французская Швейцария стала поставщиком многочисленных преподавателей, так что это можно считать спецификой данного региона.

Екатерина II настолько укрепила репутацию этих учителей, что нанимать их во французской Швейцарии стало обычным явлением. Наняв Фредерика-Цезаря Лагарпа для обучения своих внуков Александра и Константина, она тем самым открыла большие перспективы для всех его соотечественников, стремившихся выйти из нищеты или расширить свои горизонты. Лагарп приехал на службу к императрице не напрямую. Будучи наставником Якова, младшего брата одного из фаворитов Екатерины, князя Александра Ланского (1758–1784), Лагарп сопровождал его во время поездки по Италии¹. Вскоре он узнал, что его имя было подсказано царице, которая решила, что лучше отдать судьбу России в руки своих внуков, чем в руки своего сына Павла I. Кантон Во был тогда уже известен многим семьям при Дворе, поскольку Павел сам посетил его и встречался с Анри Моно [Henry Monod] (1753–1833), другом Лагарпа.

Лагарп полностью посвятил себя педагогической деятельности и внушал своим ученикам новые идеи, в том числе и идею свободы, которым их бабушка в какой-то мере не была чужда. Будучи республиканцем, Лагарп обучил Александра, с которым он был связан искренними дружескими отношениями, воспринимать эти идеи положительным образом². Так возник один из примеров,

¹ Stroeve, 2011.

² Auberson, Gex, 2011.

который благоприятствовал карьере, иногда блестящей, этой когорты учителей и учительниц из французской Швейцарии. Выходцы из кантона Во были надежными. Как писала Жанна Ук-Мазле [Jeanne Huc-Mazelet] (1765–1852) по поводу пастора Пюже [Puget], но ее комментарий относился и к швейцарцам в целом: они «простые» и по натуре «покладистые»³. И их протестантская религия, со своей репутацией строгости, не является для многих препятствием.

Причины эмиграции

Благодаря Лагарпу, масса людей из Во нашла работу в кулуарах императорского Двора. Упомянутая Жанна Ук-Мазле, а также Эстер Моно [Esther Monod] (1764–1844), которая была кузиной Анри Моно и стала супругой русского генерала Симона Рата [Simon Rath] (1765–1819), и вместе с ними Элизабета-Луиза де Сибург [Elisabeth-Louise de Sybourg] стали гувернантками великих княжон Марии, Елены и Екатерины. Брат Элизабеты получил должность чтеца у Александра и Константина, тогда как пастор Пюже занимался воспитанием великих князей Николая и Михаила⁴. Флоран де Жиль [Florent de Gilles], женевец, происходивший из кантона Во⁵, преподавал французский язык в России, а затем был назначен библиотекарем императора. Итак, кантоны Во и Женева поставляли в Россию преподавателей и гувернанток, но это не являлось исключительной монополией данных кантонов.

Выходцы из кантона Невшатель тоже были представлены в массе в Российской империи. И если коммерция, связанная с часовым делом, толкала многих из них на долгую и трудную дорогу, то и преподавание привлекало многих, т. е. восемь из десяти. Между 1851 и 1865 гг. Россия занимала третье место среди выбираемых направлений эмиграции для учителей из Невшателя, т. е. она стояла сразу после Германии, с которой прусский принципат имел особые связи,

³ *Perrochon, 1937; Grisoni, 2015.*

⁴ *Tosato-Rigo, 2012.*

⁵ *Stroev, 2011.*

и Франции⁶. В этот период времени можно было насчитать от 51 до 67 % женщин — кандидаток на отъезд!

Из католического кантона Фрибург редкие выходцы получали ангажемент. То же самое можно сказать и о жителях кантона Вале, которые чаще всего поставляли кадры в императорскую армию. Примером может служить Огюст Дюкре [Auguste Ducrey] (1804–1853), который, будучи уволенным с военной службы во Франции, в 1831 г. перешел в русскую армию, где и закончил свою карьеру в чине полковника⁷. Однако можно найти и несколько учителей, таких как Мишель Пинья [Michel Pignat] (1831–1901), который эмигрировал в 1850 г. в Россию после того, как его коммуна Вуври приняла решение заменить церковных школьных учителей светскими⁸.

Судьба некоторых эмигрантов — выходцев из кантона Юра хорошо известна благодаря богатым свидетельствам, которые они оставили. Так, Жан-Батист Константин Ловис [Jean-Baptiste-Constantin Lovis] (1807–1887), выходец из рода зажиточных фермеров, некоторые члены которого входили в местную элиту, покинул в 1824 г. свою деревню без всякого предварительного жизненного плана и, несмотря на незаконченное образование, был нанят в качестве воспитателя адъютантом Николая I Александром Сабуровым (1799–1880). Один из сыновей Сабурова стал на короткий срок министром образования при Александре II. В 1847 г. Ловис поступил на службу в семью Нарышкиных. После сдачи необходимых экзаменов параллельно с этой работой он преподавал французский в гимназии⁹. Это был престижный пост, который принес ему дворянство. Ловис женился на протестантке из Монбельяра и, нажив большой капитал, обосновался в Лозанне. Несколько преподавателей из Невшателя имели похожую судьбу: проработав учителями в государственных учебных заведениях, они получили в России чин титулярного советника, который позволил им стать дворянами¹⁰.

Другой выходец из Юры, Анри Фаррон [Henri Farron] (1802–1870), написал воспоминания, которые рассказывают о его блестящей

⁶ Maeder, 1990.

⁷ Syburra-Bertelleto, 2007, p. 25–26.

⁸ Bertrand, 1938–1939.

⁹ Lovis, 2007, p. 94.

¹⁰ Maeder, 1990, p. 89–90.

карьере в семье князя Алексея Салтыкова (1806–1859)¹¹. Но окончание карьеры Анри Фаррона было несколько подпорчено преждевременной смертью его могущественного покровителя при Дворе, графа Головкина, которая помешала ему войти в ближний круг императорской семьи. Его мечты стать наследником Лагарпа в качестве воспитателя одного из императорских детей рассеялись. Его сестра, Ами Фаррон [*Amie Farron*] (1816–1896), которая была гувернанткой в семье генерала Муравьева, тоже оставила свои воспоминания.

Каковы же были причины этих волн эмиграции в Россию, притягивающей учителей и гувернанток, щедро передающих великолепное знание французского языка потомству приближенных ко Двору богатых семей? Алан Мэдер попробовал систематизировать причины применительно к кантону Невшатель¹². Нет сомнения, что экономические причины занимали центральное место. В 1886 г. государственный советник Огюст Корна [*Auguste Cornaz*] (1834–1896) признал, что девушке без денег было трудно выйти замуж. Именно поэтому эмиграция становилась привлекательным решением. Действительно, если подходить к проблеме в целом, то недостаток материальных средств, создаваемых сельским хозяйством и промышленностью, толкал молодежь этого кантона объезжать мир в поисках новых счастливых возможностей.

Эти основные причины, без сомнения, были действительны и для кантона Во, наравне с личными амбициями или настроением на путешествия, охватывающим многочисленных лиц. Именно надежда научиться вести дела подтолкнула шестнадцатилетнего Франсуа-Давида Нуара [*François-David Noir*] (1806–1877) присоединиться в 1822 г. к группе переселенцев в Шабарг¹³. При этом надо учитывать и хорошую репутацию швейцарцев, особенно протестантов, считавшихся менее легкомысленными, чем французы. В случае с Жанной Ук-Мазле доминирующей была надежда улучшить финансовое положение семьи, но определенную роль играло и ее личное стремление к независимости¹⁴.

¹¹ *Moeschler*, 2016.

¹² *Maeder*, 1990, p. 49–60.

¹³ *Noir*, 2015, p. 23–43.

¹⁴ *Eimann*, 2005, p. 25.

Помимо экономических причин надо отметить и социальные, которые очень четко проявлялись в Невшателе: получавшие скромную зарплату, но при этом несущие большую моральную ответственность, школьные учителя надеялись найти за рубежом заслуженную высокую оценку. Думается, что такое положение дел, угнетающее преподавателей, затрагивало и учителей в кантоне Во.

Александр I и независимость кантона Во

Благодаря личности и авторитету Лагарпа, кантон Во занимал главное место в швейцарской эмиграции в Россию. Лагарп входил в число тех, кто активно способствовал этому движению. Но в чем же была особенность кантона Во? В начале XIX в. бывшая Страна Во только что вошла в состав швейцарской Конфедерации. Эта территория около озера Леман (Страна Во. — *Прим. пер.*), находящаяся под управлением олигархической бернской республики, благодаря некоторым политикам, в том числе и Лагарпу, была освобождена в 1798 г. при вторжении французской армии. Кантон Во стал Леманской республикой. По модели Франции была организована Гельветическая республика, «единая и нераздельная», в которую вошла и Леманская республика. Границы кантонов были изменены, все кантоны потеряли свою автономию и были низведены до ранга префектур. В то же время были проведены важные реформы, некоторые из которых легли в основу создания отдельных швейцарских учреждений 1848 г.

В эти годы Швейцария превратилась в поле европейской битвы. Она стала предметом раздора между «федералистами» — сторонниками старого порядка — и «централистами» — адептами республики и в своем большинстве выходцами из бывших зависимых территорий — «территориальных субъектов» (до 1798 г. в соответствии с территориальной политикой Швейцарии существовали территории, «страны», зависимые от сильных городов-кантонов. Так, Страна Во находилась под управлением Берна. — *Прим. пер.*).

В то время как хаос угрожал разрушить Швейцарию, Бонапарт, который захватил власть в Париже и не хотел иметь такой бурлящий источник нестабильности у подножия Альп, навязал Швейцарии в 1803 г. Акт посредничества [Acte de Médiation] (федеральная

конституция Швейцарии, выработанная Наполеоном вместе с представителями двух основных швейцарских партий. Она положила конец централизованной власти и позволила образовать союзное государство из 19 кантонов. — *Прим. пер.*)

Этот Акт утвердил существование кантонов, ставших свободными в 1798 г., и создал из них настоящие кантоны, равноправные с другими, восстановив таким образом систему федерализма. Именно с этого времени кантон Во стал полноправным членом Конфедерации, и его благодарность Бонапарту была безмерной.

Власти кантона сразу же взялись за дело и создали административную систему, которой ему не хватало. Их деятельность направляла одна главная идея: показать, что независимость кантона является заслуженной и что он достоин того места, которое он занял. Чтобы доказать, что кантон не нуждается в бернском руководстве, власти создали такие институты, которые позволили обеспечить свою самостоятельность: армию, способную защищать новое государство, и Большой совет (законодательный орган кантона. — *Прим. пер.*). Последний был создан путем выборов, причем как ярые сторонники революции, так и сторонники бернского режима оказались в нем в значительном меньшинстве. Власти кантона также установили достаточно демократичные институционные рамки, которые позволяли максимально приблизиться к умеренности. И наконец, благодаря рачительному управлению общественными средствами и экономике, основанной на свободном обмене, правительство кантона Во укрепило его финансовую независимость, которая должна была сопровождаться независимостью политической.

При таком положении дел и под покровительством Наполеона кантон Во мог спокойно пережить период действия Акта посредничества, будучи защищенным от бернских амбиций. Поэтому поражение, которое было нанесено Наполеону в Лейпциге в 1813 г., произвело эффект шока в Лозанне. Всех беспокоила судьба молодого кантона.

Правительство кантона находилось в полной растерянности. Поддерживаемые австрийцами, власти Берна не теряли времени и призвали своих бывших сторонников из кантонов Во и Аргау в кратчайшие сроки объединиться под их руководством. В кантоне Во возникли затруднения с выработкой единого решения.

Положение спасло предложение одного из членов правительства — Анри Моно [Henri Monod] (1753–1833), понимавшего выгоду, которую мог извлечь его кантон из дружбы Лагарпа с Александром I. Анри Моно обратился напрямую к императору. Последствия хорошо известны¹⁵.

Александр пообещал, несмотря на его ненависть к Наполеону, не трогать того, что тот создал для Швейцарии. Многочисленные выходы из кантона Во, находившиеся в окружении Александра, «воздузское» образование, которое получили он, его братья и сестры, создали прочные связи, выдерживающие любые испытания. Не забудем присутствия среди военных советников Александра другого знаменитого воздузца — барона Анри Антуана Жомини. С помощью графа Иоанна Каподистрии [Jean Capod'Istria] (1776–1831) царь настоял на сохранении кантонов, созданных в 1803 г. Поддерживаемый Меттернихом, Берн активно протестовал, создал альянс бывших патрицианских кантонов (Берн, Люцерн, Золотурн и Фрибург — средневековые города-государства, которые имели особую систему управления патрициями-олигархами. — *Прим. пер.*) для противостояния этому решению, но в результате ничего не смог сделать. Венский конгресс признал независимость кантонов Во, Аргау и Тичино.

Кантон Во: становление государства

Однако, несмотря на такое решение, кантон Во не был защищен от превратностей судьбы. В 1816 и 1817 гг. Швейцария, как и вся Европа, пострадала от сильного голода. Но для кантона Во добавилась еще и политическая проблема. Федеральный пакт, который с августа 1814 г. регулировал отношения между кантонами, содержал механизм помощи кантонам, которые были затронуты серьезными бедами. Но для властей кантона Во было практически невозможно воспользоваться этой статьей. Причиной являлся тот факт, что просьба о федеральной помощи породила бы мысль о том, что власти кантона Во в реальности не способны вести административные

¹⁵ См. материалы коллоквиума «Le Canton Vaud et le Congrès de Vienne 1813–1815», прошедшего в ноябре 2013 г. (в печати).

дела с той мудростью, которая требовалась в этих трудных обстоятельствах. Население кантона охватила тревога. Весной 1816 г. цены на зерно резко подскочили, и уже в июле количество зерна, необходимого для питания, было исчерпано¹⁶. Опасались беспорядков, но особенно беспокоили происки спекулянтов. Не стояли ли за их спинами бернцы? В конце лета 1816 г., опасаясь, что вмешательство государства ухудшит напряженную ситуацию, правительство кантона было вынуждено подчиниться законам рынка. В реальности отсутствие солидарности между производителями и потребителями окончательно разрушало все более и более хрупкое равновесие. Государственный совет (исполнительный орган власти кантона. — *Прим. пер.*), пытаясь восполнить быстро тающие запасы зерновых и продуктов питания, увеличил массовые закупки пшеницы за границей. Он отправил миссии в Марсель и в немецкие княжества, активно используя сеть водуазских купцов в Европе. Был также начат сбор средств. Один богатый банкир дал деньги государству в долг, чтобы оно могло заполнить зерновые склады кантона.

В 1817 г. ситуация немного успокоилась: рынок восстановил свой нормальный ритм. Кантону удалось пережить этот кризис без восстаний. Возможно, именно эти события повлияли на решение примерно тридцати водуазцев отправиться на юг России, чтобы там выращивать виноград. Действительно, если экономические кризисы и в целом подогревали желание эмиграции, то прямое влияние голода 1816 г. нельзя недооценивать. Однако, как это ни странно, 1820-е гг. не содержат цифр, показывающих резкий подъем эмиграции. Руководство кантона Во всячески старалось помочь виноделам, защищая их рынок: оно проводило очень осторожную торговую политику, чтобы поддерживать возможности сбыта в немецкую Швейцарию¹⁷.

Как бы то ни было, в 1820 г. Луи-Венсен Тардан [Louis-Vincent Tardent] (1787–1836), уроженец Ормона и учитель в Ве́ве, опытный ботаник, ученик Песталоцци, убедил своих будущих компаньонов попытать судьбу в России, где он нашел подходящую для предпринимчивых виноделов территорию в окрестностях города Аккермана,

¹⁶ *Buxcel*, 1981, p. 42.

¹⁷ *Ibid.*, p. 95.

недалеко от Одессы¹⁸. В свою эпоху правления Екатерина II пригласила иностранцев для колонизации земли на юге Российской империи¹⁹. В Крыму в это время уже процветала цюрихская колония. Александр I продолжил дело Екатерины II. На его приглашение откликнулись не только немцы, но и швейцарцы.

В это время Одесса была городом новым и космополитичным, и водуазцы уже жили и работали там: так, активно вели свои дела владелец книжного магазина Колан [Collin] и братья Дантц [Dantz]. Именно у последних молодой Нуар решил постигать профессию банкира²⁰. Отправляясь на земли, выбранные им в 1821 г., Тардан думал найти в Лагарпе хорошего адвоката, чтобы убедить царя в добрых намерениях швейцарцев. И Лагарп поддержал ходатайство своих соотечественников.

В 1822 г. с Рыночной площади в Веве отправился обоз. Это была начальная точка истории колонии Шаблаг, которая должна была называться «Гельвецианополисом». Однако глубинные причины, которые подвигли Тардана основать колонию виноделов в такой дали, остаются пока загадкой. Если считать, что нищета не могла толкнуть этих водуазцев к эмиграции, то надо все-таки признать, что их направляла надежда улучшить свое финансовое положение. Тардан представил дело Государственному совету, указав в числе причин эмиграции виноделов рост населения кантона, который создает проблему для использования земель. Действительно, если в 1803 г. кантон насчитывал 144 507 жителей, то через тридцать лет их было уже на 30 000 жителей больше, а в переписи 1841 г. было отмечено уже 189 675. Однако инициатива Тардана не получила поддержки Государственного совета.

Эмигранты из кантона Во в поисках новых горизонтов

Можно было бы подумать, что переселение в Шаблаг означало активное развитие эмиграции сельскохозяйственной вместо эмиграции педагогической, начатой Лагарпом. Но так думать было бы

¹⁸ *Gander-Wolf*, 1974; *Grivat*, 1993.

¹⁹ *Bühler et al.*, 1985, p. 43–50.

²⁰ *Noir*, 2015, p. 26–27.

ошибкой. Водуазская эмиграция будет по-прежнему доминировать именно в области образования. За отсутствием на сегодняшний день систематических поисков в архивах, можно обратиться к «Золотым книгам» студенческих объединений («Золотая книга» — это памятная книга для записей свидетельств, комментариев, пожеланий, связанных с какими-то значительными событиями в жизни ассоциации, сообщества, фирмы. — *Прим. пер.*), которые проливают некоторый свет на ситуацию с эмиграцией в Россию преподавателей из Во. Можно обнаружить более тридцати индивидуальных судеб, описанных в таких книгах в общих чертах. На основе этих разрозненных сведений можно увидеть, что кривая миграции преподавателей совпадает с такими линиями в других кантонах и что эти процессы зависят от экономических кризисов. Эмиграционные процессы, зафиксированные с начала 1820-х гг., затихают перед тем, как резко усилиться начиная с 1860-х гг. и особенно в 1870-х гг.: экономический кризис 1873 г., последовавший за банковским крахом в Австрии и продолжавшийся почти двадцать лет, оставил следы по всей Европе...

Но нельзя объяснить все только экономикой. Рост и спад количества отъездов в эмиграцию зависели также от политической ситуации в России. Так, революционное кипение, которое начиная с 1840-х гг. мало-помалу охватывало Европу, и успех республиканской пропаганды в Швейцарии — республиканском острове в сердце Европы — отвратили царя Николая I, известного своей реакционностью, от желания открыть двери своей империи сторонникам революции.

Именно поэтому Константин Ловис, приехавший из России на короткое время в Швейцарию, чтобы урегулировать свои семейные дела, подпал под указ, изданный в 1844 г., а затем подтвержденный в 1846 г., который закрыл ему въезд в Россию²¹. Ему удалось это сделать на год позже, но это был настоящий запрет, который временно ударил по швейцарцам. Зато начиная с 1855 г. поток франкоязычный швейцарцев становится постоянным: вернулась мода даже в среде обедневших аристократов и буржуа доверять детей иностранным воспитателям.

²¹ *Lovis, 2007, p. 78, 90.*

Известны учителя и учительницы из кантона Во в семье Павла I. Известно также, что последовавшие за ними водуазцы находили работу во многих семьях, принадлежащих к высшим сферам русского общества. Так, Шарль Жандро [Charles Gindroz] (1792–1857), принятый в Литературное общество, основанное в 1806 г., будучи пастором, приехал в Россию в 1816 г. и работал в семье Кутузова²². Многие воспитатели, нашедшие работу в России, не оставались там окончательно: это были временные ангажементы, в некотором роде «педагогические поездки». После возвращения в Швейцарию они, как правило, продолжали преподавательскую деятельность в колледже и редко выбирали политическую карьеру.

Из наиболее известных политических деятелей, побывавших в России, можно назвать Жана-Луи Бенжамена Лереша [Jean-Louis-Benjamin Leresche] (1800–1857), который присоединился к радикальному движению с самого момента его создания в начале 1830-х гг. и руководил его самым левым крылом²³. Вернувшись из России, он завоевал известность как журналист, участвовал во всех спорах радикалов. Однако его горячность вызывала опасения, и он не получил никакого поста высокого ранга, когда его друзья в 1845 г. пришли к власти. Лереш стал преподавателем в педагогическом училище и написал первую биографию Анри Дрюэ [Henri Drué], главы водуазского радикализма и члена первого Федерального совета 1848 г.

Назовем еще и Исаака Жоли [Isaac Joly] (1818–1901), который работал воспитателем в России до 1844 г.²⁴ Назначенный радикалами префектом, он был членом кантональной исполнительной власти с 1862 по 1866 г. В более позднее время Эрнест Гро [Ernest Grau] (1863–1939), вернувшийся в Швейцарию после работы преподавателем в Париже и в России, стал директором музея в Аванше [Avenches] и был избран в Большой совет²⁵.

²² Belles-Lettres de Lausanne, 1981, notice 7 (Студенческое литературное общество, основанное учениками Гимназии в 1806 г. и существующее до настоящего времени, издает свой журнал и имеет свою «Золотую книгу» членов общества. — *Прим. пер.*).

²³ Ibid., notice 148; *Spothelfer*, 1995, notice 87.

²⁴ *Bovard*, 1982, p. 274–275.

²⁵ Belles-Lettres de Lausanne, 1981, notice 1300.

Этот последний случай показывает, что студенты, записанные в «Золотую книгу», если и начинали заниматься преподаванием за границей, далеко не все ехали в Россию. Так, наиболее известный из них, Шарль Моннар [Charles Monnard], основатель студенческого общества «Белль-Летр» [Belles Lettres], получивший богословское образование в Академии Лозанны (так называлась школа пасторов, существовавшая до 1890 г., которая затем была преобразована в Лозаннский университет. — *Прим. пер.*), еще на пороге своей карьеры работал в Париже воспитателем Танги Дюшателя [Tanguy Duchâtel], будущего министра внутренних дел в правительстве Гизо [Guizot]²⁶ во Франции. Другие студенты Академии отправлялись на работу в Германию, во Францию и даже в Румынию. Третьи же ехали работать в Россию, но гораздо реже одетые в пасторскую одежду. В качестве примера можно назвать несколько членов студенческого общества «Цофинг» [Zofingue], воздузская секция которого была основана в 1821 г. и которая была близка к Свободной церкви, отколовшейся от Национальной церкви, оставшейся под влиянием радикального государства (Свободная евангелическая церковь в 1845–1847 гг. по политическим и богословским мотивам отделилась от Реформаторской евангелической церкви кантона Во, связанной с государством. Воссоединение этих церквей произошло только в 1965 г. — *Прим. пер.*).

Среди этих воздузских воспитателей многие, по примеру Константина Ловиса, сделали блистательную карьеру. Не так уж редки были и те, кто преподавал французский в престижных учебных заведениях. Например, Поль Пилисьер [Paul Pilicier] (1859–1915) преподавал в Кадетском корпусе в Нижнем Новгороде, Камиль Дюдан [Camille Dudan] (1889–1963) преподавал у кадетов в Москве²⁷, или Луи Корню [Louis Cornu] (1876–1951) был преподавателем в императорском лицее в Царском Селе²⁸. Некоторые достигали и университетского уровня. Часто работа преподавателей была отмечена орденами. Вспомним Адриена Тюреля [Adrien Turel] (1828–1904), который преподавал в России. В 1848 г. он стал одним

²⁶ *Meuwely*, 2016.

²⁷ *Spothelfer*, 1995, notice 1332, 2297.

²⁸ *Belles-Lettres de Lausanne*, 1981, notice 1461.

из основателей водуазской секции студенческого общества «Гельвеция» — резерва кандидатов для радикалов этого кантона. Тюрель даже получил в России чин статского советника²⁹.

Интересно отметить, что из трех названных студенческих обществ — «Белль-Летр», «Цофинг» и «Гельвеция» — последнее было самым маленьким, но именно оно поставило в Россию больше всего воспитателей. Этот феномен нельзя напрямую объяснить тем фактом, что это общество было популярно у наиболее безденежных студентов из провинции, которым было труднее всего найти работу на местном рынке труда. Однако можно увидеть, что начиная с 1850-х гг. рост эмиграции совпадает с увеличивающимся интересом к дальним путешествиям детей ремесленников. В списке лозаннских студентов, готовых ехать за границу, чтобы зарабатывать на жизнь, совсем немного имен местной элиты.

Единственным исключением из этой общей картины является член «Цофинга» Шарль Рамбер [Charles Rambert] (1867–1932), который преподавал французскую литературу в институте для девушек в Санкт-Петербурге. В 1906 г. он вернулся в Лозанну и работал в качестве преподавателя рисования в Кантональной школе рисования, а через десять лет стал директором этой школы³⁰. Революция 1917 г. прервала удачные профессиональные карьеры многих водуазцев, работавших в России в системе государственного образования. Известна также невероятная судьба Пьера Жильяра [Pierre Gilliard] (1879–1962), который был воспитателем последнего царевича и который сопровождал императорскую семью до самого их трагического конца³¹. Но есть и еще менее известные лица. Можно вспомнить Улисса Брела [Ulysse Brélaz] (1864–1944), преподавателя в реальном училище императора Александра в Вологде, награжденного орденом Станислава 2-й степени. Он продолжал свою работу и в эпоху большевизма, но вынужден был в 1924 г. вернуться в Швейцарию, где нашел себе место библиотекаря на юридическом и медицинском факультетах³².

²⁹ Helvétia, 1883, notice 6.

³⁰ *Spothelfer*, 1995, notice 1567.

³¹ *Girardin*, 2005.

³² Helvétia, 1983, notice 290.

Заключение

Швейцария является страной иммиграции и эмиграции. Хорошо известно та выгода, которую она получила от людей, приехавших, чтобы отдать ей свои силы, свою творческую инициативу, свою энергию. Гораздо менее известно, что Швейцария получила выгоду и от всех тех своих детей, которые уехали, чтобы попытаться счастья за границей. Например, так происходило с деятельностью военных наемников: те швейцарцы, которые обнажали свою шпагу в обмен на деньги, а также, и что гораздо важнее, в обмен на знания и опыт, вернувшись, находили себе работу в кантональной милиции, не имевшей профессиональных солдат. Таким образом, она пополнялась профессионалами практически задаром. А сэкономленные общественные средства могли быть использованы на другие общественные нужды. То же самое происходило и в других профессиях. Многие кантоны, долгое время страдавшие от перенаселения по сравнению с своими экономическими возможностями, относились положительно к эмиграции части своих граждан: меньше ртов, чтобы кормить... Но в то же время это вынуждало швейцарцев столкнуться с реальностью мира. В 1860-х и 1880-х гг. швейцарское Общество эмиграции стремилось иметь агентов — специалистов в этом вопросе в Гавре, в Нью-Йорке и в Буэнос-Айресе. Эта идея была хорошо воспринята частью членов Федерального парламента, желавших хорошо организовать добровольное изгнание многочисленных швейцарцев и швейцарок и помочь им в их новом мире. Однако два федеральных советника, Яков Стэмпfli из Берна [Jacob Stämpfli] и Луи Рюшоннэ из кантона Во [Louis Ruchonnet], были радикалами, которые жестко воспротивились этому³³. По их мнению, страна не могла гордиться отъездом своих граждан. Речь шла, наоборот, о неудаче: государство должно было бы прилагать усилия, чтобы сохранить своих граждан на своей земле и не поддерживать их отъезд; государство должно было бы прежде всего заботиться о том, чтобы создать своим гражданам хорошие условия жизни именно там, где они хотели бы жить! На наш же взгляд, эта точка зрения не должна умалять важности вклада эмигрантов в жизнь Швейцарии...

³³ *Mewoly*, 2006, p. 119, 316.

Источники и литература

- Actes du colloque «Le Canton de Vaud et le Congrès de Vienne 1813–1815», tenu en novembre 2013 (в печати).
- Belles-Lettres de Lausanne. Livre d'Or du 175^{ème} anniversaire 1806–1981, Imprimerie des arts et métiers. Lausanne, 1981.
- Helvetia. Livre d'Or de la section vaudoise 1847–1982. Lausanne: Imprimerie Ruckstuhl, 1983.
- Auberson D., Gex N.* La Harpe et l'histoire // Meuwly O. (dir.) Frédéric-César de La Harpe 1754–1838 // Bibliothèque historique vaudoise. 2011. № 134. P. 110–121.
- Bertrand J.-B.* Valaisans en Russie // Annales valaisannes, juin 1938 et juin 1939. 1938–1939. P. 357–369.
- Bovard P.-A.* Le gouvernement vaudois de 1803 à 1962. Morges: Editions de Peyrollaz, 1982.
- Bühler R. et al.* Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zurich: Hans Rohr, 1985.
- Buxcel E.* Aspects de la structure économique vaudoise 1803–1850 // Bibliothèque historique vaudoise. Lausanne, 1981. № 71.
- Eimann A.* «Jeanne Huc-Mazelet (1765–1852), préceptrice à la cour impériale de Russie: une émigration réussie?», mémoire de maîtrise présenté à l'Université de Lausanne. 2005.
- Gander-Wolf H.* Chabag. Schweizer Kolonie am Schwarzen Meer. Lausanne: Multi-Office, 1974.
- Girardin D.* Précepteur des Romanov. Le destin russe de Pierre Gilliard. Arles: Actes Sud, 2005.
- Grivat O.* Les vigneron suisses du tsar. Chapelle-sur-Moudon: Editions Ketty & Alexandre, 1993.
- Grisoni A.* «Eduquer des princesses. Jeanne Huc-Mazelet (1765–1852) et Esther Rath (1764–1844), gouvernantes à la cour impériale», mémoire de maîtrise présenté à l'Université de Lausanne. 2015.
- Lovis J.* Un Jurassien chez les tsars. Constantin Lovis, 1807–1887. Précepteur en Russie. Neuchâtel: Alphil, 2007.
- Maeder A.* Gouvernantes et précepteurs neuchâtelois dans l'empire russe (1800–1890), Cahiers de l'Institut d'histoire. Université de Neuchâtel, 1990.
- Meuwly O.* Louis Ruchonnet 1834–1893. Un homme d'Etat entre action et idéal, Bibliothèque historique vaudoise № 128. Lausanne, 2006.
- Meuwly O.* Le libéralisme moral de Charles Monnard // Meuwly O. (dir.) Charles Monnard 1790–1865. Un libéral atypique. Bibliothèque historique vaudoise № 143. Lausanne, 2016. P. 77–98.

Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во

- Moeschler P.-Y.* Henri Farron, heureux en Russie, malheureux en Suisse // *Pas-sé simple*. Mensuel romand d'histoire et d'archéologie. 2016. № 14, avril. P. 3–11.
- Noir F.D.* Journal de voyage. Lausanne – Chabag – Odessa, présenté et annoté par Jean-Pierre Bastian. Bière: Cabédita, 2015.
- Perrochon H.* Une amie vaudoise de Mme Schiller: Jeanne Huc-Mazelet // *Revue historique vaudoise*. 1937. № 45. P. 321–338.
- Spothelfer J.-M.* Les Zofingiens. Livre d'or de la section vaudoise. Bière: Cabédita, 1995.
- Stroev A.* Les débuts pédagogiques de Frédéric-César de La Harpe // Meuwly O. (dir.) Frédéric-César de La Harpe 1754–1838, Bibliothèque historique vaudoise. 2011. № 134. P. 23–35.
- Syburra-Bertelletto R.* Mon cher frère Auguste (1804–1853) et César (1811–1897) Ducrey. Deux frères, deux carrières, une correspondance, Sedunum Nostrum, Association pour la sauvegarde de la cité historique de Sion. Bulletin № 78. 2007.
- Tosato-Rigo D.* Les relations russovaudoises à l'époque de Frédéric-César de La Harpe // Karapetyants I., Meuwly O. (dirs.) *Les Vaudois en Russie*. Colloque du 16 septembre 2009, Pro Helvetia, Fondation suisse pour la culture. Moscow, 2012. P. 34–44.

Перевод И. Ивановой

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КАЩЕНКО

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА КАЩЕНКО
Санкт-Петербургский университет

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ИВАНОВА
Лозаннский университет

Неудавшиеся попытки эмиграции из Швейцарии в южные регионы Российской империи в первой трети XIX в.¹

**Введение:
обзор документов Российского государственного
исторического архива (Санкт-Петербург)**

В последние десятилетия история швейцарских колоний в Крыму и в Северном Причерноморье привлекает внимание многих исследователей и журналистов², поскольку эта проблема многие годы оставалась малоизвестной. Цели этих работ изменялись в зависимости от тех читателей, для которых они были предназначены: одни исследования были созданы для специалистов отдельных областей (например, права, экономики, исторической демографии), другие же должны были привлечь внимание широкой публики, интересующейся историей отношений между Швейцарией и Россией. В качестве источниковой базы этих работ использовались самые разнообразные документы: от официальных архивных материалов до устных рассказов потомков швейцарских колонистов, семейной переписки и домашних архивов.

¹ Настоящая работа выполнена в рамках международного проекта Швейцарского и Российского научных фондов «История швейцарских колоний в Крыму и в Северном Причерноморье: лингво-идентичностный аспект».

² *Grivat*, 1993; *Collmer*, 2001; *Bastian*, 2016a; *Bastian*, 2016b.

Однако научное качество работ по истории во многом определяется вниманием к источникам и тщательностью источниковедческого анализа документов, которые попали в руки исследователей. По этой причине вопрос анализа источников, находящихся в официальных архивах, остается крайне важным.

В настоящее время, независимо от большого числа работ о швейцарских колониях, вопрос о создании исчерпывающего списка русских архивов, в которых находятся важные для этой темы документы, остается актуальным. Хотя в Цюрихе существует специальный архив швейцарцев в России³, который содержит богатую информацию, в этом вопросе остаются отдельные лакуны, которые нужно заполнить. Данная статья ставит это одной из своих целей.

Сегодня, имея «критическую массу» работ по истории швейцарских колоний, мы можем достаточно точно очертить круг архивохранилищ в России, где находятся документы по данной проблеме.

Прежде всего, это государственные архивы Москвы и Петербурга, в которых сохранились фонды различных министерств Российской империи, архивы Орловской области (ГАОО) и Смоленска (ГАСО).

Документы, касающиеся жизни швейцарских колоний, находятся и в делах Государственного архива Республики Крым.

Наконец, необходимо отметить и Государственный архив Одесской области на Украине. Здесь находятся важные документы о жизни швейцарцев на Юге России.

Между тем наше исследование показало, что государственные архивы России изучены еще недостаточно. В данной работе мы ограничились анализом Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), чтобы установить список находящихся там документов о швейцарских колониях на Юге России и в Бессарабии. В качестве результата нашей работы мы выявили 174 дела из 11 фондов по теме «Швейцарские колонии Бессарабской губернии и Юга России».

Среди них: Ф. 1263. Комитет министров. Ф. 379. Департамент государственных имуществ Министерства финансов (1811–1837 гг.). Ф. 383. Первый департамент Министерства государственных имуществ. (1837–1866 гг.). Ф. 828. Генеральная

³ Russlandschweizer-Archiv RSA, Schweizerisches Sozialarchiv, Zurich.

евангелическо-лютеранская консистория (1832–1918 гг.). Ф. 1284. Департамент общих дел МВД (1842–1918 гг.). Ф. 1409. Собственная Е. И. В. канцелярия (1812–1917 гг.). Ф. 1399. Коллекция карт, планов и чертежей Петербургского Сенатского архива. Ф. 1181. Главного комитета об устройстве сельского состояния (1861–1882 гг.) и др.

Все эти материалы доступны для работы. Однако необходимо отметить несколько их особенностей. Прежде всего, многие документы содержат материалы, написанные на трех языках: русском, французском и немецком. Тексты на французском и немецком — это письма или прошения, поданные организаторами эмиграции из Швейцарии в Россию. Большая часть таких документов сопровождается русским переводом, сделанным профессиональным переводчиком министерства. Однако встречаются и непереуведенные документы.

Надо отметить, что чтение документов, написанных по-немецки, представляет наибольшие трудности, так как эти документы создавались частными лицами, почерк которых нелегко расшифровать. Кроме того, это еще немецкий готический шрифт, написанный на тонкой бумаге. Поэтому текст, находящийся на одной стороне письма, проступает на другую сторону. Это создает смешение букв двух текстов, которое затрудняет чтение. Часто только с помощью русского перевода можно понять их содержание, так как этот перевод сделан на гербовой, достаточно плотной бумаге и профессиональным писцом или переводчиком, т. е. написание слов достаточно четкое.

Далее, все официальные документы составлены в соответствии с четкими правилами: каждый последующий документ включает в себя все предыдущие, посвященные той же теме. С одной стороны, это можно рассматривать как негативный факт, так как каждый документ становится очень объемным и содержит много повторов. Но с другой стороны, благодаря этому правилу легче понять детали каждого дела. Кроме того, текст, читаемый с трудом в одном документе, можно прочитать более ясно в последующем документе.

Наконец, большая часть всех этих документов находится в виде микрофильмов, что тоже не облегчает работу с ними. Анализ этих документов, зачастую весьма объемных, показал, что они содержат

малоизвестную информацию и поэтому представляют особый интерес для истории швейцарских колоний на берегу Черного моря и в Бессарабии. Необходимо отметить, что в этих фондах находятся не только материалы успешной эмиграции, в результате которой были основаны такие процветающие колонии, как, например, Цюрихталь в Крыму и Шабо (Шабаг) около Одессы, но и материалы, описывающие неудавшиеся попытки эмиграции в Россию. Подобные случаи малоизвестны историкам, однако они имеют тоже свое значение в понимании причин и условий швейцарской эмиграции на Юг России. Поэтому их анализ стал второй целью данной статьи.

Попытка эмиграции в Крым фабрикантов шелка из Цюриха (1803–1804 гг.)

В ф. 383 документов Первого департамента Министерства государственных имуществ (1837–1866 гг.), оп. 29, хранится дело № 218 под названием «Об отношении графа Воронцова относительно предположения иностранцев Ешмана и Мейера о вызове из Швейцарии ремесленников для заведения в Южном крае шелковой и кисейной фабрик». Это дело содержит переписку между российским консулом в Гамбурге Андреем Андреевичем Форсманом (1800–1806 — поверенный в делах в Гамбурге), министром иностранных дел Российской империи графом Александром Романовичем Воронцовым, министром внутренних дел графом Виктором Павловичем Кочубеем, министерством коммерции и другими официальными лицами. Вся переписка по этому делу продолжалась с 22 января по 9 августа 1804 г.

Основой переписки послужило предложение швейцарских купцов Рудольфа Эшмана и Христофа Мейера, выходцев из Цюриха, живущих в Гамбурге, организовать переселение швейцарских фабрикантов шелка из Цюриха в Крым⁴. Эти два купца выступили как посредники в переговорах между цюрихскими шелководами и российским консульством.

⁴ РГИА. Ф.383. Оп. 29. Д. 218. Л. 24, 2–3.

Швейцарцами была разработана целая программа по организации производства шелка и хлопчатобумажных тканей в Новоросси. Их внимание к этому региону, особенно к Крыму, было вызвано благоприятными климатическими условиями для развития текстильной индустрии, а также близостью морских путей. Швейцарцы продумали все детали эмиграции, начиная с отбора и вывоза искусных мастеров из Цюриха и кончая условиями реализации продукции как в России, так и за ее пределами.

Швейцарская программа включала и такие аспекты, как строительство фабрик, поставка оборудования, исходных материалов, красителей, т.е. учитывала все составляющие развития шелковой и хлопчатобумажной промышленности. Были предусмотрены в ней и перспективы экспорта готовых товаров в соседние страны. Более того, помимо развития в Крыму этой отрасли индустрии программа предусматривала и развитие сельского хозяйства: швейцарские эмигранты предполагали насадить в Крыму шелковичные деревья, развести сады и виноградники.

Для реализации этой программы швейцарские производители шелка предполагали переселить 200 человек, включая женщин и детей. Интересно, что в критерии отбора будущих колонистов входили не только профессиональное мастерство и материальный достаток, но и нравственные качества: «К тому надлежит избрать людей, которые в рассуждении их способностей, нравственности и знаний годились к таковому плану и где бы каждый из них был на своем месте; людей не из низшего состояния, коих как солдат набирать можно, но таковых, кои имеют дальнейшие интересы видя для себя и фамилий своих, коих честолюбие и правила к тому клонятся, чтобы рачением своим, деятельностью и трудами приобрести себе состояние и на коих верности и честность положиться можно»⁵.

От российского правительства швейцарцы хотели получить гарантии, что они будут приняты на тех условиях, которые утвердила императрица Екатерина II в своих манифестах о переселении иностранцев в Россию начала 1760-х гг. В документах, приложенных к этой просьбе, они привели выписки из манифестов Екатерины II о правах и льготах для иностранцев. В число этих льгот входили

⁵ Там же. Л. 24 об.

свобода выбора места проживания, выделение ссуды на проезд и на обустройство, наделение каждой семьи колонистов 60 десятинами земли для занятия сельским хозяйством (65 гектаров), свобода выбора местных начальников, т.е. самоуправление для иностранных колоний, свобода вероисповедания, освобождение от военной и государственной службы и освобождение от платежей на 10 лет, свобода заводить фабрики, заниматься ремеслами и торговать своими изделиями⁶.

Поэтому швейцарские фабриканты просили российское правительство о выделении удобного места для создания колонии, о ссуде на переезд и о выделении кредита для организации производства. Эти просьбы были подтверждены точными расчетами расходов, которые составили сумму в 75 000 рублей (55 000 на организацию производства и 20 000 на переезд). Причем швейцарцы уточняли, что две трети этой суммы составит капитал, который в ближайшее время начнет приносить проценты, и только одна треть, потраченная на переселение, «окажется напрасной»⁷.

В этом предложении швейцарских купцов и фабрикантов интересна и мотивация их желания переселиться в Россию. Надо принять во внимание, что 1803–1804 — это годы, когда Швейцария оказалась под контролем Франции после захвата армией Наполеона. Политическая и экономическая нестабильность вызвали упадок промышленности, особенно текстильной. Как пишут купцы Эшман и Мейер: «При теперешнем политическом и торговом положении Европы, при коем великое число людей всякого звания пришло в упадок, частию в рассуждении политического их состояния, а частию в рассуждении разных отраслей промышленности», многие из лучших жителей Швейцарии бегут от жестокости и насилия французского правительства в другие земли⁸.

В качестве источника самой идеи переселения в южные области России Эшман и Мейер указывают на публичные объявления и на «сочинения», в которых говорится о планах и льготах, создаваемых правительством Российской империи для заселения южных

⁶ Там же. Л. 34–35.

⁷ Там же. Л. 36–38.

⁸ Там же. Л. 3–4.

регионов и Крыма. Поэтому и швейцарским купцам в Гамбурге, и фабрикантам в Цюрихе возможность развить текстильную промышленность в этих регионах показалась особенно привлекательной.

Предложение швейцарских купцов получило полную поддержку русского консула А. А. Форсмана, который переслал их письмо и свои комментарии и в Министерство коммерции, и в Министерство иностранных дел. Он полностью поддерживал предложение швейцарцев, неоднократно указывая, что их план соответствует желанию императора Александра I развить промышленность и торговлю в южных регионах России. Кроме того, он подчеркивал в своих депешах, что швейцарцы превосходят другие нации своим искусством, трудолюбием и основательностью. Поэтому переселение швейцарских производителей шелка в Россию могло бы принести большую выгоду стране. Заинтересованность Форсмана в этом деле показывает и тот факт, что он дважды пишет и в Министерство коммерции, и в Министерство иностранных дел, и министру внутренних дел графу В. П. Кочубею, торопя всех с ответом.

Судя по датам переписки, депеши Форсмана проходили по бюрократическим этапам достаточно быстро, так как государственная выгода этого плана была очевидна. По местам, отчеркнутым в прошении швейцарцев и в сопроводительных письмах А. Форсмана, хорошо видно, как шла работа в министерствах над этими документами. Передача прошения по инстанциям и ответы Форсману происходили в течение месяца. Уже в марте 1804 г. план швейцарцев был представлен лично императору Александру I.

В начале марта Форсман получил ответ от Министерства иностранных дел о том, что идет разработка новых правил приема иностранных колонистов. Можно думать, что необходимость разработки новых правил была вызвана трудностями, с которыми столкнулась первая группа швейцарских переселенцев в Россию под руководством майора Эшера. Плохо организованное, непродуманное массовое переселение, финансовые проблемы, трудности пути и контакта с майором Эшером вызвали недовольство российских властей⁹. Судя по ответу, который был послан А. Форсману

⁹ *Кащенко и др.*, 2018, с.143–152.

министром внутренних дел В. П. Кочубеем, император хорошо знал о сложностях переселения швейцарцев в Россию. И потому к предложению ждать новых правил император добавил, что никакой ссуды для переселения русское правительство выдавать больше не будет, поэтому колонисты должны быть людьми состоятельными. Кроме того, при колонизации Новороссии преимущества будут отдаваться хлебопашцам, виноградарям и скотоводам. Производителям шелка император предложил переселиться в другие регионы внутри России. Более того, в этом случае русское правительство готово было оказать им и финансовую помощь.

Официальный ответ с предложениями императора Форсман получил от министра внутренних дел графа В. П. Кочубея в начале мая 1804 г.¹⁰ Судя по ответу Форсмана, указание императора о рассылке новых правил переселения в южные регионы России было получено в посольствах и опубликовано в газетах. Поэтому швейцарские купцы в Гамбурге и цюрихские фабриканты были о них извещены. Видимо, ответ русского правительства не отвечал их ожиданиям. Поэтому уже в начале августа 1804 г. Форсман докладывает в министерство графу В. П. Кочубею, что он получил ответ Рудольфа Эшмана, по которому видно, что тот разочарован официальным решением. Эшман сухо поблагодарил за ответ, но отметил, что он предлагал весьма выгодное дело, которое могло бы служить для процветания России. После официального ответа русского правительства большинство цюрихских фабрикантов, готовых к эмиграции, приняло решение переехать в США, в Луизиану.

Хотя это дело окончилось без положительного результата, оно представляет интерес для историка. Во-первых, это дело хорошо показывает ту процедуру, которую проходило прошение о переселении в Россию. В 1804 г. дела о переселении подлежали ведению Министерства внутренних дел. Такими делами занимался министр, дело доводилось до сведения императора, и тот уже лично выносил решение, основанное на фактах и анализе ситуации. Во-вторых, дело Эшмана и Мейера свидетельствует о той сложной политической и экономической ситуации, которая сложилась в Швейцарии, завоеванной Наполеоном. Несмотря на старания Наполеона

¹⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 218. Л. 52.

урегулировать непростую политическую ситуацию, такие состоятельные люди, как фабриканты шелка — одной из ведущих в то время отраслей промышленности Швейцарии, — бегут из страны и ищут возможности развивать свое дело за рубежом. В-третьих, данное дело содержит и свидетельства о том, какую политику проводило русское правительство в отношении заселения присоединенных после войн с Турцией новых земель — Новороссии и Бессарабии. Интересно, что лично император указывает на необходимость принимать в этих районах, прежде всего, хлебопашцев, виноделов и скотоводов. Причем раздача земель тоже имела продуманный характер. Для развития же текстильной промышленности император предлагает фабрикантам обосноваться в центральных регионах России. В-четвертых, интересен и сам проект швейцарских фабрикантов, так как показывает детальную разработку программы перевода и развития текстильной промышленности в южные регионы России. Швейцарцы настаивали на том, что именно этот регион весьма благоприятен для развития данной промышленности. Причем они планировали не только создание текстильной промышленности, но и одновременно развитие сельского хозяйства. Поэтому неудивительно, что они отказались от эмиграции в Россию, когда император предложил им обосноваться в центре страны.

Таким образом, это небольшое дело добавляет интересную информацию и об организации эмиграции из Швейцарии в Россию и о колонизации Новороссии и Бессарабии.

Попытка переезда в Новороссию и Крым 1000 швейцарских ремесленников (февраль — ноябрь 1820 г.)

Еще один пример неудавшейся попытки переселения в Новороссию швейцарских ремесленников содержится в д. 464, ф. 383 Первого департамента Министерства государственных имуществ¹¹. Это дело носит название «По письму иностранца Бихлера о дозволении 1000 семействам швейцарских ремесленников переселиться

¹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 464.

собственным иждивением в Южные края России. Нач.: 13 февраля 1820 г. Конч. 16 ноября 1820 г.».

Швейцарский проповедник Иоганн Бихлер, приехавший в Одессу и связанный с Евангелической общиной Южного края России, обратился в Министерство внутренних дел с предложением организовать переселение из Швейцарии от 500 до 1000 семейств ремесленников, художников и фабрикантов. Он особо подчеркнул присутствие среди желающих переселиться на Юг России фабрикантов хлопчатобумажных тканей, которые являлись людьми зажиточными, трудолюбивыми и благочестивыми. Бихлер привел в качестве аргумента, что они будут послушными подданными российского императора.

Из письма Бихлера видно, что он был хорошо осведомлен о ситуации со свободными землями в Южном крае России, так как сразу указывал земли, которые интересовали швейцарцев. Это были необработанные казенные земли около Очакова и Овидиополя, которые швейцарские колонисты могли бы привести в цветущее состояние. Видимо, хорошо знакомый с законами, Бихлер просил отвести каждой семье по 60 десятин земли, подчеркивая, что переселенцы не просят никакой ссуды у русского правительства и будут переселяться полностью за свой счет.

В качестве остальных условий переселения Бихлер также называл требования, которые соответствовали российским законам и показывали, что это переселение было продумано. Так, он просил:

- даровать швейцарским переселенцам права, которыми пользуются иностранные колонисты в России, т.е. свободные выборы своих начальников, свободное богослужение;
- заранее указать, сколько земли будет отведено, чтобы переселилось именно столько семейств, сколько будет земли, во избежание трудностей и споров;
- разрешить свободный провоз инструментов, материалов и товаров, необходимых для работы ремесленников и фабрикантов;
- снабдить переселенцев паспортами, чтобы они могли быстро и легко переехать границу и перевезти необходимое имущество.

Интересно и последнее условие, высказанное Бихлером — протестантским проповедником. Это просьба о том, чтобы у колонистов-католиков священники были бы не из иезуитов.

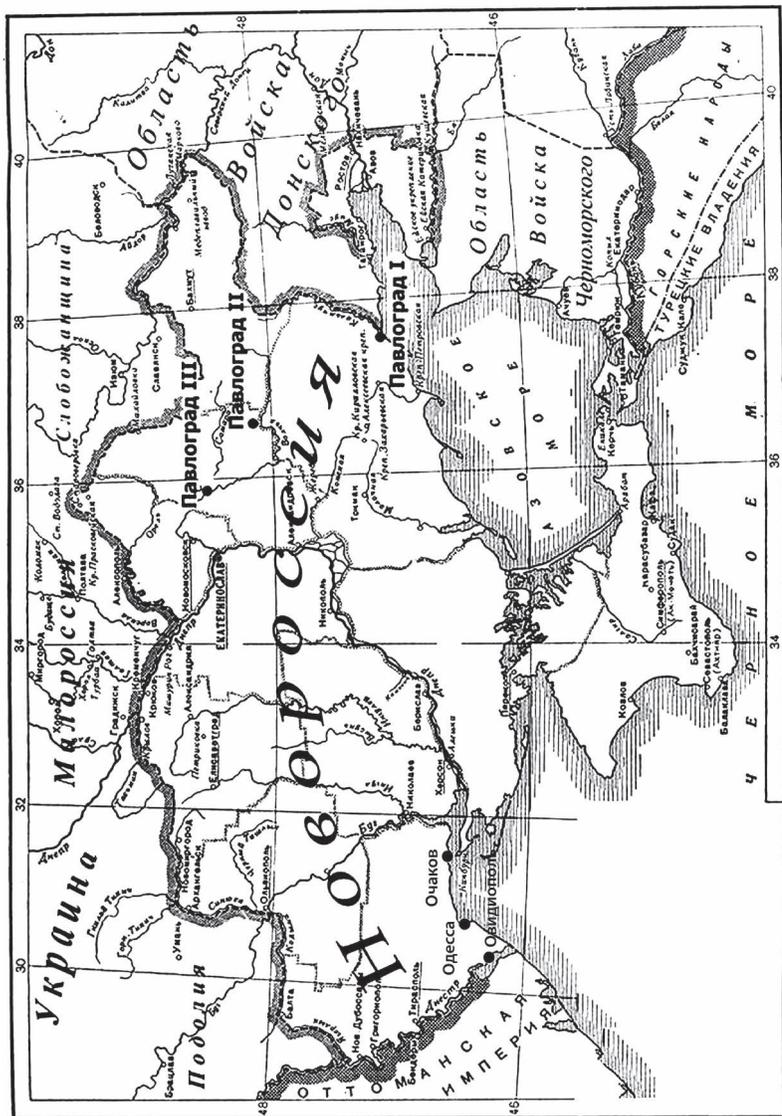


Рис 1. Карта Новороссии с Очаковым, Овидиополем и Одессой.
За основу взята карта начала XIX в. с сайта : novorossiya-gov.ru

Уже 20 февраля 1820 г., т. е. через неделю после получения письма Бихлера, департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел подготовил материалы для министра графа В. П. Кочубея, в которых подробно была пересказана просьба Бихлера, а также дана историческая справка о попытках переселения швейцарцев в Новороссию. Кроме этого, из данных материалов можно узнать, что в октябре 1819 г. император лично запретил русским посольствам выдавать паспорта иностранцам, желающим переселиться в Россию или в Царство Польское. Император мотивировал свое решение тем, что в южных регионах России осталось мало свободных казенных земель.

Однако департамент, ссылаясь на решение императора, тут же, фактически противореча императору, дает справку о том, что около Овидиополя имеется более 13 000 десятин свободной земли, а около Очакова более 11 000 десятин. В Таврической же губернии не занято около 400 тыс. десятин.

Очевидно, что департамент был заинтересован в переселении швейцарцев на эти земли, так как после всей подробно представленной информации идет решение департамента поддержать просьбу Бихлера. В пользу своего решения департамент выдвигает три серьезных аргумента:

— во-первых, швейцарские колонисты были по профессии в основном ремесленниками и фабрикантами, а это принесло бы несомненную пользу Новороссийскому краю;

— во-вторых, переселенцы не просили никаких денег от русского правительства, а только отвода земли и предоставления всех прав иностранных колонистов;

— в-третьих, и в Херсонской, и в Таврической губерниях имелось достаточное количество свободной земли для поселения швейцарцев.

Думается, что в поисках компромиссного решения и для убеждения императора департамент предложил прежде всего получить его личное разрешение конкретно именно на это переселение и отвести для начала только 30 000 десятин земли. Кроме того, департамент предложил, что поскольку переселяться будут ремесленники и фабриканты, то им надо будет отвести не по 60 десятин, а по 20 десятин. Для земледельцев же в силе останется норма 60 десятин.

Департамент подтвердил, что колонистам будут предоставлены все права для иностранцев, но ни на какую денежную помощь от русского правительства они рассчитывать не могут. Более того, если кто-то из колонистов окажется в трудном материальном положении, то он должен будет идти в работники к зажиточным колонистам.

Видимо, аргументы департамента убедили министра, и через неделю, 27 февраля, последовало его решение, в котором он поддержал предложение департамента своего министерства, при этом особо подчеркивая, что швейцарские переселенцы просят у русского правительства только земли и тех прав, которые уже даны другим иностранным колонистам. Это отличает их от других переселенцев, которые просили у русского правительства прежде всего именно денежной ссуды на переезд и обустройство, что и привело к запрету императора. Граф Кочубей особо подчеркивал, что даже если только половина из желающих переселиться швейцарцев будет ремесленниками и фабрикантами, как это утверждал Бихлер, то одно это принесло бы большую пользу Новороссийскому краю. При этом министр потребовал, чтобы все эти решения были сообщены Бихлеру и чтобы тот подписал документ, что он официально оповещен о правилах переселения.

Уже к середине апреля, т. е. через полтора месяца, было готово решение императора, который, ознакомившись с делом, предложил Попечительному комитету¹² составить расчет, сколько будет стоить переселение швейцарцев в южные регионы России и сколько денег потребуется на обустройство. Эта информация должна была быть сообщена не только желающим переселиться, но и во все посольства и консульства России, чтобы они могли ставить в известность всех претендентов на переселение. Тогда будущие колонисты могли бы рассчитать, достаточно ли у них капитала для переселения.

Император подчеркивал, что эти меры предосторожности необходимо ввести, поскольку уже был негативный опыт, когда русское

¹² Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России был создан в 1819 году в Екатеринославе. С 1820 г. по 1830 г. находился в Кишиневе, а затем был переведен в Одессу (Брокгауз и Эфрон, 1898, т. 24, стр. 672–675).

правительство вынуждено было помогать денежными ссудами прибывшим на границу переселенцам, так как они оказывались в бедственном положении. Думается, что здесь опять император имел в виду переселение швейцарцев под руководством майора Эшера, которое создало для российских министерств много проблем¹³.

Уже 30 апреля в Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России поступило распоряжение министра внутренних дел собрать подробные сведения о том, какая сумма нужна для переезда из Швейцарии и южных земель Германии в Россию, а также на поселение, обзаведение хозяйством и прокормление одного семейства до первого урожая. Такой счет должен был быть составлен на немецком языке и передан и Бихлеру, и российскому послу в Берне барону Криденеру (Криденер Георг-Александр (1786–1852) — русский посланник в Варшаве, Венеции, Копенгагене и Берлине).

В конце сентября 1820 г. Попечительный комитет послал ответ в Министерство внутренних дел о том, что такой счет составлен и направлен и Бихлеру, и барону Криденеру. Здесь появляется еще одна интересная информация о том, что в расчет бралось переселение не только из Швейцарии, но и из Баварии, из Вюртемберга и из других мест Южной Германии. Так, на проезд одного семейства, состоящего из четырех душ и имеющего пару лошадей, требовалось от 65 до 70 червонных, а на устройство и питание до первой жатвы — еще до 100 червонных.

В этом же ответе Попечительного совета сообщалось, что земли около Очакова и Овидиополя уже определены для поселения 815 семей из Баварии и Виртемберга. Поэтому для швейцарцев оставались только земли в Мелитопольском уезде Таврической губернии, около молочанских (менонитских) колоний, так как там, по мнению Попечительного комитета, было удобное место для строительства разных фабрик¹⁴.

Большой интерес представляют приложения к этому ответу, в которых содержится подробный расчет, во что обходится переезд из Швейцарии и Южной Германии семейства из шести душ.

¹³ *Кащенко и др.*, 2018, с. 143–152.

¹⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 464. Л. 29–32.



Рис. 2. Карта Северного Причерноморья с Мелитополем. За основу взята карта с сайта: <http://goo.gl/pr3r1Y>

Общая сумма переезда составляла 1000 российских рублей. Питание до первого урожая (т. е. примерно год) требовало 432 рублей.

В список расходов для обзаведения на месте хозяйством входило:

Строительство дома	300 руб.
Пара лошадей	150 руб.
Повозка	35 руб.
Две пары волов	300 руб.
Плуг	80 руб.
Корова дойная	40 руб.
Борона	25 руб.
Пара воловых возов	60 руб.
Мелкие домашние надобности	78 руб.

Итак, общие расходы на переезд, устройство на месте и питание в течение года составляли 2500 рублей. Причем если переезжало сразу несколько семей, переезд обходился дешевле¹⁵.

Все эти сведения были сообщены Бихлеру, которого удовлетворили расчеты Попечительного комитета, и он просил, чтобы российское посольство выдало паспорта швейцарским колонистам.

¹⁵ Там же. Л. 34.

Последний документ в деле датирован 16 ноября 1820 г. В нем говорится, что проект Бихлера оставлен, так как поступила просьба от швейцарца Тардана о поселении его соотечественников в Бессарабии около Аккермана. Поэтому начато новое дело, а дело Бихлера закрыто.

Пока еще остается загадкой, почему проект Луи-Венсена Тардана (1787–1836), винодела и ботаника из Веве (кантон Во), помешал осуществлению проекта Бихлера, ведь оба этих проекта касались совершенно разных групп колонистов и разных регионов Северного Причерноморья.

Но для этого необходимо еще изучить дополнительные документы о переселении виноделов из кантона Во в окрестности Аккермана.



*Рис. 3. Карта Бессарабии 1914 г.
с Аккерманом, Одессой и Шабегом.*

За основу взята карта с сайта: [wiki-org.ru/wiki/Бессарабская_губерния](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ed/Bessarabia_1914.png) (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ed/Bessarabia_1914.png)

Заключение

На основании даже двух рассмотренных дел можно сделать некоторые выводы о том, как был организован процесс переселения швейцарцев в южные регионы России.

Прежде всего, сравнение этих двух историй несостоявшейся эмиграции свидетельствует о том, что Южный край России и Крым были привлекательны не только для безземельных крестьян, но и для состоятельных слоев населения — ремесленников и фабрикантов. Причем это было как в первые годы XIX в., когда Европа была охвачена войной с Наполеоном, а политическая и экономическая

ситуация в Швейцарии была нестабильна, так и после окончания войны и Венского конгресса. Несмотря на стабилизацию ситуации в Европе, южные районы России продолжали привлекать внимание ремесленников и фабрикантов своими возможностями развития производства и торговли.

Однако надо отметить, что если в 1804 г. швейцарские колонисты еще могли рассчитывать на финансовую помощь русского правительства, то в 1820 г. швейцарцы были готовы переселиться на берег Черного моря уже самостоятельно оплачивая и дорогу, и обустройство. Это означает, что они были уверены в перспективах развития своего дела в России и поэтому были готовы нести расходы.

Рассмотренные дела дают представление о том, каким образом была организована эмиграция из Швейцарии в Россию. В обоих случаях переговоры велись через определенного посредника, «вызывателя», который имел связи в России. В первом случае посредниками и организаторами переселения выступали купцы, имеющие контакты и в русском консульстве, и в среде фабрикантов Цюриха. Во втором случае роль посредника выполнял уже протестантский проповедник, который пользовался своими связями с Евангелическим обществом в Одессе и знакомством с членами Попечительного комитета.

Из обоих дел можно видеть, что переселяться стремились большими группами, до 1000 семей, чтобы сразу основать свое поселение. Это, как показывают расчеты в деле Бихлера, вело к удешевлению процесса переселения и в то же время позволяло оставаться в окружении своих соотечественников, организуя жизнь на новом месте по знакомым принципам. Это также решало вопрос с обеспечением процесса производства рабочей силой, в которую входил и детский труд.

Интересно отметить, что в обоих случаях важным аргументом русских представителей в поддержку эмигрантов из Швейцарии служила высокая оценка как деловых, так и моральных качеств будущих колонистов. Кроме этого, преимущество колонистов из Швейцарии виделось и в том, что они могли заниматься не только ремеслом, но и виноградарством и садоводством, т.е. одновременно способствовать и развитию земледелия.

В то же время рассмотренные дела позволяют хорошо проследить, как изменялась иммиграционная политика русского правительства. Если во времена Екатерины II были созданы максимально благоприятные условия для создания иностранных колоний на территории России, то уже в начале XIX в., при Александре I, начинают вводиться некоторые ограничения. Так, размер земельного владения оставался без изменения только для земледельцев. Для других категорий колонистов были введены ограничения на размер земельного владения. А с 1819 г. указом императора Александра I был введен запрет на вызов иностранцев и передачу им земли в России. С этого момента переселение разрешалось только по особому указу императора. Однако просьбы о переселении продолжали поступать в министерства, поэтому предложения, выгодные для экономики России, рассматривались самим императором.

Здесь интересно отметить, как продумывалась иммиграционная политика в России, насколько анализировались все данные, чтобы это приносило пользу государству. По указу императора были подготовлены точные расчеты стоимости переезда из Швейцарии и Южной Германии, а также расходы на обустройство и жизнь до первого урожая. Эти расчеты были доведены до сведения русских посольств и опубликованы в европейских газетах, чтобы все желающий переехать в Россию могли рассчитать свои возможности. Интересно, что в самой России собственно процесс обсуждения и прохождения прошений об иммиграции в 1820 г. стал более быстрым по сравнению с 1804 г. Как мы отмечали, ответы министерств и ведомств занимали уже не более недели. Из этого видно, что вопросы приема иностранных колонистов занимали немаловажное место в экономической политике России и предполагали вдумчивый анализ в каждом отдельном случае.

Таким образом, анализ даже несостоявшихся попыток эмиграции из Швейцарии в Россию открывает интересные подробности этого процесса и может служить примером для решения подобных вопросов и в настоящее время.

В целом же, делая вывод о материалах, хранящихся в РГИА, можно сказать, что они дают большие возможности для изучения как процесса организации эмиграции из Швейцарии в Южный край России, так и различных стороны жизни швейцарских колоний.

Эти малоизвестные материалы содержат данные и для понимания экономической политики русского правительства, и для изучения его иммиграционной программы.

Источники и литература

РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 218. «Об отношении графа Воронцова относительно предположения иностранцев Ешмана и Мейера о вызове из Швейцарии ремесленников для заведения в Южном крае шелковой и кисейной фабрик».

РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 464. «По письму иностранца Бихлера о дозволении 1000 семействам швейцарских ремесленников переселиться собственным иждивением в Южные края России. Нач.: 13 февраля 1820 г. Конч. 16 ноября 1820 г.».

Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. Zürich: Chronos, 2001.

Bastian J.-P. (édité et annoté par) François-David Noir, Journal de voyage, Lausanne – Chabag – Odessa, 1822–1825. Bière: Cabédita, 2016a. 220 p.

Bastian J.-P. Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles. Vevey: édition Alophil, 2016b. P. 87–103.

Grivat O. Les vigneronns suisses du tsar. Chapelle-sur-Moudon: Ketty & Alexandre, 1993.

Брокгауз и Эфрон. Поселения иностранцев в России. Энциклопедический словарь в 86 томах. СПб.; Лейпциг, 1898. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Poselenija_inostrancev_v_Rossii (Дата обращения: 17.07.2016).

Кащенко С., Кащенко Е., Иванова И. Из истории переселения швейцарцев в Северное Причерноморье и в Крым в начале XIX в.: документы о группе швейцарских колонистов майора К. Эшера в российских исторических архивах // Былые годы. 2018. Т. 47. Вып. 1. С. 143–152.

Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь *Исторический очерк*

8 апреля 1783 г. российская императрица Екатерина II издала Манифест, которым было официально оформлено включение Крыма в состав Российской империи. В 1784 г. была создана Таврическая область, в которую вошли Крым, Тамань и земли к северу от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества. После 1783 г. началась иммиграция крымских татар в Турцию, еще раньше — в 1778 г. — российским правительством был организован выход с полуострова крымских христиан — греков и армян. Обустройство края было поручено генерал-губернатору Екатеринославскому и Таврическому князю Г. А. Потемкину. На полуостров началось переселение помещичьих и государственных крестьян, отставных солдат, русских и украинцев по национальности, греков и армян. С этого момента и стала складываться современная пестрая этническая карта многонационального Крыма. В 80–90-е гг. XVIII в. быстро росла численность немецких колонистов в Новороссии, куда они были приглашены в 1786 г.

В правление Павла I все начинания в Тавриде приостановились, а Таврическая область как административная единица и вовсе была упразднена. Указом Александра I от 8 октября 1802 г. была образована Таврическая губерния с делением на 7 уездов: Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский, Тмутараканский. Указ от 20 февраля 1804 г. Александра I содержал новые правила организации приема переселенцев. В Германии началась вербовка, одним из главных критериев которой являлся строгий имущественный ценз (наличие не менее 300 гульденов), а также опыт работы в земледелии, скотоводстве, садоводстве, виноградарстве. Ранее иностранцам определялись льготы при переселении — свобода от рекрутской

повинности, постоев и закрепощения, предоставлялась льгота при выплате налогов на 30 лет. Новые колонисты должны были получать на семью по 60 десятин земли. Однако на выбранных в Крыму землях не всегда получалось выделить именно такое количество. По плану министра внутренних дел В. П. Кочубея «О местах для поселения иностранцев» (23 февраля 1804 г.), на Крымском полуострове особая роль отводилась городу-порту Феодосия, который, наряду с Одессой, должен был стать центром ремесла и сбыта колонистских продуктов. Если в северной части Таврической губернии предполагалось селить хлебопашцев, то окрестности Феодосии и вся нагорная часть Таврии предназначались для виноградарей и садоводов. Вербовочная кампания имела большой успех в юго-западных и южных областях Германии. В Херсонской, Екатеринославской, Таврической губернии, Бессарабии и на Южном Кавказе (с 1817 г.) на выделенных землях были заложены первые поселения немцев. После успешно начавшейся в Германии вербовки в Крым приехали представители немцев для осмотра и выбора земель для поселения. Немцы-депутаты — Циглер, Шуртнер, Дахтер, Гинтер — составили исчерпывающую характеристику всех земель, их положительные и отрицательные качества. Всего немецкие представители присмотрели 9 870 десятин земли¹. Вербовку швейцарцев и их переселение в Крым организовывал Ганс Каспар Эшер [Johann Caspar Escher]. В 1804–1805 гг. на полуостров стали пребывать немецкие колонисты из Бадена, Рейнской Баварии, Гессена, Эльзаса, Пфальца, Вюртемберга и создавать компактные поселения-колонии. В Симферопольском уезде были основаны Нейзац, Фриденталь и Розенталь, а в 1810 г. (по другим источникам — в 1811 г.) в этом же уезде — колония Кроненталь. Эти колонии образовали Нейзацкий колонистский округ. В Феодосийском уезде появились немецкие колонии: Судак, Гейльбрун, Герценберг, которые вместе с колонией швейцарских переселенцев Цюрихталь составили Цюрихтальский колонистский округ². В колониях переселенцев объединяла религиозная принадлежность, колонисты были в основном или лютеранами, или католиками.

¹ Лантев, 2000, с. 13.

² Клаус, 1869, с. 41 (пр. II); *Stump*, 1993, р. 98; Памятная книга..., 1867, с. 213.

И только колонии Цюрихталь и Кроненталь были основаны представителями двух конфессий, мирно существовавших вместе. Первые восемь колоний получили в исторической науке название «Mutterkolonien».

Официальной датой основания колонии Цюрихталь является 1805 г., из 240 человек, пожелавших переселиться, 155 были родом из кантона Цюрих.

Со времен царя Петра Великого (1689–1725) свой след в России оставили многие швейцарцы — инженеры, торговцы, ученые, учителя, священники, офицеры, сыровары, кондитеры или часовых дел мастера. Многие из них сделали себе значительную карьеру.

Трудное путешествие в Российскую империю началось поздней осенью 1803 г. в Констанце под руководством главного вербовщика Ганса Каспара Эшера. Эшер, бывший цюрихский крупный торговец, после банкротства своей фирмы в 1789 г. переселился в царскую империю, где поступил на российскую военную службу и стал майором московского драгунского полка. Дорога в Крым на кораблях и в конных повозках пролегла через Регенсбург, Вену, Братиславу, горный массив Татр и Львов. По дороге мужество покинуло многих переселенцев, и они повернули назад. 30–40 человек, прежде всего дети, умерли во время поездки от оспы. По пути группа усилилась за счет догнавших ее швейцарцев и нескольких немецких переселенцев³.

Летом 1804 г. 228 эмигрантов прибыли в Крым. Кроме 136 женщин, мужчин и детей из кантона Цюрих среди них находились граждане из кантонов Ааргау, Берн, Фрайбург, Гларус, Граубюнден, Люцерн, Нойенбург, Невшатель, Солотурн, Санкт-Галлен и Во. По религиозной принадлежности в основном это были реформаторы, а также 12 католиков. Известны и занятия переселенцев, среди которых встречаются торговый фабрикант, земледельцы, ткачи, сапожник, мастер-канатчик, мыловар, садовник, виноградарь, портной, бондарь, гончар, кузнец, учитель, медик, пекарь (булочник), часовщик, шапочник, красильщик, каменщик, мастер по изготовлению седел (седельник) и др.⁴ Сначала колонисты

³ Рюче, 2007, с. 109.

⁴ ГА РК. Ф. 27. Оп. 16. Д. 254.

были поселены в неблагоприятных условиях открытой степи и жили там до Пасхи 1805 г., пока не перебрались в населенную до этого крымскими татарами деревню Джейлав на речушке Индол вблизи большой торговой дороги Симферополь — Феодосия. Затем на этом месте возникла швейцарская деревня, которую переселенцы в память об их родине назвали Цюрихталь. На первых порах жизнь колонистов была многотрудной. С одной стороны, ремесленники вряд ли имели опыт работы в сельском хозяйстве, а крестьянам пришлось сначала знакомиться с новыми почвенно-климатическими условиями. С другой стороны, колония страдала от болезней и набегов саранчи. В первые годы поселения эпидемии унесли жизни десятков швейцарских переселенцев. Вскоре в Цюрихтале обосновались и колонисты из южнонемецких княжеств⁵.

Но постепенно ситуация менялась к лучшему: выращивание пшеницы, скотоводство (вначале преимущественно овцеводство), а позднее также и плодоводство, и виноградарство были успешны. На речушке возникла мельница, село разрасталось. К 1864 г. колония Цюрихталь, находящаяся в ведении Попечительского комитета, насчитывала 84 двора, с числом жителей 441 человек (мужчин (далее по тексту — м.) — 229, женщин (далее по тексту — ж.) — 212). В колонии были построены церковь и окружной приказ (интересна отметка в источнике, хранящемся в библиотеке «Таврика» им. А.Х. Стевена Центрального музея Тавриды, в котором колония «нем.» перечеркнута и поставлена отметка «швейцарск.»)⁶.

Вот как в 50-е гг. XIX в. описывал колонию Цюрихталь Ф. Домбровский: «Возвратившись из Тамака, особенно если имеете намерение ехать в Феодосию, нельзя миновать немецких колоний: Цюрихталь и Гельбрун. Обе эти колонии расположены на р. Мокрая-Яндоль и особенно очаровательно расположение первой из них, которая населена выходцами из Швейцарии. Трудолюбие и искусство вполне воспользовались благодарной здешней природой. Колония, образуящая одну улицу, состоящую из прекрасных, по одному плану построенных домов, чистых, опрятных, крытых

⁵ Рюче, 2007, с. 110.

⁶ Таврическая губерния, 1865, с. 103.

черепицей, утопает в самой роскошной зелени фруктовых и виноградных садов. Посредине колонии устроен фонтан и, наконец, обширный пруд, обсаженный стройными раинами. Церковь и сельское училище, в котором обучаются мальчишки и девочки, довершают благоустроенность этой прекрасной колонии. Колонисты к отведенной им земле, с течением времени, успели прикупить значительное количество у смежных владельцев, что дало им возможность расширять и свое хозяйство. О колонии Гельбрун, находящейся в пяти верстах от Цюрихтала, должно сказать то же самое, что и о первой»⁷.

Цюрихталь, как, впрочем, и другие деревни колонистов, которые все были освобождены от воинской службы, получил прибыли от Крымской войны (1853–1856), т. к. была возможность продавать провиант для российской армии и выгодно приобретать новые земли.

В 1860 г. в семи километрах к северо-востоку от Цюрихтала в степи была основана деревня Ней-Цюрихталь [Neu-Zurichtal] (ныне Красногвардейское Советского района) — одна из многих дочерних колоний, которые возникали вследствие экономического благополучия и роста населения.

В 80-х гг. XIX в. колонии Цюрихталь давалась следующая экономическая характеристика: «При получении надела, в колонии Цюрихтале было 31 хозяйство. В настоящее же время во владении поселении колонии Цюрихталь находится 1968 десятин земли, распределенной на 74 хозяйства в 26,8 десятин каждое.

По угодиям земля в Цюрихтале распределяется следующим образом: пашни 888 десятин; на одно хозяйство 12 десятин. Сенокоса 222 десятины, по 3 десятины на хозяйство. Под усадьбой и садом 37 десятин, по ½ десятины на хозяйство. Под выгоном 821 десятина, от 11–12 десятин на хозяйство.

По переписи 1884 г. оказалось в Цюрихтале 91 двор, из которых 65 дворов имеют наделной пашни 892,5 десятин; по 13,7 десятин на двор, 54 двора имеют 6110,5 десятин собственной земли, по 113,2 на двор. Обе колонии, Цюрихталь и Гейльбрун, арендуют по переписи 1884 г. 1787 десятин земли за 4772 рубля. Участвуют

⁷ *Домбровский*, 1855, с. 27–28.

в аренде 20 дворов, более или менее зажиточных, т. к. они в отдельности засевают от 10 до 50 десятин и более земли. Из доли продукта берут землю всего 22 двора, в количестве 278 десятин. Таким образом, всего лишь 3,4 % дворов арендуют землю. Всего находится под посевом 3785,5 десятин земли, что составляет на наличный двор, в числе которых некоторые несеющие, 28,8 десятин; на двор же, имеющий какой бы то ни было посев, приходится 46 десятин, при 13,1 голов скота в переводе на крупный. В Гейльбрюне и Цюрихтаде 41 % домохозяев сильных, засевающих от 25 до 50 и более десятин земли. Землею владеют подворно, — наследственно. Общинного владения, по словам старожил, никогда не знали. Всегда были подворные участки, или, как немцы-поселяне их называют, “хозяйство”. Только лет 30 тому назад некоторые сильные хозяева пахали землю своих односельчан, не принадлежащую к их хозяйству, но общество такому насилию воспротивилось. Пользование пашнею производится следующим образом: пашня разбивается по качеству почвы на участки (кванты) и каждый номер, или хозяйство, получает землю из каждого участка, число которых доходит до 12 и 14. Землею этою владеют без ежегодной жеребьевки. Через 10–15 лет старую пашню меняют на толоку (карасабан). В этом случае бросают жребий.

Выгоном пользуются сообща. От каждого хозяйства можно держать на выгоне от 16 до 20 голов крупного скота (телята и жеребята в счет не входят). Овец не держат, а за лишнего скот платят тем домохозяевам, у которых не достает до определенной нормы от 1 до 2 рублей с головы, смотря по состоянию выгона. Сенокос получают в трех местах, ибо он различного качества. Каждый кусок сенокоса делится по числу хозяйств. В колонии Гейльбрюн 15 десятин луга; во время урожая сенокоса его делят на две части, т. к. он лежит по обе стороны реки, причем каждое хозяйство получает по участку из каждой части. Немцы-колонисты приготавливают и сохраняют землю несравненно лучше крестьян и даже крупных землевладельцев. Под озимую пшеницу они пахут три раза, причем третий раз сеют под скоропашку буккер (буккер — орудие для поверхностной (12–14 см) вспашки почвы с последующим севом. Обычно использовался на нераспаханных полях. Буккер старого, “степного” типа представлял собой четырехколесную тележку с поворотным

передком и с угловым железным, а иногда чугунным грядилем, сквозь который пропускались стойки или “столбы”, 3, 4 и даже 5 небольших корпусов с плоскими лемехами и отвальцами. — *Авт.*).

Яровые хлеба сеют по жневью, запахивая зерна скоропашкой. Они придерживаются трехпольной системы хозяйства: под озимым полем 4,5 десятин, под яровым 7,5 десятин и под паром 3 десятины. В 1885 г. под паром было 7,5 десятин, под озимым 3 десятины и яровым полем 4,5 десятин и т. д. Хотя при уваживании урожаем улучшается, но вследствие дальней возки навоза удобрение не практикуется»⁸.

В 1872 г. была образована Цюрихтальская волость, которая существовала до 20-х гг. XX в. К этому времени Цюрихталь стал одной из наиболее благоустроенных колоний в Крыму. Улица в селении постоянно убиралась, уборка производилась в обязательном порядке домохозяевами. Постоянно улучшалась инфраструктура селения. Так, в июле 1876 г. «мирским приговором» принято решение об открытии шинка (кабачка)⁹, в 1907 г. в Цюрихтале проходил службу провизор Вольдемар Бюллер [Büller], т. е. имелась аптека¹⁰, в 1910 г. открыта почта¹¹. Особое внимание уделялось образованию. Первая школа была построена в 1814 г., затем лютеранская община, после выхода католиков из Цюрихталь, выкупила здание католического храма (молитвенного дома) и обустроила там школу. В 1908 г. сельским обществом было выстроено из сырцового кирпича, с деревянными полами, черепичной крышей и теплой раздевалкой собственное специальное здание. К январю 1910 г. в школе преподавало 2 учителя, в 4 отделениях (классах) обучалось 94 учащихся (мальчиков — 57, девочек — 37)¹². В 1905 г. открыто Цюрихтальское центральное училище, в котором работало 5 преподавателей: заведующий, учитель Петр Ильич Мальцев, законоучитель пастор Бернгард Оскарович Грундштрем, учитель Карл Альфонович Мейер и Константин

⁸ Статистические таблицы, 1886, с. 47.

⁹ ГА РК. Ф. 790. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–4.

¹⁰ ГА РК. Ф. 27. Оп. 11. Д. 432. Л. 5–6, 7–8, 12.

¹¹ ГА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 251.

¹² Обзор положения, 1911, с. 138–139.

Матвеевич Римус, учитель пения и музыки Георгий Петрович Таннебаум¹³.

На всю волость славилась кузнечная мастерская, а изделия местных потомственных гончаров Шаубертов были известны далеко за пределами Цюрихталь¹⁴.

Наблюдался не только экономический подъем, заметно развивалась и церковная жизнь. С 1805 по 1822 г. церковная служба в Цюрихтале проводилась пастором Карлом Биллером [Biller] из колонии Иозефсталь (Екатеринославская губерния), который приезжал один раз в год. В 1822 г. в Цюрихтале образован евангелическо-лютеранский приход, первым пастором которого был выходец из Шверценбаха (кантон Цюрих, Швейцария) Генрих Дитрих (1794–1827, умер в Судаке). Он был первым и последним пастором-швейцарцем Цюрихталь. Одновременно с ним в Нейзацкий евангелическо-лютеранский приход прибыл пастор Урс Берлин из Бубендорфа (кантон Базель, Швейцария). Оба священника, посвященные в 1822 г. в Москве в сан пастора, были миссионерами Базельского миссионерского общества.

В 1820 г. была построена скромная церковь на средства прихожан, а в 1860 г. в центре села — на небольшой возвышенности между верхней и нижней частью деревни — было сооружено уже импозантное здание церкви. Кирха была рассчитана на 300 мест, освящена 6 ноября 1860 г. Цюрихталь стал центром прихода старшего пастора, его церковная община включала 36 колоний и селений и, кроме того, города Старый Крым, Феодосия и Керчь. В 1917 г. имущество немецко-эстонского прихода в Цюрихтале включало каменную церковь, пасторат, зал для конфирмандов со смежными постройками, каменный школьный дом, кистерат, пасторскую землю 57 десятин, пастбище, луга, сад 3 десятины¹⁵.

На фасаде здания была сделана цитата из Библии «И на этом месте я дам мир».

В 1933 г. в Цюрихтальском приходе прошла последняя конфирмация в Крыму.

¹³ Постановления Феодосийского..., 1908, с. 58–61.

¹⁴ Архив Крымского этнографического музея.

¹⁵ Князева, 2003, с. 176–183.

В середине 30-х гг. XX в. кирха была закрыта, колокольня взорвана, в здании разместился клуб. После 1945 г. помещение использовали под склад. В 1991 г. Постановлением Совета министров Крыма и с согласия жителей сел здание бывшей кирхи было передано православной общине¹⁶.

В 1914 г. в селении Цюрихталь числилось 70 дворов, проживало 382 человека местного населения (м. — 195, ж. — 187) и 259 человек постороннего населения (м. — 133, ж. — 126).

По всей видимости, число постороннего населения связано с проведением уборочных работ, последующая статистика 1926 г. подтверждает это.

Экономическая характеристика была следующей: общее количество земли во владении 4813 десятин (удобной — 4726, неудобной — 87), 57 дворов были с землей, 13 без земли. Количество скота: рабочего — 357 голов (лошадей — 261, волов — 96), молочного — 108 (коров), гулевого (гулевой скот — устаревшее; нерабочий, отгуливающий на пастбище. — *Авт.*] — 79 (жеребят, телят) и мелкого — 261 (овец, свиней, коз)¹⁷.

Многие из колонистов, впрочем, уже не были прямыми потомками швейцарцев, однако за эти годы в Цюрихтале поселились и немецкие переселенцы (много швабов). Впрочем, из самой Швейцарии за основателями деревни больше никто не последовал. К тому же Цюрихталь был окружен преимущественно колонистскими деревнями с поселенцами из Бадена, Вюртемберга и Пфальца, регистрировались смешанные браки, ведь границы деревень не могут остановить любовь. Это обстоятельство отразилось и на языке. В Цюрихтале возник смешанный швабско-швейцарско-немецкий диалект, в котором со временем стали доминировать южнонемецкие элементы. Однако в качестве родного языка они сохранили свой немецкий диалект, а языком обучения в школе был литературный немецкий язык¹⁸. Кроме того, дети третьего и четвертого поколений вскоре выучили и русский язык. С 1892 г. в начальных школах преподавание велось на русском языке.

¹⁶ Архив автора.

¹⁷ Статистический справочник..., 1915, с. 44–45.

¹⁸ Рюче, 2007, с. 111.

Одновременно с ассимиляцией диалектов все больше терялось осознание своего происхождения. Стало совсем неважно, из Швейцарии или из какого-то немецкого княжества прибыли предки в Цюрихталь, — все чувствовали себя вместе с колонистами из окружающих деревень немцами. Это обстоятельство усиливалось тем, что все цюрихтальские крестьяне были российскими подданными. Лишь такие фамилии, как Люсси, Дубс, Аберли, Фолленвейдер, Губер или Нэфф еще указывали на швейцарских предков¹⁹. Также и в конфессиональном плане наблюдалась унификация. Немцы католики из Цюрихталя переселились в 60-х гг. XIX в. (по другим данным — 1874 г.) в Перекопский уезд, основав колонию Карамин (немецкое название Грюненталь, ныне с. Михайловка Нижнегорского района)²⁰. Последователи реформизма — к которым принадлежало и большинство первых швейцарских колонистов — объединились с лютеранами.

В годы Первой мировой войны в ходе реализации ликвидационных законов 1915 г. потомки швейцарских переселенцев, несмотря на разницу в этнической самоидентификации, автоматически были причислены властями к лицам немецкой национальности. В Государственном архиве Республики Крым обнаружены документы, в которых потомки переселенцев доказывали свои швейцарские корни. Например, общества поселян селений Святогорье (так был переименован Цюрихталь с 1915 по 1917 г.), Ней-Цюрихталь (с 1915 по 1917 гг. — Родники), Конграт, Менгермен немецкий, а также семьи, проживающие в деревнях Джепарт-Юрт, Бесют, Черный Кош, Ишунь, Челеби-Эли, Каракул и одна семья в селении Судак заявляли, что они являются выходцами из Швейцарии²¹, но ситуация причисления швейцарцев к немцам сохранилась и в последующие годы.

В 1926 г. в Крыму была проведена Всесоюзная перепись населения, зафиксировавшая данные по Цюрихталю: 141 двор, число жителей 611 человек (м. — 292, ж. — 319), в том числе 11 временно

¹⁹ ГА РК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 3; *Рюче*, 2007, с. 112.

²⁰ ГА РК. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2.

²¹ ГА РК. Ф. 27. Оп. 24. Д. 387. Л. 33 — 36 об., 37, 61, 63—64, 81 — 82 об., 93 — 95 об., 122 — 122 об., 129 — 130 об.

прибывающих. Село являлось центром сельского совета, в нем работали школы 1-й и 2-й ступени. Национальный состав селения выглядел следующим образом: немцев — 555 человек, русских — 31, армян — 16, украинцев — 4, евреев — 1, прочих — 4²². Основанная как дочерняя колония Ней-Цюрихталь также была одним из многочисленных селений Феодосийского района — 108 дворов, число жителей 344 человек (м. — 180, ж. — 164) в том числе 17 временно прибывших, работала начальная школа (1-я ступень). Национальный состав выглядел так: немцев — 319, русских — 15, украинцев — 7, болгар — 2, евреев — 1²³.

В целом на протяжении XIX — начала XX в. в Крыму сложилось несколько групп швейцарцев, которых условно можно разделить следующим образом. Первая — потомки колонистов. Переселившись в Крым в начале XIX в., швейцарцы прошли путь этнической аккультурации и ассимиляции с немцами. В годы Первой мировой войны, период экономического давления, многие заявили о своих швейцарских корнях, но несмотря на это в период Февральской революции 1917 г. каких-либо общественных организаций швейцарцев образовано в Крыму не было.

В ноябре 1917 г. в Таврической губернии усилилась деятельность политических партий, национальных и религиозных организаций, что было связано с кампанией по выборам в Учредительное собрание. Окружная комиссия зарегистрировала по Таврической губернии 13 кандидатских списков, кандидаты немцев были зарегистрированы под № 10 — «русских граждан немецкой национальности». Немцы Таврической губернии в своем списке были представлены 7 кандидатами: В. Г. Унру (Молочанск), А. Ф. Мейендорф (быв. товарищ председателя 3-й Государственной думы), патер И. Я. Шенфельд, Т. Г. Гальвас (Цюрихталь), Ф. Ф. Глеклер (пом. присяжного поверенного), Х. Х. Мецгер (учитель гимназии Волошенко) и Едич (учитель Эйгенфельдского сельскохозяйственного училища)²⁴. Как видим, жители Цюрихталя относили себя в политической жизни к немцам.

²² Список населенных..., 1927, с. 182–183.

²³ Там же, с. 176–177.

²⁴ «К выборам...», 1917, с. 3.

Всесоюзная перепись населения, прошедшая в 1926 г. в Крыму (Крымская АССР) среди проживающих 190 народов и народностей, швейцарцев, граждан СССР, не зафиксировала.

Вторая группа — городские жители. Например, следует вспомнить Карла Ивановича Эшлимана (1808–1893) — одного из первых архитекторов южного побережья, архитектора имения Романовых в Ливадии и старейшей гостиницы Ялты «Бристоль», он руководил строительством знаковых архитектурных объектов. Родился в кантоне Берн, умер и похоронен в Ялте.

Людвиг Петрович Колли (1849–1917) — директор Феодосийского музея древностей, член Таврической учетной архивной комиссии и Одесского общества истории древностей, преподаватель французского языка в Феодосийской мужской и женской гимназии.

И третья группа — граждане Швейцарии. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Крыму 6 швейцарцев²⁵, еще ранее, в ноябре — декабре 1920 г. Консульское агентство Швейцарской Федеративной Республики в г. Феодосия в лице консула Вернера де Стюрлера сообщило в Феодосийский ревком о проживающих в Крыму 11 швейцарцах²⁶.

В августе 1941 г. с полуострова было депортировано более 61 тыс. крымских немцев и членов их семей, в т. ч. потомков швейцарских переселенцев. После Великой Отечественной войны на фоне общего процесса изменения топонимики Крыма населенные пункты, где компактно проживали потомки выходцев из Швейцарии, были переименованы: в 1945 г. Цюрихтальский сельсовет переименован в Золотополенский и селение Цюрихталь — в Золотое Поле. В 1948 г. деревни Ней-Цюрихталь — в с. Красногвардейское, Конграт — в Маковку и Менгермен немецкий — в Лоховку (3 последних находятся на территории Советского района)²⁷.

²⁵ Всесоюзная перепись..., 1928, с. 10.

²⁶ ГА РК. Ф. р. 1025. Оп. 1. Д. 5.

²⁷ Административно-территориальные..., 1999, с. 411, 432.

Этнографический очерк

Поселения (колонии) швейцарцев основывались совместно с немцами. Они были уличного типа, с двух сторон располагались дома с подворьями, как правило, на улицу выходил фасад дома.

Первые годы на новой земле швейцарские переселенцы жили трудно. Будучи в основном ткачами и прядильщиками, они слабо разбирались в особенностях ведения сельского хозяйства в Крыму. Постепенно колонисты осваивали новые условия жизни. Основным занятием швейцарцев в Крыму стало земледелие, которое делилось на три основные отрасли: хлебопашество, огородничество и садоводство. В Крыму славился картофель, выращенный в колониях Цюрихталь и Гельбрун Феодосийского уезда. У швейцарцев было достаточно распространено и скотоводство, в их хозяйстве содержалась порода коров «красная немка» с хорошей удойностью, а также немецкая полурабочая лошадь. До 1860-х гг. швейцарцы занимались овцеводством, но после повышения спроса и цены на хлеб земли под выпас стали распахиваться, а поголовье стад сокращаться.

Одевались первые переселенцы в соответствии с традициями регионов Швейцарии, откуда они приехали. Через несколько поколений в одежде традиционных элементов стало меньше. Для повседневного костюма женщины конца XIX — начала XX в. характерны длинные юбки из темной ткани и кофты. В комплект мужской одежды входили рубашка, жилет, пиджак, брюки, иногда отдавалось предпочтение русской косоворотке. Детская одежда чаще всего копировала взрослую. Одежду девочек до пяти лет украшали кружевные воротники.

В пищу швейцарцы использовали продукты, выращенные в своем хозяйстве. Она была мясо-молочного направления, в которой определенное место занимали и мучные блюда, широко использовались овощи и фрукты. Практиковалась заготовка продуктов, делались различные колбасы и копчености из свинины. В повседневный рацион входили хлеб, окорок, колбаса, картошка и разнообразные молочные продукты. Праздничный стол обязательно украшала традиционная капуста и различные блюда из свинины.

Упорядоченный семейный быт был необходимостью крестьянской жизни. Семьи были многодетными, во главе стоял

мужчина, являвшийся владельцем или арендатором земли. В семье существовало разделение хозяйственных обязанностей на мужские и женские, а также формировались такие черты характера, как трудолюбие, честность, уважение старших, любовь к порядку.

Большое значение придавалось грамотности и образованию детей.

Современность. 200-летие основания Цюрихталя

17 сентября 2005 г. в селе Золотое Поле Кировского района прошло праздничное мероприятие, посвященное 200-летию основания колонии Цюрихталь в Крыму. Праздник состоялся при финансовой поддержке Швейцарского посольства в Украине во главе с послем Кристианом Фесслером, Швейцарского бюро по сотрудничеству в Украине, организационной поддержке администрации Кировского района, сельского совета с. Золотое Поле, администрации Золотополенской общеобразовательной школы, Крымского этнографического музея г. Симферополя и журналиста, исследователя Норберта Рюче (Швейцария). Активное участие в празднике приняли общественные немецкие организации.

Главным инициатором в проведении празднований выступил Норберт Рюче, который в 2000 и 2002 гг. несколько раз приезжал в Крым, работал в архиве, посещал Золотое Поле. В 2003 г. он обратился в Посольство Швейцарии в Украине с предложением отпраздновать 200-летие основания в Крыму швейцарской колонии, отметить это событие на международном уровне. Инициатива нашла поддержку администрации Крымского этнографического музея, где еще год назад с докладом принял участие в конференции «Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы» Норберт Рюче. Началась переписка с представителями Швейцарии, земель, откуда шло переселение 200 лет назад, выходцами из селения Цюрихталя, предки которых были депортированы из Крыма в 1941 г. В 2004 г. принципиальную поддержку в организации мероприятий высказало Посольство Швейцарии в Украине. Косвенную поддержку в подготовке празднества оказало

и проведение в Крыму в 2004 г. мероприятий по 200-летию переселения немцев в Крым²⁸.

В 2004 г. в газете «Кировец» прошла серия публикаций уроженки с. Золотое Поле Л. Д. Гребениченко (Поддубная), представляющих выдержки из дипломной работы (в 1995 г. она окончила исторический факультет Симферопольского государственного университета)²⁹.

В начале 2005 г. был намечен план основных мероприятий, среди которых выделялись — создание музея, открытие мемориальной доски, гуманитарная помощь школе и праздничный концерт.

30 июня 2005 г. между Посольством Швейцарии в Украине и Крымским этнографическим музеем был заключен договор о реализации проекта «Музей 200-летия Цюрихталя» с выделением финансовых средств в размере 5900 долларов США (эквивалент в гривнах 29 514). Согласно этому документу и достигнутой договоренности с администрацией Кировского района музей организовывался в помещении школы с. Золотое Поле. С целью успешной реализации проекта к его работе подключились сотрудники Государственного архива Республики Крым.

Началась кропотливейшая работа, включившая в себя следующие этапы реализации:

1. Выявление исторического материала, в том числе:
 - 1.1. Личные архивы, фотоматериалы (ответственный Норберт Рюче).
 - 1.2. Материалы библиотек и Государственного архива Республики Крым (ответственные Юрий Лаптев, Елена Каркач, Любовь Кравцова).
2. Художественно-техническое решение и оформление экспозиционного пространства (ответственный Евгений Мельниченко).
3. Фотографирование, техническая обработка архивных документов и фотоматериалов (ответственные Игорь Сальников, Виктория Темная, Елена Лагода).
4. Подготовка сопроводительных текстов, аннотаций и этикетаж (ответственные Норберт Рюче, Елена Лагода и Юрий Лаптев).

²⁸ Архив автора.

²⁹ «Взгляд в прошлое», 2004.

5. Ремонт экспозиционного пространства — школьный холл (ответственная Валентина Ратушная).
6. Экспозиционное оформление, монтаж материала (экспозиционная группа: Норберт Рюче, Евгений Мельниченко, Елена Лагода, Владимир Парашук и Юрий Лаптев).

Перечисленная работа координировалась руководителем проекта Юрием Лаптевым, время реализации по созданию музея: июнь — сентябрь 2005 г.

В течение десяти дней экспозиционная группа осуществила монтаж оборудования и материала, который был окончен 15 сентября. Презентация музея «Цюрихталь. История культуры швейцарцев в Крыму» прошла 17 сентября.

Одним из знаковых мероприятий 17 сентября стало и открытие мемориальной доски на здании бывшей евангелическо-лютеранской кирхи, которая была закрыта в 1934 г., а впоследствии передана православной общине (1991 г.).

10 августа 2005 г. администрация музея обратилась к настоятелю храма отцу Иосифу по вопросу установки мемориальной доски. 1 сентября аналогичное письмо было отправлено Митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю, состоялась личная встреча с владыкой. 6 сентября было получено согласование от Симферопольской и Крымской епархии на установку мемориальной доски³⁰. Текст следующего содержания (на двух языках: русском и немецком):

«Здание бывшей евангелическо-лютеранской кирхи (1860 г.), располагалось на территории колонии Цюрихталь, основанной в 1805 г. переселенцами из Швейцарии, преимущественно из кантона Цюрих.

В 1991 г. здание передано Симферопольской и Крымской епархии Украинской Православной Церкви Постановлением Совета министров АР Крым и с согласия жителей села.

Мемориальная доска установлена 17 сентября 2005 г. в честь 200-летия основания Цюрихталя на средства, предоставленные цюрихскими районами Валлизеллен и Меттменштеттен, а также городскими властями Цюриха». В канун праздника, 16 сентября, мемориальная доска была установлена.

³⁰ Архив автора.

3–4 августа 2005 г. во время приезда в Крым Норберта Рючи, который был наделен полномочиями представителя посольства Швейцарии в Крыму по подготовке праздника, был разработан проект программы торжественных мероприятий. 9 сентября программа проведения торжественного мероприятия «200 лет Цюрихталя» была утверждена окончательно.

17 сентября 2005 г. с 11:00 начались торжественные мероприятия. Кроме указанных двух основных мероприятий — открытие музея и мемориальной доски, состоялся молебен в церкви, экскурсия по исторической части Золотого Поля, выставка подлинных документов Государственного архива Крыма, открытие двух классов — истории и иностранного языка, пресс-конференция и большой праздничный концерт. Почетной гостьей праздника была уроженка Цюрихталя Ирма Яковлевна Тарусова (02.03.1919 г. р.), урожденная Илле, единственная из оставшихся в Крыму потомков крымских швейцарцев-колонистов. После депортации 1941 г. работала в трудовой армии в Сибири, затем вышла замуж за военного, поменяла фамилию и благодаря этому вернулась в 50-х гг. в Крым, поселилась семья в г. Старый Крым. По ее воспоминаниям в их семье говорили, что ее предки из Швейцарии, и в депортации они все знали о своем происхождении. У депортированных цюрихталцев есть и песня «Родом мы из Цюрихталя».

С конца 70-х гг. XX в. выходцы из Цюрихталя, депортированные в 1941 г., провели несколько встреч выпускников Цюрихтальской школы (выпуск Ирмы Илле).

Первая встреча прошла 20 июня 1979 г. в Золотом Поле, у Зибольда Арнольда, которому в это время удалось купить дом в родном селе, собралось около 20 человек. Последующие встречи проходили в 1981, 1985 и 1990 гг. в г. Джамбул (Казахстан), в которых уже участвовали не только «цюрихталцы», но и депортированные из Крыма немцы, выпускники Цюрихтальской школы.

Обязательным атрибутом встреч было исполнение народных песен, которые впоследствии были записаны Альбертом Фолленвейдером в рукописный сборник, подаренный И. Я. Тарусовой в 1982 г. на ее день рождения (всего записано 46 песен, копия хранится в архиве Крымского этнографического музея и требует дальнейшего

изучения)³¹. По словам Ирмы Яковлевны, для нее празднование 200-летия основания Цюрихтalia стало важнейшим событием жизни.

Данное событие получило широкое освещение в средствах массовой информации Крыма³², а при финансовой поддержке Швейцарского бюро по сотрудничеству в Украине состоялась архивная фото- и документальная съемка (4 часа съемки и 150 фотографий) праздничных мероприятий. Материал был предоставлен по договору в Швейцарское бюро³³.

В дальнейшем, с 2006 по 2012 г., тема истории Цюрихтalia затрагивалась в нескольких публикациях в газетах и интернет-изданиях.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2014 г. № 1330-р и приказом Федеральной службы государственной статистики от 1 августа 2014 г. № 497 на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь с 14 по 25 октября 2014 г. проведено федеральное статистическое наблюдение «Перепись населения в Крымском федеральном округе» со 100-процентным охватом населения. Счет населения производился по состоянию на 00 часов 14 октября 2014 г. Перепись населения Крымского федерального округа в 2014 г. организационно и методологически соответствовала Всероссийской переписи населения 2010 г., проведенной в соответствии с Федеральным законом от 25 января 2002 г. № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения», рекомендациями ООН и других международных организаций, а также специалистов в области народонаселения.

По итогам переписи 2014 г. в официальном издании Федеральной службы государственной статистики в Крыму и городе Севастополе проживают представители 133 национальностей (соответственно 2293,7 тысяч человек), швейцарцев среди указанных национальностей нет, 3191 человек указали другие ответы о национальной принадлежности, и 17205 человек в переписных листах

³¹ Архив Крымского этнографического музея.

³² *Гусарова*, 2005, с. 5; *Зорина*, 2005, с. 5; *Рюче*, 2005; *Стус*, 2005, с. 1–2; *Цюрихтальская долина...*, 2005, с. 13; *Чудинова*, 2005, с. 22–25; *Динцер*, 2005, с. 7.

³³ Архив автора.

не указали национальную принадлежность. В методологических пояснениях указано, что причинами этого явились отсутствие респондентов по месту жительства весь период переписи, отказ от участия в переписи или отказ отвечать на этот вопрос³⁴.

Несмотря на то, что исторические события середины 40-х гг. XX в. стерли с официальной карты Крыма название «Цюрихталь», новые жители Золотого Поля не знают «цюрихтальцев», история колонии Цюрихталь и швейцарцев в Крыму продолжает жить, изучаться и восстанавливаться...

Источники и литература

- Архив Крымского этнографического музея (КЭМ).
Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 27. Таврическое губернское правление, г. Симферополь, Таврической губернии.
ГА РК. Ф. 35. Святогорское волостное правление, с. Святогорье Феодосийского уезда Таврической губернии.
ГА РК. Ф. 790. Святогорское сельское управление Святогорского волостного правления, с. Святогорье Феодосийского уезда Таврической губернии.
ГА РК. Ф. 1025. Феодосийский уездный ревком.
- Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862 // Landmanschaft den Deutsche nach Russland. 1993.
Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999.
Всесоюзная перепись населения 1926 года. Крымская АССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Отдельный оттиск табличной части. Т. V. М., 1928.
Взгляд в прошлое...К 200-летию Цюрихталя // Кировец. 2004. №9–13, 15–17.
Гусарова М. И в Крыму есть своя Швейцария. Заметки с необычного юбилея // Крымское время. 2005. № 108 (2198). 27 сентября. С. 5.
Домбровский Ф. Очерк Феодосийского уезда. Одесса, 1885.
Зорина Е. Цюрихталь: память ушедших веков // Крымские известия. 2005. № 164 (3394). 7 сентября. С. 5.

³⁴ Итоги переписи..., 2015, с. 121–124, 264.

- Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. М., 2015.
- Клаус А.* Наши колонии. Иностранная колонизация в России. Вып. 1. СПб., 1869 (с приложениями).
- К выборам в Учредительное собрание // Южные ведомости. 1917. № 68. С. 3.
- Князева Е. Е.* Лютеранские церкви и приходы на Украине XVIII–XX вв. Исторический справочник. Часть II. СПб., 2003.
- Лаптев Ю. Н.* Переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост. Ю. Н. Лаптев. Симферополь, 2000.
- Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1910/11 учебный год. Числовые данные о начальных школах. Симферополь, 1911.
- Памятная книга Таврической губернии / под редакцией секретаря статистического комитета К. В. Ханацкого. Вып. 1. Симферополь, 1876.
- Постановления Феодосийского уездного земского собрания 42-й очередной сессии с 20 по 25 октября 1907 года. С приложениями. Феодосия, 1908.
- Рюче Н.* 200 лет колонии Цюрихталь, основанной швейцарскими поселенцами // Fokus Германия — Крым. 2005. № 4. Август. С. 16–22.
- Рюче Н.* Швейцарские колонисты в Крыму: колония Цюрихталь // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. Изд-е второе / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. Симферополь, 2007. С. 109–113.
- Список населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь, 1927.
- Статистический справочник Таврической губернии. Часть II. Выпуск седьмой. Феодосийский уезд / составитель Ф. Н. Андриевский, под редакцией М. Е. Бененсон. Симферополь, 1915.
- Статистические таблицы о хозяйственном положении селений Феодосийского уезда и Керчь-Еникальского градоначальства. Симферополь, 1886.
- Стус В.* Уроки Цюрихталя // Крымская газета. 2005. № 174 (17227). С. 1–2. Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 года. СПб., 1865.
- фон Динцер Э.* 200 лет колонии Цюрихталь // Deutschen немецкий канал. 2005. № 1. С. 7.
- Цюрихтальская долина... среди крымских степей // Южная столица. 2005. № 39 (716). 30 сентября.
- Чудинова Е.* Цюрихталь — Золотое Поле. 200 лет со дня основания. Фоторепортаж // Fokus Германия — Крым. 2005. № 5. Ноябрь. С. 22–25.

Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь

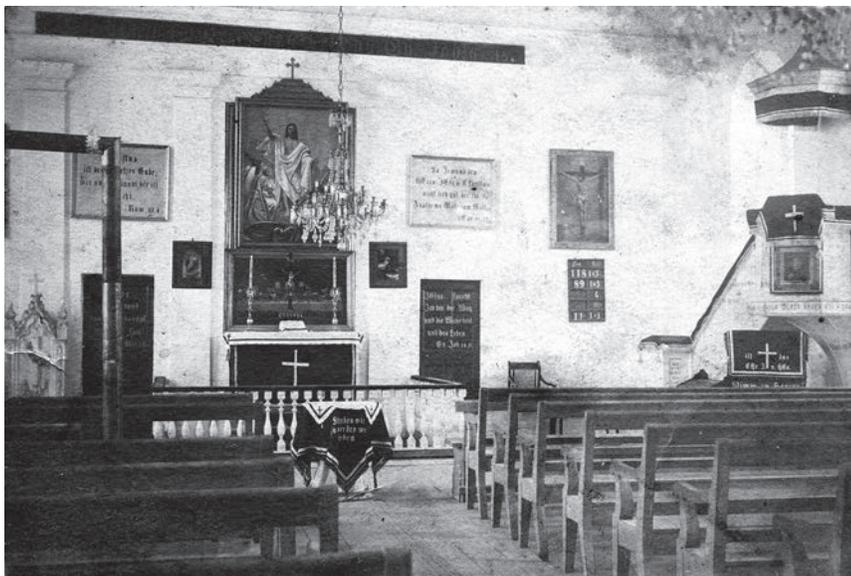


Рис. 1. Интерьер Цюрихтальской евангелическо-лютеранской кирхи, 1910-е гг.



Рис. 2. Лютеранское церковно-приходское училище, с. Цюрихталь, 1910-е гг.



Рис. 3. Музей «Дюрихталь. История и культура швейцарцев в Крыму», с. Золотое Поле, 2005 г.



Рис. 4. Открытие мемориальной доски на здании бывшей кирхи — ныне православный храм, с. Золотое Поле, 17 сентября 2005 г.

Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь



Рис. 5. Представители официальных делегаций Швейцарии и Крыма на пороге православного храма (бывшая кирха), с. Золотое Поле, 17 сентября 2005 г.



Рис. 6. Село Цюрихталь, 30-е гг. XX в.



Рис. 7. Семья Фолленвейдер на пасеке, с. Цюрихталь, 1930 г.



*Рис. 8. Цюрихтальская
евангелическо-лютеранская
кирха. Начало XX в.*

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАРУСЕНКО

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА МИРЕТИНА
Санкт-Петербургский университет

Швейцарские диалекты в Крыму и Северном Причерноморье: лингво-идентичностный аспект¹

Начиная с 2016 г. совместный научный коллектив, объединяющий исследователей Санкт-Петербургского государственного университета и Университета Лозанны, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проводит социолингвистическое исследование истории и современного состояния диалектов швейцарских переселенцев, обосновавшихся в Крыму с конца XVIII в.

Задачей данного исследования являются составление типологии носителей швейцарских диалектов Крыма и Северного Причерноморья, находящихся под угрозой исчезновения, и количественное определение жизнеспособности этих языковых сообществ по методике, разработанной ЮНЕСКО, а также определение индекса жизнеспособности языка (индекса угрозы), который соответствует определенным ступеням международной классификации на основе шкалы ЮНЕСКО и позволит оценить перспективы сохранения италоязычного, немецкоязычного и франкоязычного сообществ и, в зависимости от этого, определить, возможны ли их сохранение, либо возрождение, либо документирование.

Целью исследования является установление существования или отсутствия языковых сообществ, хранящих память о своей швейцарской идентичности, а также составление типология носителей швейцарских диалектов Крыма и Северного Причерноморья и выявление количественных соотношений разных категорий носителей.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта IZLZ1_164069/1 «History of Swiss communities on the Northern Black sea coast: linguistic and identity's issues» Швейцарского научного фонда. Первая версия данной статьи была опубликована в журнале «Древняя и Новая Романия» 2016, т. 17, № 1, с. 223–238.

Определение *индекса жизнеспособности языка (индекса угрозы)*, который соответствует некоторым ступеням международной классификации, на основе шкалы ЮНЕСКО позволит оценить реальность существования языковых сообществ, самоидентифицирующихся со Швейцарией. Конечной целью этого проекта является попытка изменения статуса итальянских диалектов: сегодня, по классификации, разработанной в 1989 г. Советом Европы, они относятся к шестой категории «исчезающие языки». Теоретически желательно поднять их статус до пятой категории «языки, находящиеся в большой опасности», что возможно, если швейцарские диаспоры (если таковые сохранились до настоящего времени) получат формальное юридическое признание. По *Расширенной шкале нарушений трансгенерационной передачи языков* (см. табл. 3) они, вероятнее всего, находятся на уровнях 8а/8б – 9 (агонирующий – спящий).

На кафедре романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета существует длительная традиция изучения итальянской диаспоры Северного Причерноморья, связанная с деятельностью акад. В.Ф. Шишмарева, на протяжении нескольких десятилетий изучавшего итальянские диалекты Крыма в диалектологических экспедициях 1920–1930-х гг. Результатом его исследований стали монография «Романские поселения на юге России» (Л.: Наука, 1975), а также статьи и рукописные материалы. Значительно менее изучены другие крупные западноевропейские диаспоры в Крыму (швейцарская, немецкая) и судьбы их языков.

История колонизации

Романские поселения в Северном Причерноморье имеют древнее происхождение. Впервые римляне появились на Крымском полуострове в Херсонесе (совр. Севастополь) в 62 г. н. э., когда император Нерон ввел туда легионы для защиты этих территорий от скифов и Крым, таким образом, вошел в состав Римской империи. Второй поток романизации связан с итальянскими колониями эпохи Средневековья: в XII в. там обосновались венецианцы, в XIII в. их начали теснить генуэзцы, основавшие там свое государство. Третий поток переселенцев из Италии (XVIII в.) связан с приглашением

российским правительством колонистов из Италии с целью поселения их на землях Новороссии (в основном земледельцев и моряков). Четвертый поток колонистов из Италии — 60-е гг. XIX в., когда в Крым переехали переселенцы из Апулии (Южная Италия). Всего в Северном Причерноморье насчитывалось более 60 итальянских поселений, самые крупные — Одесса (Джинестра), Феодосия (Каффа), Керчь (Пантикапея), Судак (Солдайя), Балаклава (Чембало), Таганрог (Порто Пизано), Севастополь (Херсонес), Симферополь (Неаполь Скифский), Новый свет (Парадизо), Новороссийск (Батарио).

После 1917 г. началась денационализация, которая усилилась в 30-е гг. Многие колонисты были репатрированы или расстреляны по обвинению в шпионаже в пользу фашистской Италии.

Зимой 1942–1943 г. итальянцы Крыма были депортированы в Северный Казахстан как пособники фашизма. Многие погибли в пути, в трудармии, в лагерях. Начался сознательный отказ от родного итальянского языка из страха перед репрессиями.

После 1953 г. режим спецпоселения был снят, и многие семьи смогли вернуться.

В настоящее время самая большая итальянская диаспора находится в Керчи, она оформлена юридически (Ассоциация итальянцев Крыма). Ассоциация борется за признание депортации итальянцев, за присвоение им статуса репрессированного народа. Ассоциация организует изучение итальянского языка и активно борется за сохранение своего культурного, исторического и языкового наследия.

Переселение немцев в Крым началось в конце XVIII — XIX в. по приглашению российской императрицы Екатерины II после вхождения Крыма в состав Российской империи. Екатерина II издала «Манифест императрицы Екатерины II о позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу»² от 4 декабря 1762 г. и «Манифест императрицы Екатерины II о дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах»³ от 22 июля 1763 г., а также подписала в 1764 г. закон

² Манифест императрицы Екатерины II..., 1762.

³ Манифест императрицы..., 1763.

«О колонистах», по которому колонистам предоставлялись существенные льготы: 1) свобода вероисповедания; 2) свобода от платежей и всяких повинностей на 30 лет; 3) свобода от воинской и гражданской служб; 4) свобода от воинского постоя, кроме прохода через селение воинских команд; 5) свобода выезжать из России, если кто того пожелает; 6) свобода заводить фабрики, производить всякие ремесла, торговать, вступать в гильдии и цехи и везде в империи продавать свои изделия.

Павел I, вступивший на престол после Екатерины II, проводил антиекатерининскую политику, но в вопросах колонизации он принял целый ряд мер по укреплению системы переселения иностранцев. Из большого числа претендентов на переселение разных национальностей он оказывал предпочтение немцам-меннонитам, известным своим трудолюбием, честностью и любовью к порядку, получившим от императора существенные льготы. Александр I продолжил политику колонизации, необходимой для освоения пустующих земель Новороссии. Во время его царствования было основано самое большое число колоний на южных границах Российской империи.

Первые немцы появились в Крыму в 1787 г., а первые колонии были официально зарегистрированы в 1805 г., три из них располагались в Симферопольском уезде, а четыре — в Феодосийском. Этнические немцы переселялись в Крым из различных земель Германии, а также Швейцарии и Австрии.

Организованное переселение швейцарцев началось в 1804 г., в царствование императора Александра I, по приглашению которого в Крым прибыли 50 семей из немецкой Швейцарии, в основном из кантона Цюрих. Как правило, это были обедневшие крестьяне и ремесленники, пострадавшие от экономического кризиса в Европе или не желавшие сражаться в армии Наполеона, тогда как во времена Екатерины II в Россию переселялись швейцарские инженеры и математики, торговцы и гувернеры, миссионеры и офицеры, сыровары и часовщики. Некоторые из них достигли высокого положения: так, швейцарские учителя воспитывали детей Александра III (Фердинанд Тормейер) и Николая II (Пьер Жильяр). В результате переселения швейцарских крестьян на Юге России появились две швейцарские колонии: франкоязычные

виноделы-кальвинисты из кантона Во основали поселение Шабо в Бессарабии (ныне территория Украины), а выходцы из кантона Цюрих основали село Цюрихталь (нем. Zürichthahl — цюрихское село) в Восточном Крыму, сегодняшнее село Золотое Поле Кировского района Крыма (до 1945 г. по-русски называлось Цюрихталь, название на крымско-татарском языке *Saylav Saray*, на кириллице — Джайлав Сарай).

В 1865 г. германоязычные поселенцы проживали уже в 45 населенных пунктах, а по данным переписи населения 1897 г. их численность составляла 31 590 человек. В 1941 г. германофоны Крыма насчитывали 53 000 человек.

В августе 1941 г. из Крыма было депортировано 62 000 немцев (в их число автоматически включались и швейцарцы с немецкими именами и фамилиями, поскольку их швейцарское происхождение в советских документах никак не отражалось) и членов их семей, имеющих иное этническое происхождение.

В 1944 г. «крымские немцы» были вторично подвергнуты депортации. Это привело к концу швейцарской колонии в Крыму. Все немецкие поселения были переименованы, село Цюрихталь получило название Золотое Поле, которое оно носит по сей день. Когда в 1990-е гг. происходила массовая эмиграция немцев из СССР, при опросе в посольстве ФРГ некоторые эмигранты указывали на швейцарское происхождение их фамилий.

В 2004 г. в Крыму проживало около 2500 немцев, что составляло около 0,1 % общего населения.

В результате ассимиляции одновременно с утратой диалектов происходила утрата национальной идентичности. До Второй мировой войны жители швейцарских поселений, будучи российскими гражданами, еще помнили о своем швейцарском происхождении. Так, когда в 1914 г. в Российской империи были приняты законы об экспроприации немецких земельных владений, жители Цюрихталя на вопросы полиции о своем происхождении отвечали, что они граждане Российской империи, лютеранского вероисповедания, а их предки приехали из Швейцарии.

Как показало полевое исследование, в настоящее время в Золотом Поле уже не проживает ни одного потомка швейцарских колонистов.

Швейцарские переселенцы-французы в основном прибывали из Во, в то время бедного кантона Швейцарии. Император Александр I, под влиянием своего наставника Фредерика Цезаря Лагарпа, выходца из кантона Во, подписал указ об основании колоний для иностранцев, желающих заниматься виноделием на территориях, отвоеванных у турок. В 1820 г. Луи-Венсан Тардан, выходец из Веве, получил разрешение на создание швейцарской колонии в местечке Аша-Абаг (по-турецки Нижние сады), которую колонисты называли Шабаг, или, на французский манер, Шабо. Сегодня Шабо — село в Белгород-Днестровском районе Одесской области Украины. По призыву Тардана до двух десятков семей виноградарей из кантона Во с многочисленными детьми отправились в путь через всю Швейцарию, Баварию, Австрию и Польшу. Официальным днем рождения водуазской колонии Шабаг считается 10 ноября 1822 г., день прибытия колонистов на место.

В первых посемейных списках колонистов, составленных Луи-Венсеном Тарданом и хранящихся в Государственном архиве Орловской области, в 1823 г. указано 17 семейных и одиноких хозяйств, в 1828 г. — 29 семей, 94 колониста (48 мужчин и 46 женщин), а в 1852 г. здесь уже 53 хозяйства и 269 колонистов (включая колонистов-немцев и других присоединившихся иностранцев). Тардан дал швейцарской деревне название Гельвецианополис.

До начала советских времен практически не было смешанных браков между швейцарскими поселенцами и местным населением. В советскую эпоху случались вынужденные экзогамные браки, заключаемые для того, чтобы поменять фамилию, скрыть свое этническое происхождение и, таким образом, спасти свою жизнь. Как и другие категории переселенцев, семьи швейцарских виноделов тоже стали жертвами сталинских репрессий.

Типология носителей исчезающих языков

Необходимость особой типологии носителей исчезающих языков может быть не очевидна для носителей доминирующих языков, которые родились, выросли, получили образование и работают в среде своего родного языка, окружающего их 24 часа

в сутки, в частной и публичной жизни, зафиксированного в словарях, грамматиках и замечательных литературных произведениях. Они используют свои языки в среде, состоящей из большого числа носителей от рождения, которые изучали языки своих предков в учебных заведениях, и уверены, что их языки и они сами находятся в безопасности.

По-иному складывается ситуация с носителями хотя и жизнеспособных, но недостаточно описанных языков: они постоянно сталкиваются с проблемой языковой вариантности и отсутствием стандартной нормы; если носитель, понимающий один из таких языков, решится заговорить на нем, ему самому придется выбирать из большого числа своих соплеменников, кого принять за образец для подражания.

Когда же человек попадает в ситуацию, в которой ему необходимо работать с языком, находящимся под угрозой исчезновения, с малым числом носителей, перед ним встает вопрос, с кем он может общаться на этом языке. Ему приходится учитывать сложный комплекс отношений носителей и не носителей к этому языку, на всех уровнях, от индивидов до языковых сообществ в целом, часто на региональном или национальном уровнях⁴.

Попытки создать типологию носителей языков, находящихся в опасности, начались в 1980-х гг. и показали недостаточность знаний об этой проблеме⁵. Такая типология должна учитывать многие переменные, как, например, изучение языка в детском возрасте, какие языки носители использовали в прошлом и настоящем, языковое поведение, утрата языка взрослыми носителями, возможность возвращения к использованию языка и т. д. Пока полная типология носителей языков, находящихся в опасности, ждет своих создателей, однако удалось выделить четыре основных типа⁶:

1. Носители, свободно от рождения говорящие на языке (*native fluent speakers*), которые подразделяются на две категории: «старые» носители, мооязычные на своем этническом языке, и «молодые» носители, которые двуязычны, но свободно говорят на своем

⁴ Марусенко, 2015.

⁵ Doğan, 1981.

⁶ Grinevald, 2009, p. 12–15.

этническом языке, который является для них первым языком. Разница между ними заключается в том, что старые говорят на традиционном варианте языка, а молодые вносят в него изменения, причиной которых является их двуязычие. Тем не менее старики не считают эти изменения неприемлемыми и признают молодых хорошо говорящими на этом языке.

2. Полуносители (*semi-speakers*), у которых доминирующим является не их этнический язык, хотя они почти свободно говорят на нем. Они тоже вносят изменения в свою речь, которые затрагивают уже структуры родного языка и отвергаются старыми носителями как неприемлемые. Эта категория не пользуется языком регулярно и естественно, потому что у них нет постоянных партнеров, однако они способны поздороваться на этническом языке, ответить на стандартный вопрос, поддержать песню или отреагировать на шутку. Полуносители — это важная категория для языка, находящегося в опасности, потому что, во-первых, они составляют самую многочисленную когорту носителей, а во-вторых, именно среди них находятся активисты борьбы за документирование языка, его сохранение и возрождение.

3. Последние носители (*terminal speakers*). Этот термин не более удачен, чем термин полуносители, однако широко употребляется в современных исследованиях. Он происходит от метафоры «смерть языка» и обозначает не умирающих носителей, а очень ограниченные языковые компетенции у некоторых членов языкового сообщества. Они являются носителями доминирующего языка, но могут знать какие-то фразы или отдельные слова на своем этническом языке.

4. Хранители памяти (*remembers*). К этой категории относятся люди, которые прежде в какой-то степени знали язык, но затем, по различным причинам, утратили свои знания. Это могут быть носители, под давлением трагических обстоятельств вынужденные отказаться от своего языка, либо они никогда не были активными носителями и просто утратили свое пассивное двуязычие. Если языковая ситуация радикально изменится, они смогут частично восстановить свои навыки.

Жизнеспособность языка, равно как и *опасность*, которой он подвергается, поддается количественной оценке. ЮНЕСКО составила

набор из 9 основных параметров, позволяющих оценивать степень жизнеспособности или угрозы языку, применительно к миноритарным языкам⁷:

1. Трансгенерационная (от поколения к поколению) передача языка.
2. Абсолютное число носителей языка.
3. Процент носителей языка в общей численности населения.
4. Изменение сфер использования языка.
5. Реакция на новые сферы использования и СМИ.
6. Доступность материалов для обучения языку и грамотности.
7. Отношение правительства и институтов к языку, включая его официальный статус и применение.
8. Отношение членов сообщества к родному языку.
9. Тип и качество документации.

Параметры, входящие в данный набор, ранжированы по убыванию значимости: это означает, что первый параметр (Трансгенерационная передача языка) рассматривается ЮНЕСКО как самая важная характеристика, намного более важная, чем, например, девятый параметр (Тип и качество документации). Наиболее важными считаются первые шесть параметров. По каждому параметру состояние языка оценивается по шестибальной шкале (0 — мертвый язык, 5 — жизнеспособный язык, которому ничего не угрожает). Шкалы оценки жизнеспособности языка по первым шести параметрам приведены в табл. 1–3⁸.

На основе этих девяти параметров можно оценить положение языка какого-либо сообщества и определить, какая помощь необходима для его сохранения, возрождения или документирования. Представители языковых сообществ также могут анализировать их для того, чтобы решить, какие меры следует предпринимать в первую очередь.

Этот набор параметров позволяет рассчитывать *индекс жизнеспособности языка*, он же *индекс языковой опасности*, который соответствует некоторым ступеням классификаций, отражающих уровень жизнеспособности или, наоборот, языковой опасности. Так,

⁷ Language Vitality and Endangerment, 2003.

⁸ Vitalité et disparition des langues, p. 9–17.

например, по результатам исследований, проведенных в 2007 г. для доломитского ладинского и франкопровансальского языков и в 2005 г. для гэльского и маори, можно рассчитать значение индекса угрозы для этих четырех языков по всем девяти параметрам.

В 1989 г. представители 21 государства провели в Совете Европы дискуссию о жизнеспособности малых языков и разработали для них особую классификацию. Эта классификация позволяет определять приоритетные направления языковой политики и принимать меры к спасению малых языков, если оно еще возможно:

1. Языки, находящиеся под защитой. Это языки, которые пользуются статусом официального языка в своей стране и проницаемыми языковыми границами. В Европе к ним относятся норвежский, шведский, исландский, датский, финский, шведский на Аландских островах (Финляндия), словацкий, чешский, словенский, венгерский и др.

2. Почти защищенные языки. К этой группе относятся языки, пользующиеся региональным признанием или имеющие юридический статус, с числом носителей не менее 1 млн. В нее входят каталанский в Каталонии, французский в Квебеке, испанский в Пуэрто-Рико, креольский на Гаити и т. д.

3. Языки, находящиеся в ограниченной опасности. В эту группу входят языки с ограниченным числом носителей (менее 1 млн), но с хорошим статусом. Сюда же относятся миноритарные языки с удачным географическим положением: гренландский в Гренландии, баскский в Стране Басков, фризский в Нидерландах, французский в бывшей провинции Акадия (Канада), английский в Квебеке и т. д.

4. Языки, находящиеся в значительной опасности. Это языки с довольно значительным числом носителей, но со слабым или несуществующим статусом: сардский и фриульский в Италии, окситанский и бретонский во Франции, валлийский в Уэльсе (Соединенное Королевство), испанский в США и т. д.

5. Языки, находящиеся в большой опасности. Такие языки, несмотря на формальное юридическое признание, имеют очень мало носителей: ирландский в Ирландии, ретороманский в Швейцарии, французский в Манитобе (Канада) и т. д. Сюда же относятся языки большинства малых народов, имеющих статус автономных

республик в Российской Федерации: осетинский, адыгейский, черкесский, кабардинский, чеченский, ингушский и т. д.

6. *Исчезающие языки*. Эти языки имеют очень мало носителей и никакого официального статуса: лапландский в скандинавских странах, шотландский и ирландский в Соединенном Королевстве, французский в некоторых англоязычных провинциях Канады и т. д.

Многие малочисленные народы не желают пассивно ожидать смерти родного языка и защищают свой язык и культуру. Существует ряд факторов, продлевающих существование языков, позволяющих им существовать какое-то время в коматозной фазе, до начала какого-либо дестабилизирующего воздействия:

Дж. Фишман выделил четыре типа социальных изменений, обуславливающих использование языков: демографические факторы, экономические причины, социальные идентификаторы и СМИ. Он также разработал восьмиступенчатую шкалу (табл. 1), отражающую различные степени нарушения трансгенерационной (от поколения к поколению) передачи языка — *Graded Intergenerational Disruption Scale — GIDS*⁹:

Таблица 1

**Ступенчатая шкала нарушения трансгенерационной передачи языка
(читается снизу вверх)**

Ступень 1	Используется в государственной сфере и в высшем образовании
Ступень 2	Используется местной администрацией и СМИ внутри сообщества
Ступень 3	Используется в местном бизнесе и малоквалифицированными работниками на рабочих местах
Ступень 4	Используется в начальной школе
Ступень 5	Язык чувствует себя в безопасности и используется внутри сообщества
Ступень 6	Осуществляется передача языка от поколения к поколению
Ступень 7	Только молодые взрослые говорят на языке
Ступень 8	Только небольшое число пожилых людей говорят на языке

⁹ *Fishman*, 1991, p. 88–109.

Летний институт лингвистики *SIL International*, владелец сайта *Ethnologue*, оценивает жизнеспособность языков по пятиступенчатой шкале, в которой большее значение придается числу носителей с первым языком, чем другим факторам (табл. 2). В сочетании с другими данными, содержащимися в *Ethnologue*, это позволяет более всесторонне оценивать статус каждого языка¹⁰.

Таблица 2

Категории жизнеспособности языков по *Ethnologue*

Категория	Описание
Живой	Большая популяция носителей с первым языком
Только второй язык	Используется только как второй язык; носителей с первым языком нет, но могут появляться новые носители
На пороге вымирания	Осталось менее 50 носителей или очень малая и постоянно уменьшающаяся часть этнической популяции
Спящий	Носители не обнаружены, но популяция связывает свою этническую идентичность с языком
Вымерший	Нет ни носителей, ни популяции, связывающей свою этническую идентичность с языком

По этой шкале все разнообразие стандартных языков, имеющих письменную форму и используемых в образовании, производстве и государственной сфере, сведено в одну категорию — живые. Ранее *Ethnologue* использовал категорию *только второй язык* для языков, которые используются сообществом, но не изучаются в качестве первых языков. К ней относились литургические языки и специальные языки (профессиональные жаргоны, некоторые пиджины и т. д.), но в 16-м издании эта категория была расширена и включает языки, которые, с одной стороны, считались вымершими (теперь спящими), но возрождаются и имеют группы новых носителей, изучающих свой язык как второй.

В 16-м издании появилась новая категория — *спящие языки*. Она была введена из-за протестов членов этнических групп против признания их языков вымершими, хотя носителей с первыми языками у них уже нет.

¹⁰ Languages of the world, 2009.

Поскольку шкала Фишмана играет фундаментальную и плодотворную роль в дискурсе об исчезающих языках, *Атлас ЮНЕСКО* имеет большое практическое значение, а *Ethnologue* является полным каталогом языков, находящихся под угрозой, во всем мире возникла потребность в гармонизации всех трех шкал, результатом которой стала *Расширенная шкала нарушений трансгенерационной передачи языков* (табл. 3).

Другой способ упорядочения множества исчезающих языков заключается в использовании лингвистических критериев, учитывающих, в каких функциях используется язык и каким структурным изменениям он подвергается.

Умирающие языки начинают все меньше использоваться внутри языкового сообщества, а некоторые функции, в которых они использовались, либо отмирают, либо постепенно замещаются другими языками. Такие языки меньше используются в сфере образования, политики и других публичных ситуациях, потому что эти функции выполняются доминирующим языком (английским, испанским, русским и т.п.) или *lingua franca*. Сфера употребления умирающего языка может сократиться до одной единственной области: так, *gez* (*ge'ez*), древний семитский язык, употреблявшийся в Эфиопии, сохранился только как литургический язык Эфиопской православной церкви.

Интерактивный атлас ЮНЕСКО позволяет увидеть, в каких зонах земного шара концентрируются языки, находящиеся в опасности, а также получить некоторые статистические данные об этих языках¹¹. Так, по пятибалльной шкале С. Вюрма в мире насчитывается всего 2474 языка, подвергающихся опасности, из которых 601 язык находится под потенциальной угрозой, 648 языков — в опасности, 526 языков — в серьезной опасности, 576 языков — в состоянии агонии, а 231 язык уже мертв. В Европе семь языков из этого числа имеют более 3 млн. носителей. Из них белорусский, нижнесаксонский, сицилийский и южно-итальянский находятся под потенциальной угрозой, а ломбардский, идиш и цыганский находятся в опасности.

¹¹ UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger.

Расширенная шкала нарушений трансгенерационной передачи языков

Уровень	Категория	Описание	ЮНЕСКО
0	Международный	Язык используется как международный с полным набором функций	Безопасность
1	Национальный	Язык используется в образовании, производстве, СМИ, управлении и на национальном уровне	Безопасность
2	Региональный	Язык используется в местных и региональных СМИ и в органах управления	Безопасность
3	Торговый	Язык используется в местной и региональной производственной сфере, как членами сообщества, так и посторонними	Безопасность
4	Язык образования	Грамотность на языке передается через государственную систему образования	Безопасность
5	Письменный	Устная форма языка используется всеми членами сообщества, а письменная — только частью	Безопасность
6a	Сильный	Устная форма языка используется всеми поколениями; он изучается детьми как первый язык	Безопасность
6б	В опасности	Устная форма используется всеми поколениями, но только некоторые взрослые детородного возраста передают его своим детям	Уязвимость
7	Смена языков	Взрослые детородного возраста знают язык, но мало используют его в общении друг с другом и не передают своим детям	Опасность
8a	Агонизирующий	Последние активные носители принадлежат к поколению бабушек и дедушек	Сильная опасность
8б	Почти умерший	Последние активные носители принадлежат к поколению бабушек и дедушек или еще старше и имеют мало возможностей говорить на своем языке	Критическая опасность
9	Спящий	Язык служит напоминанием о наследственной идентичности этнического сообщества. Никто не владеет им больше, чем на символическом уровне	Вымерший
10	Вымерший	Никто не ощущает связи между этнической идентичностью и языком, даже символической	Вымерший

Заключение

Применение критериев, используемых международными организациями, к измерению состояния швейцарских диалектов на территории Крыма и Северного Причерноморья теоретически должно было позволить определить меры, необходимые либо для их поддержки, либо для фиксации, либо для музеефикации. Однако результаты полевого исследования в местах исторического расселения швейцарских переселенцев в Крыму показали, что в результате социально-политических, геополитических и демографических изменений в регионе физически отсутствуют не только организованные сообщества носителей швейцарских диалектов, но даже их изолированные потомки. В данных условиях швейцарские диалекты в Крыму должны быть отнесены к категории вымерших, а единственной мерой языковой политики, применимой к ним, может быть музеефикация, которая, ввиду отсутствия этнического сообщества, должна проводиться силами лингвистов-исследователей и музейных работников.

Источники и литература

- Манифест императрицы Екатерины II о позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу. 1762. URL: <http://wolgadeutsche.ru/history/manifest-1762.htm> (Дата обращения: 22.03.2016).
- Манифест императрицы Екатерины II о дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах. 1763. URL: <http://wolgadeutsche.ru/history/manifest.htm> (Дата обращения: 22.03.2016).
- Dorian N.* Language Death: The Life Cycle of a Scottish Gaelic Dialect. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1981.
- Fishman J.* Reversing Language Shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991.
- Grinevald C.* Speakers and Documentation of Endangered Languages. 2009. URL: http://www.hrelp.org/events/workshops/eldp2008_6/resources/grinevald.pdf (Дата обращения: 15.08.2012).
- Languages of the world. 2009. 16th edition / M. P. Lewis (éd.) Dallas: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com> (Дата обращения: 16.02.2012).

Михаил Александрович Марусенко, Мария Сергеевна Миретина

- Language Vitality and Endangerment. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. Paris, 10–12 March 2003. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf (Дата обращения: 18.03.2013). Официальный перевод по: Исчезающие языки и ЮНЕСКО // Нематериальное наследие. Вестник ЮНЕСКО. Сентябрь 2006. URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00843-RU.pdf> (Дата обращения: 02.03.2013).
- Vitalité et disparition des langues/ Groupe d'experts spécial de l'UNESCO sur les langues en danger. URL: <http://www.unesco.org/culture/heritage/intangible/> (Дата обращения: 18.03.2016).
- UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas> (Дата обращения: 16.03.2016).
- Марусенко М.А.* Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: Изд-во ВКН, 2015.

Итальянская диаспора Крыма и Северного Причерноморья: современное состояние вопроса¹

Романские поселения в Северном Причерноморье уходят своими корнями в далекую древность. Впервые римляне появились на Крымском полуострове в Херсонесе (совр. Севастополь) в 62 г. н. э., когда император Нерон ввел туда легионы для защиты этих территорий от скифов, и Крым, таким образом, после третьей митридатской войны вошел в состав Римской империи на три столетия. Многие римские легионеры после этого осели на территории Крыма, и их потомки проживали там еще несколько веков, даже после ухода римлян с полуострова.

Второй поток романизации (уже именно итальянизации) связан с итальянскими колониями эпохи Средневековья: первые следы постоянного итальянского присутствия зафиксированы в 1266 г., когда по всему Северному Причерноморью стали массово возникать итальянские (в основном генуэзские, венецианские и пизанские) колонии². При этом первыми там обосновались пизанцы (одной из первых «факторий» стал Порто Пизано (совр. Таганрог)). Затем появились венецианцы, а с XIII в. их начали теснить генуэзцы, основавшие там свое государство. После падения Византии (1453 г.) большинство итальянских колоний не смогло противостоять турецкой экспансии. Генуэзская Каффа (совр. Феодосия) пала под ударами турецкого султана Магомета II в 1475 г. После этого часть итальянского населения вернулась на Апеннинский полуостров, а часть была переселена

¹ Статья подготовлена в рамках проекта IZLZ1_164069/1 «History of Swiss communities on the Northern Black sea coast: linguistic and identity's issues» Швейцарского научного фонда. Первый вариант статьи был опубликован в журнале «Древняя и Новая Романия», 2016, вып. 18, с. 97–104.

² *Еманов*, 1982.

в окрестности Бахчисарая, где подверглась впоследствии татаризации и исламизации. Часть этнических итальянцев ассимилировалась с греческой общиной, которая впоследствии, уже в XVIII столетии, была переселена в царствование Екатерины II под Мариуполь³.

Третий поток переселенцев из Италии (конец XVIII — начало XIX в.) связан с приглашением российским правительством колонистов из Италии с целью поселения их на землях Новороссии (в основном земледельцев и моряков). В мае 1782 г. итальянцы (в основном корсиканцы) представили русскому генеральному морскому комиссару в Италии командующему русской эскадрой графу Дмитрию Мочениго (итальянцу по происхождению) прошение о разрешении отправиться в Новороссию на постоянное поселение, чтобы возделывать землю, заниматься ремеслами, а также нести военную службу и торговать. Частично поток итальянских переселенцев вновь направился в Феодосию (генуэзскую Каффу); в городе стал активно звучать итальянский язык, появились даже вывески на итальянском языке.

Итальянское лингвистическое присутствие нашло отражение и в топонимике: две центральные улицы города стали носить названия Итальянской и Генуэзской. Одним из самых важных мест присутствия итальянского элемента стала и основанная незадолго до этого Одесса (ит. Джинестра). В итальянском квартале Одессы насчитывалось несколько тысяч жителей, так называемых «негоциантов», существовал итальянский оперный театр и итальянская типография, а также фабрика макарон. Итальянский язык был настолько распространен среди населения, что в учебных заведениях города (в Ришельевском лицее и других) было введено обязательное обучение итальянскому языку наряду с русским и греческим. С 1798 г. в Одессе существовали неаполитанское, сардинское и корсиканское консульства.

В 60-е гг. XIX в. в Крым переехали переселенцы из Апулии (Южная Италия) и осели в Керчи, где к тому времени уже жили переселенцы из Сардинии и Генуи. Это были в основном моряки и земледельцы. С керченскими итальянцами связана история семьи национального героя Италии Джузеппе Гарибальди, проходившего

³ Урядова, 2015.

морскую службу в водах Черного моря; его дядя Антонио Феличе Гарibaldi был одним из консулов Сардинского королевства в Керчи. Керченская группа итальянцев является наиболее многочисленной после одесской группы переселенцев и, кроме того, стала единственной хорошо сохранившейся в компактном виде группой этнических итальянцев на территории Северного Причерноморья до нашего времени, несмотря на все потрясения двадцатого столетия. Даже в 1929 г., когда итальянцы стали активно покидать Северное Причерноморье, керченская итальянская колония все еще насчитывала около 1000 человек⁴.



*Рис. 1. Старинная улица бывшего итальянского квартала в Керчи.
Фото автора*

Итак, в XIX в. всего в Северном Причерноморье насчитывалось более 60 итальянских поселений, самые крупные из которых находились в городах Одесса (Джинестра), Феодосия (Каффа), Керчь (Пантикапея), Судак (Солдайя), Балаклава (Чембало), Таганрог (Порто Пизано), Севастополь (Херсонес), Симферополь (Неаполь Скифский), Новый свет (Парадиза), Каллита (Ялта), Луста (Алушта), а также в Мариуполе и Новороссийске.

После событий 1917 г. начался обратный процесс — постепенный уход итальянского населения с Юга России, а также денационализация, связанная с забвением своих исторических диалектов и тем более общенационального итальянского языка, который, как известно, к тому времени был плохо распространен в среде земледельцев и ремесленников. Процесс денационализации усилился в 30-е гг., когда многие итальянцы были репатриированы или расстреляны по обвинению в шпионаже в пользу фашистской Италии.

⁴ *Vignoli, 2000; 2012.*

Итальянский язык, таким образом, оказался под негласным запретом: старшее поколение стало запрещать молодежи говорить по-итальянски из страха быть обвиненными в связях с фашистской Италией. Многие семьи уничтожали документы, свидетельствовавшие об их итальянском происхождении. Денационализация практически не затронула только быт и фольклор: сохранились итальянские традиции, кухня, песни и сказки.

Зимой 1942/1943 г. (в январе и затем в феврале) практически все итальянцы Крыма были депортированы в Северный Казахстан (Атбасар) как пособники фашизма. Всего из Керчи, наиболее пострадавшей демографически, было выслано 438 человек⁵. Многие погибли в пути, в трудармии, в лагерях. Начался тотальный отказ от родного итальянского языка из страха перед репрессиями. В 1953–1954 гг. был снят режим спецпоселения, и некоторые смогли вернуться в Крым⁶. Тем не менее многие итальянские семьи, не вернувшиеся по разным причинам после депортации, до сих пор проживают в Донецкой области, на Кубани, в Казахстане, Узбекистане, Армении, Челябинске, Москве, Саратове, Санкт-Петербурге. В 1992 г. в Крыму насчитывалось 316 потомков эмигрантов итальянской национальности⁷. В настоящее время самая большая итальянская диаспора находится в Керчи, она оформлена юридически (Ассоциация итальянцев Крыма). День депортации — первое воскресенье после 28 января — стал отмечаться как день национальной катастрофы.

В конце XX столетия начался процесс активного возвращения к родной культуре и острого осознания своей этнической идентичности. В 1992 г. по инициативе П. Пергало, Л. Шишкиной-Джаккетти и И. Сидоренко было создано первое национально-культурное объединение итальянцев «Общество итальянской диаспоры Крыма», вскоре преобразованное в «Ассоциацию итальянцев Крыма — Комитет Данте Алигьери». В течение нескольких лет председателем Общества была М. Д. Лебединская-Леконте, а затем Г. Е. Сколярино. В 2008 г. была зарегистрирована новая организация — «Итальянская

⁵ *Pellagi*, 2012, p. 3.

⁶ *Dundovich, Gori*, 2006, p. 159.

⁷ *Виньоли, Бойко*, 2007, p. 7.

ассоциация «Черкио»». Термин «Черкио» (итальянский перевод — «круг») является одновременно аббревиатурой и расшифровывается как «Comunna degli Emigrati in Regione di Crimea — Italiani di Origine». Через несколько лет, в 2015 г., она была преобразована и зарегистрирована в качестве Региональной общественной организации «Сообщество итальянцев Крыма С.Е.Р.К.И.О.». Параллельно было зарегистрировано и Керченское отделение «Общества Данте Алигьери» в качестве центра итальянской культуры. Была зарегистрирована и римско-католическая община; ей было передано здание церкви успения Богородицы (памятник архитектуры), построенное в 1840 г.

Итальянцам Крыма, несмотря на все бури двадцатого столетия, удалось сохранить главное — острое национальное самосознание и упорное стремление к сохранению национальной идентичности. Итальянская диаспора пыталась обратить на себя внимание итальянского правительства, но на все письма к итальянским властям приходили формальные бюрократические ответы без каких-либо обещаний. В течение десятилетий они упорно добивались от украинских властей реабилитации и официального признания факта депортации и репрессий по национальному признаку. Они обращались в Верховную раду Украины, в прокуратуру и Министерство иностранных дел Украины, к президенту Украины, к уполномоченному по правам человека, встречались с представителями ОБСЕ и парламента Италии, выступая в прессе и по телевидению, используя как российские, так и зарубежные средства массовой информации. К 2012 г. удалось добиться всего лишь следующего: был снят гриф секретности с рапорта народного комиссара внутренних дел Каранадзе заместителю народного комиссара обороны СССР Мехлису «Об изъятии и выселении итальянского населения, проживающего на Керченском полуострове», что являлось доказательством репрессий по национальному признаку.

Сразу же после присоединения Крыма к России итальянская диаспора обратилась за справедливостью к президенту, в Государственную думу и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, но произошло бюрократическое недоразумение: в Указе от 21 апреля 2014 г. «Указ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского

и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» в список репрессированных народов забыли внести итальянцев.

И, наконец, 11 сентября 2015 г. в Крыму произошла встреча президента Российской Федерации В. В. Путина, экс-председателя Совета министров Итальянской Республики Сильвио Берлускони и представителей итальянского сообщества итальянцев Крыма «ЧЕРКИО», в ходе которой В. В. Путин и С. Берлускони внимательно выслушали главу сообщества Джулию Джаккетти-Бойко, ознакомились с предоставленными документами. На следующий же день, 12 сентября, президентом был подписан Указ о внесении необходимых изменений в Указ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». К перечню народов, подвергшихся в свое время депортации с территории Крымской АССР, добавлены представители итальянского народа. Правительству РФ было поручено принять комплекс мер для федеральной целевой программы социально-экономического развития по восстановлению исторической справедливости, политическому, духовному и социальному возрождению народа, подвергшегося незаконной депортации и политическим репрессиям.

При этом было подчеркнуто, что необходимо тщательно изучить и уточнить вопрос о реальной численности итальянского населения Крыма, чтобы, исходя из составленной специальной базы всех реабилитированных граждан, определить меры по материальной и социальной поддержке. Российские граждане итальянской национальности теперь имеют право воспользоваться положениями о реабилитации жертв сталинских репрессий, что позволяет им рассчитывать на определенную материальную компенсацию и реституцию конфискованного имущества. На мероприятия по реабилитации и поддержке репрессированных и реабилитированных народов Крыма было выделено более 10 миллиардов рублей. Одна из первых задач для итальянской диаспоры — сбор подробной информации о депортированных во время войны, что предполагает поездки в места депортации и хранения документации (прежде всего в Северный Казахстан, Украину и другие области). Работа предстоит большая, так

как до 1949 г. учет депортированных граждан практически не велся и, кроме того, существует несколько важнейших пока не найденных документов, касающихся истинного количества депортированных. В настоящее время готовится поездка в Челябинск, так как именно там после трудармии осталось много репрессированных итальянских семей. Предполагается также написание книги об истории крымских итальянцев главой диаспоры Джулией Джакетти-Бойко.



Рис. 2. Глава итальянской общины Крыма «Черкио» Джулия Бойко-Джакетти на встрече с президентом России. 11 сентября 2015г. предоставлена автором

Итак, долгожданная реабилитация крымских итальянцев состоялась. День подписания сентябрьского указа теперь стал национальным праздником крымских итальянцев и будет отмечаться как день реабилитации. В Керчи на памятной плите «Против жестокости и насилия» открыли обновленную табличку, включив в список репрессированных народов (крымские татары, болгары, греки, немцы, армяне) и итальянский народ.

Необходимо отметить, что итальянская диаспора Крыма является богатейшим материалом для разнообразных научных исследований, как историко-лингвистических и культурологических, так и антропологических. Так, в течение многих десятилетий в различных аспектах борьбы за изучение и сохранение этно-лингвистической идентичности крымских итальянцев пришлось участвовать и кафедре романской филологии филологического факультета СПбГУ, где существует длительная традиция изучения итальянской диаспоры Северного Причерноморья, связанная с деятельностью академика В. Ф. Шишмарева, на протяжении нескольких десятилетий изучавшего итальянские диалекты Крыма в диалектологических экспедициях 20-30 гг. XX в. Результат его исследований — монография «Романские поселения на Юге России»⁸, а также статьи и рукописные

⁸ *Шишмарев, 1975.*

материалы. После этого традиция изучения на кафедре крымско-итальянских диалектов была продолжена (проф. А. А. Касаткин, доц. С. А. Кокошкина, доц. А. А. Карлова, проф. М. С. Самарина, неоднократно выступавшая в средствах массовой информации).

В июле 2016 г. комиссией этнографии и антропологии Московского центра Русского географического общества были проведены антропологические и демографические исследования итальянского населения керченской итальянской диаспоры. По предварительным результатам проведенных исследований, итальянское генетическое присутствие на территории Северного Причерноморья является значительно более ощутимым, чем предполагалось ранее.

Итальянская диаспора Керчи в сотрудничестве с итальянскими журналистами подготовила выставку «История и истории итальянцев Крыма», которая с успехом была показана более чем в 30 городах Италии и привлекла большое внимание общественности. В настоящее время тексты выставки переведены на английский, немецкий и польский языки, а материалы постоянно обновляются. В сохранении и возрождении национального самосознания крымских итальянцев необходимо отметить и роль человеческого фактора в истории: уже много лет, несмотря на все жизненные невзгоды, сообществом итальянцев Крыма руководит Джулия Джаккетти-Бойко, личные заслуги которой неоспоримы.

В настоящее время крымско-итальянский диалект находится на стадии вымирания, этнические итальянцы изучают итальянский язык как иностранный. По данным 2014 г., численность людей, имеющих полное или частичное итальянское происхождение и считающих себя итальянцами, составляет около 500 человек, и всего лишь 77 из них назвали себя итальянцами в процессе переписи населения того же года.

В связи с необходимостью сохранения этно-культурно-лингвистического феномена Крыма встают большие задачи организации возрождения культуры этнических итальянцев Крыма, с одной стороны, и в особенности помощь младшему поколению в изучении итальянского языка — с другой.

Возрождение итальянского элемента на Юге России не только сохранит культурное, историческое и языковое наследие этого древнейшего этноса, но и еще более обогатит многогранный Русский

мир. Драматическая многовековая история итальянцев Крыма подтверждает давно известный тезис, что народ продолжает существовать, пока живо его национальное самосознание.

Источники и литература

- Dundovich E., Gori F.* Italiani nei lager di Stalin. Frammenti di storia silenziosa. Roma; Bari: Mondadori, 2006. P. 159.
- Pellagi S.* L'emigrazione italiana in Russia // Prospettive comuni di ricerca Italia e Russia tra modernizzazione e stagnazione. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2012.
- Vignoli G.* Gli italiani dimenticati. Minoranze etniche in Europa. Giuffre', Milano, 2000.
- Vignoli G.* Gli italiani di Crimea. Nuovi documenti e testimonianze sulla deportazione e lo sterminio. Roma: Edizioni Settimo Sigillo, 2012.
- Виньоли Д., Бойко Ю.* Неизвестная трагедия итальянцев Крыма. Керчь, 2007.
- Еманов А. Г.* К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма // Античная древность и средние века. Вып. 19: Византия и ее провинции. Свердловск: Уральский государственный университет, 1982. С. 62–68.
- Урядова А. В.* Крымские итальянцы // Неприкосновенный запас. НЛО. 2015. № 5 (103).
- Шишмарев В. Ф.* Романские поселения на Юге России. Л.: Наука, 1975.

Изучение италиязычных колоний Юга СССР В. Ф. Шишмаревым в Ленинградском государственном университете¹

Наиболее значимой работой В. Ф. Шишмарева, выполненной в русле теории островных говоров, является статья «Один из южноитальянских говоров в Крыму», написанная в 1929 и опубликованная в 1940 г. в «Ученых записках Ленинградского государственного университета»². Это исследование посвящено изучению диалекта жителей итальянского города Трани (недалеко от Бари, Апулия), переселившихся в 1860-х гг. одновременно со своими соседями — выходцами из г. Бишелье — в Крым, на окраины Керчи. Статья формально не входит в известную рукопись ученого «Романские поселения на Юге России», подготовленную к изданию в 1975 г. М. А. Бородиной, Б. А. Малькевичем и Н. Л. Сухачевым под названием «Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России: Научное наследие»³. Однако данный труд по использованному в ней методу полевой диалектологии по сути дела является частью работы «Романские поселения»⁴.

В указанной монографии В. Ф. Шишмарев, говоря об итальянских колониях, особо останавливался на описании жизни двух керченских групп поселенцев — транезцев и бишельезцев. Если в разделах монографии внимание было в основном уделено историческим, этнографическим и культурологическим фактам, то статья о керченском транезском диалекте, в свою очередь, носит сугубо

¹ Статья подготовлена в рамках проекта IZLZ1_164069/1 «History of Swiss communities on the Northern Black sea coast: linguistic and identity's issues» Швейцарского научного фонда.

² *Шишмарев*, 1941.

³ *Шишмарев*, 1975.

⁴ *Рукописное наследие...*, 1965, с. 19.

лингвистический характер. Полевое анкетирование — таков метод работы В. Ф. Шишмарева. Анкетирование производилось среди переселенцев, проживавших на Юге СССР. Работа содержит наблюдения и выводы, представляющие большой интерес для методики изучения «языковых островов», находящихся в иноязычном окружении и в контакте с другими, смежными с ними диалектами. Таковым — как пишет В. Ф. Шишмарев — и являлся керченский транезский диалект, развивавшийся в отрыве от своей исторической родины, в условиях контакта с русским языком и испытывавший влияние соседнего, близкого к нему говора — бишельезского⁵.

Цель данной статьи — охарактеризовать транезский диалект в его керченском варианте и подробно проанализировать влияние каждого из вышеперечисленных факторов на его системные характеристики.

Особую значимость исследованиям В. Ф. Шишмарева придает тот факт, что говоры Бишелье и Трани не были представлены в известном Лингво-этнографическом атласе К. Яберга и Я. Юда⁶. Что касается материала для исследования, он был собран методом полевого анкетирования на местах проживания итальянских колонистов, путем проведения бесед и опросов носителей диалекта⁷. Транезийский говор Шишмарев изучал в Керчи. В одном из документов он поясняет, что сбор материала происходил в 1928 г. Речь идет об одной семье, «состоящей из отца, крестьянина лет семидесяти, который родился в Трани, переселился в Керчь мальчиком 12–13 лет и затем возвращался на родину лишь однажды, для отбывания воинской повинности; из матери — женщины лет пятидесяти, родившейся в Керчи, и трех детей в возрасте от 22 до 30 лет, для которых русский язык стал вторым родным языком. Старики тоже говорят по-русски, причем жена лучше своего мужа. Женщина эта почти неграмотна. Дети ее не умеют читать и писать по-итальянски, но вполне правильно пишут и читают по-русски. Отец говорит немного на итальянском литературном языке; мать же и дети знают

⁵ Там же, с. 19.

⁶ Примечания..., 1965, с. 150.

⁷ Материалы хранятся в архиве.

только свой родной диалект». Свои наблюдения над их языком, — продолжает Шишмарев, — я имел возможность проверить затем и на других транезийских семьях в Керчи (18-19⁸).

Для сравнения и уточнения языковых фактов ученым также использовались такие источники, как книга Дж. Папанти (Giovanni Papanti. *I parlari italiani in Certaldo alla festa del V Centenario di Messer Giovanni Boccaccio*, Livorno 1875); данные близких к Трани и Бишелье пунктов Атласа К. Яберга и Я. Юда⁹, а также собрание текстов К. Баттисти (Carlo Battisti. *Testi dialettali italiani*. Halle a. S. 1921 = Beiheft (no 56) k "Zeitschrift für rom. Philologie")¹⁰. Вышеописанное исследование одного из маргинальных романских ареалов привело Шишмарева к выводу о том, что соотношение литературного языка и диалекта в колониях отражает это состояние и на континенте, откуда вышла колония¹¹.

Третья часть рукописи посвящена итальянским колонистам из Бишелье и Трани. Исследование о языковых особенностях колонистов уже было частично опубликовано Шишмаревым под названием «Один из южноитальянских говоров в Крыму»¹². В автобиографии же занятия говором Бишелье датируются более ранним 1934 г. В фонде Шишмарева можно также ознакомиться с началом опубликованной статьи под другим заголовком — «Диалект Трани в Керчи», и в этом варианте содержатся более подробные сведения об истории Трани. В этом же фонде хранятся и иные варианты частей опубликованной статьи «Один из южноитальянских говоров в Крыму», и некоторые из них содержат теоретические выводы, представляющие большой интерес для проблемы смешения языков.

Конец раздела «Итальянцы» посвящен рассмотрению поселений на Кавказе, одно из которых было основано швейцарцами из кантона Тичино. Помимо городских групп, Шишмарев упоминает о двух земледельческих колониях. Так, Верблюдогорская

⁸ *Шишмарев*, 1929–1940, с. 1 18-19..

⁹ *Jaberg K., Jud J.* Sprach- und Sachatlas Italiens, 1928-1940.

¹⁰ *Шишмарев*, 1940, с. 316.

¹¹ Там же, с. 19.

¹² Там же.

колония (первоначально называвшаяся Итальянской¹³) находилась в 12 км от Эссентуков. Она была основана в 1896 г. Согласно Шишмареву, в 1920-х гг. наиболее пожилые люди говорили только на итальянском. К сожалению, автор не сообщает никаких дополнительных языковых сведений¹⁴.

В начале статьи приводятся краткие — по сравнению с соответствующими разделами монографии «Романские поселения» — сведения исторического характера о появлении в районе Керчи итальянцев, описывается их род занятий: в основном мореплавание и земледелие.

Наиболее подробно описываются две земледельческие колонии, возникшие рядом с Керчью. Речь идет о переселенцах из Южной Италии, из Трани и из Бишелье, говор которых относится к северно-апулийской группе.

«Романские поселения» — исследование, которое свидетельствует об интересах Шишмарева к проблеме контактов между разными народами, которые проявляются в языке, литературе и фольклоре. Ученого, в частности, интересовали и заимствования из итальянского языка в русском.

«Транезская группа представляет собой небольшой островок, находящийся в иноязычном окружении, с одной стороны, а с другой — соприкасающийся с близким ему родственным говором. Отсюда ряд изменений, которым подвергается речь транезцев под влиянием соседей-итальянцев, и образование внутри ее нескольких типов, отвечающих различным степеням близости говорящих к языку русскому, являющемуся в керченской многоязычной среде, естественно, основным орудием общения между составляющими ее элементами»¹⁵.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию системы керченского транезского говора, В. Ф. Шишмарев делает важные наблюдения социолингвистического порядка. Ученый выделяет несколько типов транезской речи в зависимости от степени близости говорящих к русскому языку, которых он подразделяет на три группы:

¹³ См. опубликованную в данном сборнике статью М. А. Нечаевой.

¹⁴ Шишмарев, 1975, с. 169.

¹⁵ Рукописное наследие..., 1965, с. 316.

I. Старшее поколение говорит свободно на родном диалекте, частично владеет общепальенским и плохо русским языком. II. Среднее поколение (основная масса) лучше говорит по-русски и хорошо владеет родным говором. III. Младшее поколение хорошо говорит по-русски и плохо — на родном диалекте. Читают среднее и младшее поколения в основном только по-русски.

«Таким образом, — заключает В. Ф. Шишмарев, — на протяжении трех поколений перед нами разворачивается, в условиях двуязычия, картина почти полной постепенной утраты знакомства с родным языком»¹⁶.

Особенностью метода исследования В. Ф. Шишмарева является учет указанных трех групп носителей диалекта при описании керченского транезского и изменений, произошедших в его системе, под влиянием русского языка и бишельезского диалекта.

Основную часть работы составляет анализ системы диалекта: фонетической, морфологии и синтаксиса, лексической. Наиболее подробно (40 из 51 страницы теста) изучены фонетические процессы, произошедшие на пути развития от латыни к диалекту. Отдельно рассматриваются: Гласные под ударением; Дифтонги; Гласные вне слога, несущего главное ударение; Согласные длительные; Согласные взрывные. В конце фонетического раздела даются сведения о некоторых общих фонетических явлениях.

Изложение результатов развития латинских звуков в транезском диалекте сопровождается обширным историческим и библиографическим комментарием. Проводится сравнение с другими диалектами Южной Италии, выявляются случаи сходства с соседними на родине диалектами г. Мольфетты и Бетонто, факты италянизации диалекта, а также влияние керченского бишельезского.

В конце описания каждого фонетического явления В. Ф. Шишмарев отмечает различия в речи трех выделенных им групп говорящих на диалекте. Во всех случаях III группа обнаруживает признаки отклонения от общего направления фонетических процессов в сторону сближения с русским языком.

¹⁶ Там же.

Явления морфологии и синтаксиса рассматриваются в статье совместно, поскольку, как пишет В. Ф. Шишмарев, они часто неотделимы друг от друга¹⁷. Среди многих явлений, составляющих специфику системы транезского говора, отмечается, в частности, необычайно широкое использование принципа описания в глагольных формах, выражающих разнообразные оттенки времени и вида. *Stare* + инфинит. выражает действие, производимое в настоящее время, в отличие от действия, которым заняты вообще; *essere* передает состояние постоянное, *stare* — состояние длительное; *habere* и *tenere* выражают разные оттенки обладания¹⁸.

Еще одна яркая особенность диалекта — почти полное отсутствие перфекта, вместо которого используются описательные формы типа *ho visto*, что В. Ф. Шишмарев склонен объяснять также и влиянием русского языка¹⁹.

В разделе «Лексические заметки» приводятся многочисленные заимствования в керченский транезский, носители которого оказались в Крыму в совершенно новых экономических, социальных и политических условиях. «Разнообразные отношения, сложившиеся между итальянскими поселенцами и их русскими соседями, постепенно сближая их, превратились в тесный контакт, который оставил след в словаре иммигрантов»²⁰.

В. Ф. Шишмарев выделяет два лексических слоя заимствований — старый и новый. К старому фонду относятся такие слова, как *rub* (рубль), *žit* (рожь), *bavoskə* (повозка), *mbarné* / *mbrané* (от русского «боронить» с приставкой *in-*, *im-*), *vodkə* (водка), *dvazər* (двор), *badzar* (базар), *ukrop* (укроп), *kabak* (тип тыквы), *gadget* (газета), *bətró* (ведро), *graby* или *yraby* (грабли), *saraggə* (сарай), *kuckə də fiənə* (стог сена), *stala/ärə* (столяр), *sussedkə* (соседка), *trubà/ä* (дымоход, труба), *škatulkə* (шкатулка), *kalba/kalbäsə* (колбаса)²¹.

¹⁷ Там же, с. 357.

¹⁸ Там же, стр. 362.

¹⁹ Вариант конца статьи «Один из южноитальянских говоров в Крыму», стр. 152.

²⁰ Там же, стр. 364.

²¹ Там же.

Второй лексический слой, более обширный, включает в себя термины, вошедшие в словарь транезцев после Октябрьской революции — советизмы: *selsovet* (сельсовет), *sovkoz* (совхоз), *kompartiy* (компартия), *narsut* (нарсуд), *profsoyuz* (профсоюз), *vidviženets* (выдвиженец), *udarnik* (ударник и стахановец), *trattorist* (тракторист), *kooperativā* (кооператив), *kulak* (кулак), *kurkul* (украинское куркуль) и многие другие.

Выявленные заимствования подвергаются семантической классификации. Первая категория слов — это слова типа *bavozkə*, иностранные слова, проникающие в словарь в силу необходимости, т. е. не имеют в диалекте соответствующего синонима. Такой вид четырехколесной коляски в Трани не имел эквивалента. Подобный вид заимствований обогащает язык и диалект.

К этой же категории относятся и все неологизмы советского времени — советизмы. Многие из них транезцы предпочитают употреблять в русской форме, хотя перевод на итальянский язык возможен: *sovkoz*, *kolkhoz* (*economia collettiva*), *kompartiy* (*partito comunista*) и т. д.

Вторая категория слов — это тип *trubà/ä*, *sussiedkə*, т. е. термины, которые имеют соответствия в диалекте и в общепитальянском языке. Такие заимствования В. Ф. Шишмарев называет вслед за Е. Траппоет *Luxuslehnwörter*, или *Bequemlichkeitslehnwörter*, как их определяет К. Jaberg. Подобные русские лексические элементы сами по себе не являются необходимыми, но, будучи широко распространены, запоминаются и ассимилируются диалектом. Следствие этого — появление большого количества дублетов, постепенно вытесняющих собственно диалектные термины²².

В статье не содержится сведений о влиянии на транезский лексический фонд говора соседей — бишельезцев, более многочисленных и лучше сохранивших родной язык. Это объясняется, по-видимому, тем, что, как пишет В. Ф. Шишмарев в начале своего исследования, «влияние это было невелико, так как, как это ни странно, обе группы держались, несмотря на общее дело, довольно обособленно»²³.

В конце рассматриваемой нами статьи «Один из южноитальянских говоров в Крыму» отсутствует часть, обобщающая результаты

²² Там же, с. 366.

²³ Там же, с. 315.

проделанной работы. Однако итоги проведенного исследования и выводы теоретического характера содержатся в одном из вариантов конца данной статьи, опубликованном в специальном выпуске Архива Академии наук в Санкт-Петербурге.

По мнению А. А. Касаткина — автора примечания — этот отрывок может рассматриваться как заключение к большому исследованию В. Ф. Шишмарева²⁴.

Приведем данное заключение полностью:

«В условиях иноязычного окружения, а затем и двуязычия, контакт между своим и чужим сказывается скорее всего в лексиконе. Словарь раньше всего начинает прорастать неологизмами первого из двух отмеченных выше типов, ибо вторжению их нельзя сопротивляться. Проникновение заимствований второго типа указывает уже на длительное общение с чужой средой и является указанием на рост двуязычия. Упорнее всего борьба идет в области синтаксиса. Руссизмы можно наблюдать как в I, так и во II группе говорящих, а тем более в III. Но русский язык последней группы, двуязычной с преобладанием русского, все же еще далеко не свободен от итальянизмов. Влияние русского окружения чувствуется в самых различных сторонах строя языка транезцев. Достаточно сослаться, например, на порядок слов, на частую постановку прилагательного-определения перед существительным там, где мы ожидали бы обратного. В употреблении определенного и неопределенного члена также немало отступлений от итальянского порядка. Возможно также, что и перфект, уже ранее мало распространенный в диалекте, совершенно вышел из употребления под влиянием русского языка, имеющего только одну форму для выражения прошедшего времени.

Большую устойчивость проявляет и фонетика; большую, но неравномерную. Наиболее прочным элементом оказываются согласные. В этом нетрудно убедиться, если сличить консонантизм всех трех наших групп. Наиболее сложную сторону фонетики представляет собой вокализм. В области гласных следует различать два слоя: старый и новый, судьба которых неодинакова. Смотря по тому, к какому из этих двух слоев данный гласный принадлежит, он является более или менее резистентным. Так, например, древним следует

²⁴ Вариант конца статьи..., 1965, с. 153.

несомненно считать различие гласных в зависимости от принадлежности их к открытому или закрытому слогу от апофонии [так!]; новым (конечно, относительно) — образование некоторых сложных дифтонгов, вроде iw, uə. По-видимому, черты более нового происхождения стираются легче, чем более древние, и в этом отношении наблюдения над произношением III группы представляют большой интерес. Но, конечно, выводы, как будто подсказываемые ими, нуждаются в проверке на более обширном материале и в сравнительном плане. Если наши догадки подтвердятся, то изучение “языковых островов” может оказать огромную поддержку для хронологических разысканий в области фонетики. Мы получим тогда новый критерий, который позволит нам разрешить ряд трудностей и устранил не одно сомнение»²⁵.

«Данные выводы, к которым нас привел изученный материал, положат начало специальному исследованию проблемы “языковых островов”»²⁶.

Проведенный В. Ф. Шишмаревым анализ собранных им уникальных языковых фактов и сделанные на этой основе выводы являются важным вкладом в колониальную (термин В. М. Жирмунского) диалектологию и методику изучения островных ареалов, широко представленных, в частности, в Северном Причерноморье и в Крыму. В перспективе открывается возможность провести сравнительно-сопоставительные исследования в плане изучения языковых ситуаций в местах романских поселений на Юге России и, прежде всего, в местах поселений колонистов из различных частей Швейцарии.

Источники и литература

- Battisti C.* Testi dialettali italiani. Halle a. S. = Beiheft (no 56) k “Zeitschrift für rom. Philologie”, 1921.
- Jaberg K., Jud J.* Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Bd. I–VIII. Zofingen, 1928–1940.

²⁵ Описание, № 88, л. 29–30

²⁶ *Шишмарев*, 1929–1940, с. 2.

- Вариант конца статьи «Один из южноитальянских говоров в Крыму», Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации. Приложения. Тексты и примечания к ним / сост. М. А. Бородина и Б. А. Малькевич; отв. ред. Б. В. Левшин. М.; Л.: Наука, 1965.
- Примечания к разделу «Материалы о южноитальянских говорах в Крыму (диалект Бишелье)», составленному и подготовленному к печати А. А. Касаткиным и М. П. Акимовой, 1965. Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации. С. 150–152.
- Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. Описание и публикации / сост. М. А. Бородина и Б. А. Малькевич; отв. ред. Б. В. Левшин. М.; Л.: Наука, 1965.
- Шишмарев В. Ф.* Один из южноитальянских говоров в Крыму // Ученые записки Ленингр. гос. унив. Серия филологических наук. 1941. Вып. 5 (58). С. 315–366.
- Шишмарев В. Ф.* Романские поселения на Юге России: Научное наследие / изд-е подгот. М. А. Бородина, Б. А. Малькевич, Н. Л. Сухачев; отв. редакторы акад. В. М. Жирмунский, Б. В. Левшин. Л.: Наука, 1975. (Труды Архива Академии Наук СССР, Вып. 26).
- Шишмарев В. Ф.* Диалект Трани в Керчи // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, машинопись. Ф. 896. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–2. 1934.
- Шишмарев В. Ф.* Il dialetto tranese a Kerc, машинопись, варианты частей Appunti morfologici, Appunti lessicali, Appunti generali, Vocali toniche, Vocali atone // Ф. 896. Оп. 1. Д. 338. Л. 1–484. 1929–1940.

Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабаг в 1822 г.

19 июля 1822 г. три подводы, запряженные лошадьми, выехали из Ве́ве в Бессарабию, туда, где затем будет создана швейцарская колония виноделов. Через день из Лозанны отправилась четвертая подвода, которая везла организатора этой группы Луи-Венсена Тардана [Louis-Vincent Tardent] (1787–1836), жителя Ве́ве, и Франсуа-Давида Нуара [François-David Noir] (1806–1877) из Лозанны, молодого человека, учившегося на коммерсанта. Все четыре подводы соединились в Аванше [Avenches], чтобы 22 июля образовать единый обоз, который должен был везти 27 человек, в число которых входило тринадцать детей (семь из семьи Тардана-Гранжана и шесть из семьи Шевалле-Лежере). В число взрослых помимо родителей этих детей и дедушки Гранжана входило еще восемь человек: пять человек прислуги семьи Тардана-Гранжана, два попутчика, которые хотели добраться до Одессы, и шестой — слуга, который шел пешком в ритме движения обоза. Все они ехали в надежде основать винодельческую колонию в Новороссии. 31 октября, через сто дней, они добрались до Аккермана — города на берегу Днестровского лимана в Бессарабии, этой «новой земли обетованной»¹, проделав путь примерно в 2500 км по ухабистым дорогам Европы. Каковы же были мотивы, который заставили эти семьи, этих людей, живших в коммуне Ве́ве и ее окрестностях (Ля-Тур-де-Пэ, Шебр, Пиду и Рива) [La Tour-de-Peilz, Chexbres, Puidoux, Rivaz], сделать такой выбор? Что руководило Франсуа-Давидом Нуаром, этим шестнадцатилетним юношей, который впервые уехал из Лозанны и которому мы обязаны рассказом о ежедневном быте этой экспедиции?

¹ *Noir*, 2016, p. 133.

Как и в наши дни, в начале XIX в. оставить свою семью и свое привычное окружение было не так-то просто. Такое решение можно объяснить различными причинами как личного, семейного, так и общего характера. Мы предлагаем рассмотреть факторы, которые побудили колонистов из кантона Во покинуть свою родину. Каковы же были социополитические причины, которые благоприятствовали этой инициативе? Какова была семейная ситуация Луи-Венсена Тардана, которая подвигла его стать инициатором и, более того, душой этого проекта? В настоящее время у нас уже имеется несколько рассказов об этом путешествии, колонизации и истории колонии в XIX и в XX вв.² Поэтому могут быть лучше поняты и эмблематичный организатор этой колонии, и его семейные связи, и группа первых эмигрантов. Именно поэтому, после выяснения политических и социальных причин, которые благоприятствовали действиям, направленным на создание воздузской колонии, будут рассмотрены такие вопросы, как семейное окружение Луи-Венсена Тардана, его образование, некоторые аспекты его личности, его инициатива по созданию колонии и эмиграции из Веве в Шабэг. Анализ этих вопросов будет основываться на том, как это представлено в «Путевом дневнике» Франсуа-Давида Нуара.

Политика заселения южных земель России

Невозможно понять эмиграцию из кантона Во в Бессарабию, не учитывая связи между колонизацией территории, расположенной между реками Днестр и Прут, и развитием соседнего портового города Одессы. Этот город стал рынком сбыта для продукции из Бессарабии и форпостом для политики колонизации Юга России.

Напомним, что в XIX в. эмиграция из кантона Во и в целом из Романдии (так называются все франкоязычные кантоны Швейцарии. — *Прим. пер.*) шла постоянно. В самом начале XIX в., в 1801 г., в штате Индиана была основана колония виноделов из кантона Во под названием Нью-Веве [New Vevey]. В 1803 г. в штате Нью-Йорк по инициативе эмигрантов из Во, Женевы и Юры появилась

² *Gander, 1908a; Grivat, 1993; Hilberer, 1912; Gander-Wolf, 1974.*

колония Нью-Женева [New Geneva]. Эмиграция продолжалась и во второе десятилетие XIX в., так как оно было особенно трудным для населения кантона Во, как и для всей Швейцарии. В 1816 и 1817 гг. вследствие летних ливневых дождей, которые помешали созреванию урожая, появились нищета и даже голод. Цены на злаковые постоянно поднимались, началась нехватка хлеба. Это вынудило правительство кантона Во к массовой закупке зерна в Крыму. Даже при условии, что на следующий за этим год ситуация улучшилась, тревожные настроения оставались в силе. Кроме того, продолжало увеличиваться население, и это все могло подвигнуть некоторых людей к эмиграции. Например, именно в 1819 г. жители Фрибурга, а за ними и другие конфедераты отправились в Бразилию, чтобы основать там колонию Ново Фрибурго [Nova Friburgo].

В этой ситуации постоянного опасения еще один регион мира привлекал внимание потенциальных эмигрантов: это был Юг Российской империи, где активная политика заселения ставила целью европеизацию земель, долгое время находившихся в руках Оттоманской империи и оставшихся малонаселенными. Императрица Екатерина II (1729–1796) после победной войны против турок (1768–1774) усилила русское влияние в Крыму и в дельте Днестра. Новая война с Турцией 1787–1792 гг. и победа России позволила императрице присоединить Крым, основать Херсон и Николаев и взять под контроль все побережье Черного моря между Бугом и Днестром. В 1794 г. на том месте, где ранее находилась оттоманская крепость, была основана Одесса. Она стала столицей провинции Новороссия. Как пишет об этом исследовательница Стелла Герва [Stella Ghervas]: «...первоначальный проект Екатерины II предусматривал сделать из Одессы один из этапов на пути в Константинополь, который, в свою очередь, должен был стать столицей нового русского и православного пространства, задуманного как наследие Византии. Если Севастополь, основанный в 1783 г., должен был служить для создания военно-морского флота, то Одесса должна была стать коммерческим портом на Черном море, открытым в сторону проливов и Средиземноморья, т. е. служившим для новых коммерческих путей на Запад»³.

³ *Ghervas*, 2008, p. 109.

Последователь политики Екатерины II — царь Александр I (1777–1825) для развития коммерции в Одессе, объявленной в 1817 г. свободным городом и зоной порто-франко, дал иммигрантам больше привилегий. В результате этой политики тысячи людей приехали туда на поселение. Город стал быстро развиваться. Большую роль в этом играло развитие порта, через который шел вывоз зерна и шерсти, производимых на близлежащих территориях. Население Одессы тоже росло очень быстро. С 2000 жителей в 1802 г. оно выросло до 4000 человек в 1804 г. и до 35 000 жителей в 1813 г. Поэтому Франция, Австрия, Испания и Неаполитанское королевство поспешили открыть там свои консульства. Швейцария не отстала от них и тоже начиная с 1820 г. имела почетных консула Луи Жаке [Louis Jaquet] и вице-консула Анри Ришара [Henri Richard]⁴. Космополитизм этого города был отмечен в мае 1810 г. в письме герцога Ришелье (1766–1822), правителя города и Новороссии с 1803 по 1814 г., к женевицу Шарлю Пикте де Рошмон [Charles Pictet de Rochemont] (1755–1824): «Представьте себе смесь русских, великороссов и малороссов, поляков, греков, валахов, молдаван, болгар, немцев, сербов, татар из разных племен — вот население этой территории, это разнообразие еще не так удивительно, как в самой Одессе и в ее окрестностях»⁵.

Итак, Одесса была молодым городом, населенным иммигрантами и застроенным по четким кварталам архитекторами-новаторами. Она была более похожа на «города-грибы американского Запада, чем на европейский город, имеющий многовековую историю»⁶. Это был также город-магнит, который притягивал людей с духом первооткрывателей. Обосновалась там и небольшая коммуна швейцарцев, которая была тесно связана с другими предприимчивыми людьми, приехавшими из Европы и даже с Востока. В 1817 г. в этой коммуне насчитывалось 42 швейцарских дома⁷.

⁴ Швейцарские дипломатические документы: URL <http://db.dodis.ch/organisation/12046> (Дата обращения: 05.12.2018).

⁵ «Письмо Ришелье Шарлю Пикте, Одесса, 5 мая 1810 года» в материалах Des Bergeries familiales d'Odessa à la légation royale de Bavière à Paris: Charles René Pictet de Rochemont (1787–1856), p. 61. *Polevchtchikova, Triaire*, 2014.

⁶ *Gervas*, 2008, p. 113.

⁷ *Gazette de Lausanne*, 22.07.1817, p. 3.

В начале 20-х гг. экономическое развитие Новороссии стало объектом разговоров в деловой среде Лозанны. Молодой человек Франсуа-Давид Нуар, будучи с 1820 по 1822 г. в обучении у делового посредника Луи Леблан-Голэ [Louis Leblanc-Golay] (?–1859), контора которого находилось на площади Палю [place de la Palud], внимательно слушал все эти разговоры о том, как быстро обогатились некоторые швейцарцы, особенно братья Цезарь и Жак Данц [Cesar et Jacques Dantz] из Лозанны⁸, которые стали купцами первой гильдии в Одессе и банкирами в Константинополе. Одесса не замедлила стать «предметом семейных переговоров» и мечты о будущем для молодого человека, стремящегося вырваться из своей среды и подняться по социальной лестнице. Как он пишет в своих «Воспоминаниях»: «...легкость, с которой, как я видел, можно было вести большие и удачные дела, вызвала в мне желание отправиться в эти края»⁹.

Братья Данц были не единственными лозаннцами, которые интересовались новыми перспективами. Владелец книжного магазина Альфонс Колен и его брат Марк [Alphonse et Mark Collin] открыли в 1819 г. в одесском порту первый книжный магазин, а несколько преподавателей из кантона Во нашли работу в первых одесских колледжах. Кроме того, с самого начала века богатые женевцы занимались увеличением своих капиталов за счет инвестиций с высокой степенью рентабельности, особенно активно финансируя разведение баранов-мериносов в Бессарабии. В эти годы заката наполеоновской империи, в разгар войны, высококачественная шерсть мериносов могла быть использована для производства сукна и ткани для солдатской формы в европейских армиях.

Параллельно с этими коммерческими начинаниями и с освоением земель Александр I проводил политику заселения, которая состояла в том, что земли под паром на тех территориях, которые были недавно завоеваны, передавались для обработки новым лицам. Это привлекало начиная с 1803 г. обедневших немцев, приезжавших

⁸ Бывшие студенты Лозаннской академии, сыновья Николая Данца [Nicolas Dantz], уроженца кантона Граубюнден и владельца кафе, которое вплоть до 1807 г. находилось в нижнем конце улицы Бург. В 1822 г. они подарили Музею археологии и истории Лозанны две египетские мумии.

⁹ *Noir*, 2016, p. 54.

в основном из Эльзаса, из Баден-Вюртемберга и из Палатината. За ними последовали и другие, так что в 1809 г. несколько сотен крестьян, бежавших от нищеты, уже обосновались в пятнадцати деревнях с немецкими названиями, разбросанных между Одессой и Днестром к югу от города.

Таким образом, эмиграция из кантона Во, организованная Луи-Венсеном Тарданом, отвечала политике русского царя по заселению и развитию новых территорий. Она привлекла в начале XIX в. многих выходцев из Романдии в Одессу и в Бессарабию. Другим ключевым элементом тяги людей к переселению явилась сама личность организатора колонии Шабаг.

В семье образованных и предприимчивых людей

Чтобы понять личность Луи-Венсена Тардана, надо обратиться к его семейному окружению, которое было описано в 1887 г. Анри-Алексисом Тарданом [Henri Alexis Tardent] (1853–1929) в письме к его дальнему кузену в Париже¹⁰. Будучи сыном Жака Давида Тардана-Шери [Jacques David Tardent-Chérix] (1757–1828) и Мариан Шери [Marianne Chérix] (1757–1800), Луи-Венсен находился больше под влиянием своего деда, Давида Иосиаса Тардана-Мартена [David Josias Tardent-Martin] (1737–1819), чем своего отца. Его дед, родившийся в Сепе [Sépey] в приходе Нижнего Ормона [Ormont-Dessous], в 1756 г. женился на Эстер Мартен [Esther Martin] (1732–1799) родом из того же прихода. В 1760 г. он открыл школу в своей родной деревушке, где он использовал новые методы преподавания, что обеспокоило власти, которые считали его излишне новатором. Это, без сомнения, явилось причиной, по которой он уехал, чтобы занять пост учителя младших классов в школе в деревне Шерне [Chernex] в приходе Монтрё. Но и там он очень быстро привлек

¹⁰ «История семьи Тардан», написанная Анри-Алексисом Тарданом в Николаеве около Одессы, с 21 февраля по 11 марта 1887 года в форме письма к своему дальнему кузену Луи Тардану на ул. Рима в Париже. См.: <http://www-tardent-history.info/tracking.htm>; см. также: Tardent, 1982 и Генеалогический список Тарданов в <http://www.tardent-history.info/Tardent%20Genealogy%20Original.pdf> (Дата обращения: 10.02.2018).

к себе внимание. Наделенный великолепной памятью, он проявлял любознательность и имел хорошие знания в математике и в естественных науках, особенно в ботанике. Прочитав Руссо, роман которого «Эмиль, или О воспитании» только что был опубликован в 1762 г., он заинтересовался активной педагогикой, отказавшись от преподавательской рутины своей эпохи. Его быстро заметили, и это привело к тому, что ему предложили в 1771 г. стать главным учителем в колледже в Веве — городе, в котором хотели провести реформу школьного обучения. Давид Иосиас Тардан-Мартиен, пользуясь авторитетом и уважением, применял свой талант педагога в течение 44 лет, вплоть до 1815 г. Результаты его педагогической практики нашли свое отражение в книге «Краткая история Гельветии или Швейцарии» (Лозанна: Игну), которую он опубликовал в 1809 г. Перед этим он внес вклад в распространение книги «Общие принципы для всех лиц, которые изучают орфографию, не зная латыни», написанной женевцем Жаном Исааком Дюраном [Jean Isaac Durand] и опубликованной впервые в Женеве в 1755 г. Эта книга имела большой успех, так что в 1814 г. в Лозанне у типографа Игну появилось ее шестое издание.

Старший сын Давида Иосиаса, Жак Давид Тардан [Jacques David Tardent] (1757–1828), отец Луи-Венсена, в 1779 г. женился на Мариан Шери [Marianne Chérix] (1757–1800) из Бе [Vex] и был по профессии сапожником¹¹ в Веве. Он быстро превратился в алкоголика, и его грубый язык отражал его пристрастия, как свидетельствует об этом Франсуа-Давид Нуар, который имел случай встретиться с ним в Лозанне в момент отъезда группы в Шабаг. Франсуа-Давид подчеркнул это в своем дневнике: «Отец Тардана отдавал мне приказы в такой вульгарной и грубой манере, что я вынужден был поставить его на место»¹².

Имея высокий рост, Жак Давид Тардан был тамбурмажором в вевейской милиции. Будучи старшим из тринадцати детей, половина из которых умерли на первом году своей жизни, он имел в живых только одного брата и двух сестер в момент смерти своего отца в 1820 г. В своем завещании от 22 июля 1819 г. последний,

¹¹ Gazette de Lausanne, 20.09.1825, p. 2.

¹² Noir, 2016, p. 60.

учитывая пристрастие своего сына, принял все необходимые меры. Он оставил детям капитал в 26 000 франков того времени, но добавил одно условие по отношению к старшему, «принимая во внимание возможность, что тот не сможет управлять своей частью»¹³. Он попросил судью не давать тому ничего, кроме процентов с унаследованной суммы, боясь, что тот ее быстро растратит. Итак, начиная с 1825 г. мировой суд округа Веве определил Жаку Давиду опекуна Даниеля Монне [Daniel Monnet], «без помощи которого господин Тардан не может действовать в случаях, упомянутых в статье 229 Гражданского кодекса»¹⁴, а это значит «подавать жалобы, заключать сделки, занимать деньги, получать оборотный капитал, давать расписки, отчуждать свое имущество или отягощать его ипотекой». Это не помешало Жаку Давиду Тардану умереть в нищете около 1828 г.

Полной противоположностью отцу-алкоголику были дяди и тети Луи-Венсена Тардана, интересующиеся искусством и наукой и относящиеся к культурному обществу Веве. Несомненно, новаторские принципы образования Давида Иосиаса Тардана оказали хорошее влияние на его дочерей и сыновей. Таким образом, из шести дядей и тетя Луи-Венсена, достигших взрослого возраста, Сюзанна Мари [Suzanne Marie] (1759–1815) покинула Веве в возрасте 21 года, чтобы стать воспитательницей юных принцесс из семьи герцога Анхальт-Дессау в Дессау в Верхнем Саксе, где она работала вплоть до 1808 г., а затем окончила свои дни в Веве. Луиза (1775–1853) пошла по стопам старшей сестры и тоже стала воспитательницей в Дессау в семье военного писателя Георга Генриха фон Беренхорст фон Бюлоу [Georg Heinrich Berenhorst von Bülow] (1733–1814), а затем в семье герцога, где и закончила свою жизнь. Третья сестра – Жанн Эстэр [Jeanne Esther] (1768–1842) вышла замуж в 1791 г. за Жака Бювело [Jacques Buvelot] (1770–1842) из Ниона, ставшего в 1820 г. биржевым агентом и куртье в Веве.

Из трех братьев Жака Давида первый брат, Жан Давид [Jean David] (1769–1793), умерший в возрасте 24 лет, был лейтенантом в полку Веве и преподавателем каллиграфии в коллеже города.

¹³ Gazette de Lausanne, 27.09.1825, p. 6

¹⁴ Ibid., p. 6.

Второй брат Шарль [Charles] (1779–1825) был по профессии бухгалтером в Берлине, но переехал в конце своей жизни в Веве. Наконец, третий брат — Луи Марк Самюэль [Louis Marc Samuel] [(1772–1801) — умер в возрасте 29 лет. Но он успел за свою короткую жизнь организовать немецкую церковь в Веве, стать директором хора и чтецом во французской церкви во Франкфурте, а затем пастором прихода Ярльдорф в Дармштате.

Итак, это была семья предприимчивых людей, хорошо образованных и интересующихся искусством, в которой родился и рос в Веве тот, что впоследствии стал основателем водуазской колонии Шабаг. Будучи культурными и хорошо образованными людьми, его дяди и тети без колебаний покидали свою страну. Особенно их привлекали страны с немецким языком, где они занимались такими профессиями, как преподавание, бухгалтерия или пасторство. При этом они сохраняли свои вевейские связи между многочисленными родственниками.

Луи-Венсен жил в Веве до тридцатипятилетнего возраста. Алкоголизм отца и тот факт, что Луи-Венсен остался единственным из своих братьев, кто выжил, объясняет и то, почему его образованием занялся его дед. Последний нашел в нем «не только наследника, но и того, кто способен хорошо продолжить его дело, так как внук обладал похожим характером, был такого же маленького роста и так же элегантно одевался, имел выразительные глаза и моральные и интеллектуальные достоинства»¹⁵.

Он также унаследовал от своего деда любознательность. Интересуясь новыми течениями в педагогике, дед отправил его учиться в Институт для юношей, который открыл в Ивердоне в 1804 г. Иохан Генрих Песталоцци [Johann Heinrich Pestalozzi] (1764–1827). Луи-Венсен завоевал уважение Песталоцци, с которым переписывался вплоть до смерти великого педагога. Благодаря помощи своего деда, Луи-Венсен в 1805 г. тоже стал учителем начальной школы в коллеже в Веве, где он получил пост преподавателя естествознания и каллиграфии, который занимал до 1813 г. Как и его

¹⁵ Tardent, Henri Alexis, 1982, p. 121. URL:<http://www-tardent-history.info/tracking.htm> (Дата обращения: 09.02.2019).

дед, который, возможно, и приобщил его к этому, он интересовался ботаникой и в 1819 г. стал членом Водуазского общества естествознания. Любя музыку и пение, он также участвовал в организации Музыкального общества Ве́ве. А в мае 1807 г. он открыл свой Институт для юношей¹⁶, которым он руководил, используя методы преподавания Института в Ивердоне. Как было указано в проспекте Института, созданного Тарданом, в программу включались «уроки, построенные и по традиционной методике, и по методике знаменитого Песталоцци».

В 1806 г. Луи-Венсен женился в Ве́ве на Сюзанне Генриетте Урании Гранжан [Suzanne Henriette Uranie Grandjean] (1789–1852), отец которой Шарль Огюст [Charles August] был «фабрикантом» часов, жившим в Ве́ве. Отец Урании женился на англичанке, которая была учительницей в школе и с которой он в конце концов разошелся. Уранию он отправил в школу в Базеле, где она получила хорошее образование и выучила несколько языков. В семье Луи-Венсена Тардана и Урании было десять детей, восемь из которых родились в Ве́ве. Вполне возможно, что и этот фактор большой семьи толкнул его к эмиграции в поисках лучших заработков. Возможно также, что алкоголизм отца и смерть деда (1820) тоже подтолкнули его на поиски новых горизонтов. Надо добавить к этому и деловую жилку Тардана, которая привела его к тому, что он стал руководителем проекта колонии.

Человек инициативы

Активная политика заселения южных земель вызывала интерес воспитателя Александра I водуазца Фредерика-Цезаря де Лагарпа (1754–1838)¹⁷. Вернувшись на родину в 1815 г., он стал членом Швейцарского общества естественных наук, которое было основано

¹⁶ Gazette de Lausanne, 25.05.1807, p. 12.

¹⁷ Согласно письму от 4 января 1803 г., примечание 4: «возможно, что найдутся в Швейцарии земледельцы, желающие эмигрировать, и не предпочтет ли кто-нибудь из них Ваши южные земли американским, если издадите Вы указ, обеспечивающий им свободу и беспрепятственное пользование их наделами», *La Harpe*, 1979, p.18.

в том же году, и его водуазской секции, организованной в 1819 г. Там он познакомился с ветеринаром Луи де Сало [Louis de Saloz] (1774–1851), уроженцем Мудона [Moudon]¹⁸, который уже побывал в Одессе. Там же он встретился и с Луи-Венсеном Тарданом, который только что вступил в это общество. Именно в этом научном обществе Тардан получил первую информацию о политике русской колонизации Бессарабии. По воспоминаниям Лагарпа, Сало «рассказал, что в Бессарабии существуют царские виноградники, которые сильно запущены, и виноделы нашего края интересуются, насколько русское правительство расположено вести переговоры с ними об обработке этих виноградников»¹⁹.

Действительно, в конце 1819 г. Тардан, который представлялся как «земледелец-ботаник», взял на себя эту инициативу²⁰. Будучи человеком образованным, опытным и с открытым сердцем, он начал этот процесс, установив в конце 1819 г. контакты с Лагарпом, который посоветовал ему написать главному правителю Бессарабии — генералу Алексею Бахметеву (1774–1841)²¹. Немного позже царь выделил тридцать шесть тысяч «поз» [poses] (швейцарская мера земель, используемая для измерения виноградников в кантоне Во, равна 4500 м². — *Прим. пер.*), из которых сто семьдесят были или уже под виноградниками, или удобными для их выращивания около деревни Шабо/Шабаг. Эта деревня была расположена около города Аккермана (примерно в полумиле, т. е. в 1,6 км) на берегу лимана, образованного при впадении Днестра в Черное море, и примерно в сорока километрах к югу от Одессы. С этого момента Тардан активно занялся подготовкой переселения. Об этом свидетельствует

¹⁸ Окончив в Париже учебу на ветеринара, Луи де Сало (1774–1851) основал в 1805 г. в Мудоне «ветеринарный госпиталь». Затем он переехал в Обон перед тем, как в 1811 г. уехать в Одессу по приглашению русского правительства. В 1813 г., когда в порту началась чума, ему удалось остановить эпидемию. За это он получил в Херсоне звание главного правительственного ветеринара и дворянство. Остаток своей жизни он провел в Мудоне. См. «Saloz» в: *Montet*, 1877, p. 443.

¹⁹ *La Harpe*, 1980, p. 416.

²⁰ Я благодарю мадам Хайди Гандер-Вольф, которая обратила мое внимание на это (прим. авт.), *Gander-Wolf*, 1974, p. 40.

²¹ Главный правитель Бессарабии с 1816 по 1822 г.

его письмо от 22 июня 1820 г. в Государственный совет кантона Во, в котором он сообщает о своей инициативе в надежде получить согласие на свой проект основания «маленькой колонии водуазский виноделов» около Аккермана в Бессарабии²².

Несмотря на то, что Государственный совет не стал входить в курс дела, считая, что речь идет о частном предприятии и что это не имеет к нему отношения, шесть возможных будущих колонистов собрались в Веве 13 августа 1820 г., чтобы обсудить, как обосноваться в Шабаге, который Тардан предложил переименовать в Гельвецианополис²³. Кроме него, там были Жан-Луи Герри²⁴ [Jean-Louis Guerry], бывший военный из Шебра [Chexbres]; Жорж-Амеде Тестю [George-Amédée Testuz], винодел из Пиду [Puidoux]; Жакоб-Самуэль Шевалле [Jacob-Samuel Chevalley], винодел из Рива [Rivaz]; Франсуа-Луи Пети [François-Louis Petit], происхождение которого неизвестно, и Луи-Самуэль Тардан [Louis-Samuel Tardent]²⁵, крестьянин из Нижнего Ормона [Ormont-Dessous].

Будучи в этой группе единственным образованным человеком, Луи-Венсен Тардан составил план колонизации, посоветовавшись с Лагарпом, который, в свою очередь, написал об этом Александру I. Во время первой организационной встречи будущие колонисты проголосовали за то, чтобы собрать восемьсот франков на поездку кого-то одного из них, кто должен был отправиться посмотреть отводимые им надель. Они, естественно, выбрали в качестве своего делегата Тардана. Тот отправился в поездку в конце 1820 г., чтобы оценить состояние отводимых им земель. «Проехав морем», он прибыл в Кишинев, столицу Бессарабии, где был

²² Gander-Wolf, 1974, p. 37–51, 211–224.

²³ Gander, 1908a; Conteur Vaudois, 23 janvier 1892, p. 1.

²⁴ Жан-Луи Герри [Jean-Louis Guerry] 1767–1829), член администрации Шебра с 1799 г., женат, поехал без жены. Бывший солдат, он был награжден медалью «Честь и Верность», врученной швейцарским солдатам, выжившим во время резни в Тюильри 10 августа 1792 г. См.: *Rial*, 1988;

²⁵ Возможно, Луи-Самуэль Тардан-Дюперту (1785–1854). Его сын Анри Алекси Тардан [Henri Alexis Tardent] (1853–1929), ботаник и журналист, отправился в 1869 г. в Одессу, где он познакомился и затем женился на Ортензии Тардан [Hortense Tardent], внучке Луи-Винсена Тардана, в реформаторской церкви Шабага. Эта пара переехала в 1887 г. в Австралию. См.: URL https://fr.wikipedia.org/wiki/Henri_Alexis_Tardent (Дата обращения: 09.02.2019).

принят правителем Бессарабии генерал-лейтенантом Инзовым (1768–1845), к которому он привез самые хорошие рекомендации от Лагарпа. Луи-Венсен осмотрел различные земли, которые ему показали в качестве пригодных для развития виноградарства, и выбрал Шабаг за его географическое положение и, возможно, за близость к городам Аккерману и Одессе. До Шабага было легко добраться через залив Днестра, и возможно было выходить на барках в Черное море. Луи-Венсен также посетил Одессу, где он установил контакты со швейцарской колонией и повстречался с братьями Данц, которые выразили готовность финансово поддержать будущую колонию Шабаг.

Однако стало известно, что Тардан не был единственным, кто отправился в эту первую ознакомительную поездку. Согласно статье 19 «условий записи», сформулированных в июне 1820 г. в тексте объявления, приглашающего швейцарцев в Шабаг, туда должны были быть посланы четыре делегата, чтобы оценить реальную ситуацию, причем двое из них должны были остаться на месте, «чтобы сделать необходимые приготовления». Это объясняет тот факт, что когда группа колонистов прибыла в Аккерман в последний день октября 1822 г., она встретила там на месте Тестю, и что Франсуа-Давид Нуар был препровожден Мермо [Mermond] «в амбар господина Тардана... — большое здание с прочными стенами, покрытое камышом, в центре которого находился небольшой пресс»²⁶. Колонисты Тестю и Мермо были теми делегатами, которые оставались в Аккермане в 1821 г., чтобы создать на месте минимум виноградарской инфраструктуры и даже произвести несколько бочек такого вина, что Плантен уже весной 1823 г. смог написать своему кузену из Ла-Турде-Пе, что «вино здесь очень хорошее; то, которое Тардан сделал в 1821 г., лучше, чем наше, и мы его пьем каждый день»²⁷.

Осенью 1821 г., удовлетворенный всем увиденным, Тардан написал своим согражданам из Лаво [Lavaux], желавшим эмигрировать. Он просил их быстро отправиться в путь, чтобы приехать ко времени первых весенних работ. Собравшись 21 декабря 1821 г.,

²⁶ Noir 2016, стр. 133

²⁷ Письмо Жана-Луи Плантена кузену в Ла-Турде-Пе, Шабаг, 1823. Archives Georges Charotton, Corseaux.

они, однако, предпочли выждать и попросили у Луи-Венсена прислать копию императорского указа, по которому им передавались обещанные виноградники и земли. Таким образом, получилось, что только после получения документа и новых переговоров в Веве, состоявшихся 2 апреля 1822 г. с Тарданом, вернувшимся за это время домой, решение, наконец, было принято.

18 июня 1822 г. Тардан написал в Веве «соглашение между колонистами Аккермана», состоящее из 19 пунктов, которое ставило целью образовать земледельческое поселение на землях, выделенных Александром I. Согласно этому документу, все колонисты должны были продать до отъезда все свое имущество. Соглашение было подписано у нотариуса Жентона [Genton] Жаном-Луи Герри [Jean-Louis Guerry] (1767–1829), бывшим членом администрации коммуны Шебр, его тестем Жакобом-Самуэлем Шевалле [Jacob-Samuel Chevalley], виноделом и гражданином Рива, Жаном-Гаспаром Мейером [Jean-Gaspard Meyer] из Эгля [Aigle], Эммануэлем Перро [Emmanuel Perrod], уроженцем Нижнего Ормона, и Шарлем-Огюстом Гранжаном [Charles-Auguste Grandjean], тестем Тардана.

Вскоре после этого, 21 июля 1822 г., Тардан выехал во главе обоза будущих колонистов, но без Перро и без Мейера. Зато он взял Франсуа-Давида Нуара, которому было 16 лет. Лозаннское бюро агента по финансовым делам Леблан-Голэ [Leblan-Golay] стало тем местом, где встречались разные люди (Луи-Венсен Тардан, Цезарь Данц), заинтересованные в поддержке подобного предприятия. Будучи служащим в бюро Леблан-Голэ, Нуар тоже получил информацию и вступил в контакт с Тарданом в апреле 1822 г., чтобы присоединиться к группе и добраться до Одессы. Он предпринял этот шаг не из желания войти в колонию земледельцев и виноградарей Шабага, а потому что он хотел воспользоваться этой экспедицией, чтобы добраться до Одессы и там найти какую-нибудь работу в одной из швейцарских компаний, в которые он мог представить рекомендательное письмо, данное ему Лебланом-Голэ.

Это совпадение интересов привело к тому, что в первой части своего «Путевого дневника» Нуар детально описывает это трудное путешествие, воссоздавая в целом и в деталях ежедневную жизнь колонистов. Получилось уникальное свидетельство об этом

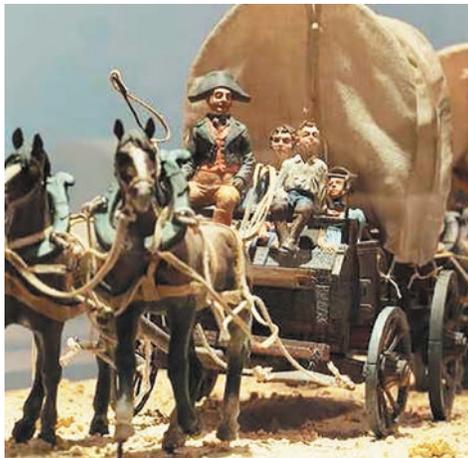


Рис. 1. Макет обоза первых колонистов из Веве. Музей истории вина при Центре культуры вина, Шабо. Фото Э. Ландольта, октябрь 2018 г.

путешествии, подробности которого оставались неизвестными. До последнего времени существовало только одно свидетельство этого пути, написанное Уранией Тардан-Гранжан [Uranie Tardent-Grandjean]. Но весьма укороченное и лаконичное, оно существует только в переводе на английский, который был сделан австралийскими потомками Тарданов²⁸. Оригинал рассказа по-французски был потерян семьей и не описывал весь путь.

«Подводы надежды» и личность Тардана

Отъезд из Веве и из Лозанны состоялся 19 июля 1822 г. на четырех крытых подводах. Первая подвода, которая «всегда оставалась во главе обоза, так как тянувшая ее лошадь, хорошо накормленная и не сильно нагруженная, шла очень быстро», везла бывшего солдата Полка швейцарской гвардии Жана-Луи Герри из Шебра в компании с аптекарем из Аванша [Avanches] Анри Берге [Henri Berguer] (1802–?), который хотел поехать в Одессу и для этого присоединился к Герри за плату в семь золотых луидоров. Вторая подвода, большего размера, управляемая виноделом Жакобом-Самуэлем Шевалле, везла его жену и шестерых детей. Третьей подводой, называемой «большая подвода» и запряженной четырьмя лошадьми, управлял кучер Жан-Луи Плантен, слуга Тардана и юноша-бондарь Майар [Jean Antoine Maillard] (1778–1828). На ней ехали Луи-Венсен

²⁸ См. «Uranie's diary» URL http://www.tarent-history.info/Letter_from_Henri.htm (Дата обращения: 09.02.2019).

Тардан, его четыре сына и Франсуа-Давид Нуар. Последняя подвода везла Уранию Тардан-Гранжан, трех дочерей и двух служанок, Ла Шаплон [La Chapelon] и Альбертин [Albertine]. Этой подводой управлял отец Урании Огюст Гранжан [August Grandjean]. Что же касается садовника Тарданов Анри Цвики [Henri Zwicky], то он шел весь путь пешком, следуя за обозом, который ехал не быстрее пешего хода.

Для того, чтобы проехать из Швейцарии в Одессу, существовало два пути. Один проходил через Мюнхен и Вену и затем спускался по течению Дуная до его впадения в Черное море. Второй путь огибал Карпаты с севера, затем проходил через Вену и далее шел на восток к Лембергу (Львову), Кракову и Бродам. Именно этот путь был выбран, например, перевозчиком Готфридом Жисингером из Сан-Галья [Gottfried Giesinger de Saint-Gall], который в этом же году организовал регулярное сообщение с Одессой и уведомлял своих клиентов, что его перевозки имеют прочную гарантию.

Тардан и водуазские колонисты выбрали именно этот маршрут, пройдя через «Баварию, Австрию, Моравию, австрийскую Силезию, Галицию, Буковину и, наконец, Бессарабию». Сначала они пересекли всю Швейцарию до Цюриха, потом через Сан-Галь они доехали до Мюнхена. Оттуда они направились в Австрию по направлению к Вене, затем, выйдя на «императорскую дорогу», они проехали через регион, который сейчас относится к югу Чешской Республики, через Польшу, через юго-запад Украины. Потом они проехали через города Брюн (Брно), Лемберг и Черновцы. После этого они выехали на Южную дорогу, которая повела по Бессарабии, где столицей был молдавский город Кишинев [Chisinau], и закончили свой путь 30 октября 1822 г. в Аккермане, на правом берегу Днестра.

Несколько дней этот маленький город-крепость служил для водуазских колонистов базой, где они остановились в ожидании посещения села Шабаг и вступления во владение землями, которые были для них предназначены. Таким образом, они прошли и проехали за сто дней зачастую по плохим дорогам примерно 2400 км. Это расстояние, несомненно, увеличилось за счет объездов, вызванных топографией того времени. Водуазские колонисты проделали его, с учетом перепрягания лошадей и поломок, со скоростью около тридцати километров в день.

Тардан открыл запись будущих колонистов, «людей известных своей честностью, и хороших виноделов, и кто имел достаточно средств, чтобы оплатить дорогу и обустройство на месте»²⁹. Таким образом, речь ни в коем случае не шла об эмиграции нищих. Семьи Шевалле и Тестю, как и Жан-Луи Герри, профинансировали и свое путешествие, и обустройство в Шабаге. Двадцатилетний Анри Берге, как и шестнадцатилетний Франсуа-Давид Нуар, тоже оплатили свое путешествие и содержание. Они вместе с двадцативосьмилетним Цвики отличались по возрасту от остальных виноделов и основателей колонии, которые были людьми зрелого возраста, от 30 до 46 лет, и часть из которых оказались обремененными долгами.

Эту группу эмигрантов объединяли многочисленные связи: прежде всего, это были обширные семейные связи, с одной стороны, клан Тардана, с другой — виноделов Шевалле и Тестю. Затем это были связи по слугам, так как Герри, Цвики, Альбертин и Ла Шаплон служили у всех Тарданов. И наконец, профессиональные и семейные связи переплетались у всех тех, кто был первопроходцем виноградников Шабага: так, Майар, юноша-бондарь, и Мермо, работник Тестю, выполняли в этом проекте различные обязанности в зависимости от своей квалификации; Шевалле сопровождал своего зятя Герри, а Плантен закончил тем, что в 1827 г. женился на дочери Тестю. Но именно личность Тардана объединяла все эти семейные инициативы. Достаточно будет обозначить черты личности того, кто в возрасте 35 лет отвечал за организацию проекта создания колонии. Они выявились благодаря путевому дневнику Франсуа-Давида Нуара.

Прежде всего стало ясно, что семейная пара Тарданов не принадлежала к тому же слою общества, что и большая часть сопровождающих их колонистов. Помимо туалетов мадам и одежды господина, об этом свидетельствует и тот факт, что они ехали со своими слугами. У мадам это были Ла Шаплон и Альбертин, у господина это были кучер Плантен и садовник Цвики. Тесть Гранжан уважительно называл зятя «наш господин», а другие члены группы — «господин Тардан». В течение путешествия Тардан проявил темперамент руководителя, и в качестве директора экспедиции он

²⁹ Запись от 1 июля 1820 г., *Gander-Wolf*, 1974, p. 44.

контролировал все, начиная с обеспечения и до смены лошадей. Он брал на себя заботу по получению паспортов и по их визированию всякий раз, когда это было нужно.

Об особом положении Тардана можно было судить и по его связям и важным контактам, и по тому, как он был принят в многочисленных городах и селениях. Так, в немецкой Швейцарии у него были знакомства в Аарбурге; в Мелингене он встретил своего кузена Жана Жака Тардана [Jean Jacques Tardent] (1799–1833), жившего до этого во Франкфурте-на-Майне, а в Эрисвиле он встретился с местным пастором, который хотел бы поехать в Шабаг и у которого он жил. То же самое в Цюрихе, куда он приехал в момент закрытия гельветской Диеты (до 1848 г. — название для собраний депутатов из разных кантонов — центрального исполнительного органа Конфедерации. — *Прим. пер.*): несколько депутатов приветствовали его в момент выхода из здания. В австрийской столице у него уже были связи со знаменитым женевским врачом Жаном де Карро [Jean de Carro] (1770–1857), который практиковал там с середины 1790-х гг. и которому он нанес визит³⁰. Далее по дороге он укреплял контакты, установленные, возможно, во время его возвращения в Веве из первой поездки. Так, в Новоселице, «большой деревне, которая благодаря тому, что в ней сливаются два ручья, разделена между тремя европейскими империями»³¹, он нашел «друзей своих знакомых, с которыми он устроил праздник». Далее в Черновицах это уже был кондитер из Граубюнде и какая-то «швейцарская вдова», содержавшая постоялый двор, на котором они смогли поесть. И в Лемберге было то же самое с французским трактирщиком.

³⁰ Он стал знаменитым после того, как 29 апреля 1799 г. вакцинировал двух своих сыновей, Шарля (1796–?) и Пьера (1797–?) от оспы, привив им легкую форму болезни — коровью оспу. За это он был возведен в благородное сословие императором Францем-Иосифом.

³¹ В 1774 г. село Новоселица (в Черновицкой области) было разделено по речке Рокитнянки между двумя империями: западная часть — под Австрией, восточная — под Турцией. По Бухарестскому мирному договору 1812 г. восточная часть вошла в состав Российской империи. В селе получился стык границ трех империй: Российской империи, Австро-Венгерской империи и Османской империи.



Рис. 2. Путь колонистов из Веве в Шабо в 1822 г. Карта составлена на основе Карты переселения швейцарских колонистов, находящейся в Историческом музее Веве. Сайт ассоциации «Шабэг», Лозанна: <https://www.chabag.ch/index.html>

Однако во время поездки выяснилось также, что он — практичный человек, способный, если это необходимо, и к ручному труду, и «работать кузнецом», ремонтируя колесо. В то же время его интерес к естественным наукам проявился очень ярко, когда в Бурштине (город в Иваново-Франковской области. — *Прим. пер.*) какой-то скульптор показал несколько редких камней, которые он хотел представить в Женевской Академии. О культуре Тардана можно судить и по его библиотеке в 400 томов, которую он вез с собой³².

Еще одной чертой личности Тардана было его умение торговать. Примером может служить случай, когда он был готов приобрести в Берне швейцарские гравюры Вейбеля (Jacob Samuel Weibel, 1771–1846, художник и гравёр из Берна, известный своими пейзажами. — *Прим. пер.*), чтобы продать их уже дороже в Одессе. В какой-то момент путешествия, «после того, как переехали большой мост через Инн», он предложил Франсуа-Давиду Нуару стать его компаньоном, чтобы организовать книжный магазин в Кишиневе.

По мнению Нуара, Тардан, жесткий в делах, в конце путешествия во время подведения счетов воспользовался его неопытностью, чтобы потребовать 330 ливров за путешествие, т. е. по тридцать три батца в день (швейцарская монета, которая использовалась до середины XIX в., 10 батцев равнялось примерно 1 франку. — *Прим. пер.*).

³² Gander-Wolf, 1974, p. 38.

Нуар считал, что «все колонисты, которые видели, как ко мне относились, и все, что я делал, и все, что я принес в жертву ему, были уверены, что я не стоил двенадцати батцев в день. В действительности он стал рассчитывать со мной только в момент моего отъезда, и я уже не мог ему возражать»³³.

В глазах юного Франсуа-Давида Тардан казался также манипулятором и хитрым тактиком, особенно когда тот хотел сохранить Нуара для работы воспитателем у своих детей и для будущей колонии. Во время приема колонистов у губернатора Инзова, он представил Нуара, вопреки его желанию, как воспитателя в колонии, а затем делал все, чтобы затруднить ему получение визы для поездки в Одессу, надеясь, таким образом заставить его остаться.

И наконец, Тардан был общественным человеком. Об этом свидетельствует³⁴ как его участие начиная с 1819 г. в работе водуазского Общества естественной истории, так и его членство начиная с 1829 г. в «Обществе земледелия» Одессы, основанном в том же году.

Это свойство Тардана проявилось и в его возможной принадлежности к франк-масонству, с которым он поддерживал связи. Во время его короткого пребывания в Кишиневе в 1821 г. он часто бывал в ложе № 25 Овидий, только что открытой 17 сентября 1821 г. и руководимой генералом Павлом Пушиным (1785–1865). Она была филиалом ложи Астрея из Санкт-Петербурга (1815–1822), но ее существование было кратким по причине запрета франк-масонства в 1822 г. Александром I. В Кишиневе среди членов ложи Тардан встретил Александра Сергеевича Пушкина. В сентябре 1820 г. Пушкин был отправлен в ссылку из Санкт-Петербурга за свои идеи, связанные с реформами общества. В Кишиневе он был направлен в канцелярию генерала Инзова. 21 декабря 1821 г. Пушкин приехал в Шабэг вместе с Тарданом и в компании Ивана Петровича Липранди (1790–1880), офицера русской Секретной экспедиции и своего друга, с которым он встречался ежедневно. В августе

³³ *Noir*, 2016, p. 137

³⁴ Его сын Шарль (1812–1856) пришел ему на смену и стал членом водуазского Общества истории естествознания. Он опубликовал в 1841 г. у Дюкло в Лозанне «Очерк естественной истории Бессарабии». Оставаясь в колонии Шабэг до 1841 г., он жил с этого момента в ее окрестностях.

1823 г. Пушкин уехал в Одессу, которую он должен был оставить уже в августе следующего года.

Первые годы колонии, конечно, не были легкими. До 1831 г., выборов первого коммунального совета, Тардан был единственным вдохновителем и руководителем, берущим на себя полную инициативу. Он вел дела с русскими властями. Так, ему удалось получить новые права для колонистов, например, право рыбной ловли. Выступая от имени колонии, Тардан связывался с новыми потенциальными колонистами, чтобы убедить их приехать в Шабаг. Все новые предложения, исходящие от него, были так или иначе связаны с проявлением его личности³⁵.

Зима 1822 г. ожидалась тяжелой, несмотря на то, что наместник приказал горожанам соседнего городка Аккермана (сегодня Белгород-Днестровский) дать приют колонистам. В письме к своему кузену, датируемому началом 1823 г., Жан-Луи Плантен подчеркивал, что они были «очень хорошо приняты» и что им «предоставили очень хорошее жилье»³⁶. Однако призыв к Божественному Провидению был необходим перед лицом возможных трудностей. Поэтому колонист Герри предложил на собрании 28 февраля 1823 г. молитву, которая была одобрена. Ее решили читать перед началом каждого собрания колонистов. Эта молитва звучит так: «Господи, Творче неба и земли, да пребудет помощь твоя с нами! Собравшись для управления нашим общим имуществом, молим тя, пошли нам, Господи, свое благословление и Святаго Духа, чтобы все наши решения и действия были во славу Твоего Великого Имени и на пользу нашей общины. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

3 февраля 1823 г. Тардан отправил в Веве свое первое письмо, в котором он написал о смерти от изнурительного путешествия шести лошадей вскоре после приезда колонистов. Однако азарт первопроходцев не уменьшился, и начав с 23 марта его старший сын Марк пятнадцати лет и Анри Цвики двадцати восьми лет засадили 54 гектара виноградника, что заняло у них два месяца. Другие

³⁵ *Gander-Wolf*, 1974, p. 60.

³⁶ Письмо Жана-Луи Плантаена его кузену в Ла-Тур-де-Пе, Шабаг, 1823 г. Archives Georges Charotton, Corseaux.



Рис. 3. Вид на виноградники Шабо и лиман. Рисунок Поля Марго. Сайт ассоциации «Шабаг», Лозанна: <https://www.chabag.ch>

колонисты сделали то же самое. Осенью 1823 г. урожай оказался хорошим, но не обошлось без прискорбного факта краж и хищений со стороны части местного населения.

На следующий год в письме, датированном 12 ноября 1824 г. и адресованном одному из сограждан в Лозанне, всего через два года после приезда колонистов, Гардан описывает их положение в эйфорической манере: «Небольшая территория, которую мы получили от Его Императорского Величества, имеет более тридцати шести тысяч воздушских лоз. Она расположена очень хорошо между лиманом (заливом), образованным Днестром, и Черным морем. У нас есть, как и в нашей стране, озеро, скалы, виноградники, парки и сады, засаженные прекрасными фруктовыми деревьями, что является редкостью в этой части Европы. В прошлом году мы посадили 80 000 черенков винограда, и каждый год их число будет увеличиваться... Я могу сравнить наше вино красное и белое с винами из Бордо и Грава (виноградники вокруг города Бордо, где выращиваются знаменитые французские вина. — *Прим. пер.*). Оно превосходит наши вина из Ля Кот и из Лаво»³⁷ (регионы катона Во, славящиеся своими винами. — *Прим. пер.*).

³⁷ Письмо опубликовано в «Le Nouvelliste Vaudois» от 22 марта 1825 г., с. 89. О Шабаге см. также «Le Nouvelliste Vaudois» от 27 апреля 1827 г., с. 135.

Осенью 1823 г. во время сбора винограда удалось пригласить в Шабаг графа Михаила Воронцова (1782–1856), который был назначен 7 мая 1823 г. генерал-губернатором Новороссии. Он проявил интерес к колонии³⁸. Видимо, именно в этот момент, благодаря успехам колонистов, Воронцов назначил Тардана генеральным инспектором виноградников Аккермана, которые были в сильном запустении. Воронцов наградил его резиденцией в городе на берегу лимана. Тардан использовал свое положение, чтобы помочь некоторым согражданам получить работу. Получив хорошие новости, начали приезжать новые эмигранты из Во. В 1823 г. приехали Жан-Пьер Мейо [Jean-Pierre Meillaud] из Блонэ [Blonay], его жена и семь детей. В 1825 г. прибыла семья Тестю из Шебра, затем семья часовщика Угенин [Huguenin] из Ля Шо-де-Фона [La Chaux-de-Fonds]; в 1826 г. — семьи Бессон [Besson], Доньи [Dongny], Гандер [Gander], Киенер [Kiener], Ашелер [Hacheler], Мишу [Michoud] и аптекарь Бо [Baud].

Около десятка новых семей пустили там корни. Многие же вымерли, так как смертность была значительной из-за чумы, принесенной русской армией во время ее возвращения с войны 1828–1829 гг. против турок. В худшие времена оставалось «не более трех мужчин, способных хоронить мертвых». Дети-сироты возвращались в Швейцарию за свой счет! В 1831 г. половина колонии состояла из вдов и сирот, а другая половина — из опекунов. Эпидемии сибирской язвы, холеры, нашествия саранчи и частые кражи урожая наносили большой урон и досаждали водуазским колонистам настолько, что они согласились на увеличение своей колонии за счет поселения на этих землях немцев из соседних немецких колоний.

Именно в этой ситуации в 1836 г. Луи-Венсена, которому было только 49 лет, настигла преждевременная смерть. И хотя он был наполовину разорен и изнурен трудностями, он оставался уверенным в будущем успехе своего предприятия. Тардан был похоронен в скромной могиле.

Урания пережила мужа и дожила до 1852 г. Отказываясь от предложений вторичного замужества, она осталась верна его памяти и была затем похоронена рядом со своим мужем, которого она поддерживала в его делах. Она воспитывала их десять детей, семь из которых

³⁸ *Gander-Wolf*, 1974, p. 61.



Рис. 4. Одесса. Гравюра 1840-х годов художника Buckley. Интернет: brosh-ka.blogspot.com/2010/10/xix.html?m=0

родились в Веве, а трое — в Шабаге. Колонисты ее прозвали «королева Берта колонии» (исторический персонаж X в., жена короля Бургундии, которая прославилась в кантоне Во своими добрыми делами. — *Прим. пер.*). Тардан занимал позицию «короля» не столько благодаря своему авторитету, сколько благодаря своим способностям создать воздушную колонию, уникальную в своем роде. Благодаря своей личности и многочисленным связям, которые он умел устанавливать и поддерживать, он обеспечил успех этому предприятию.

Возможно, что это предприятие было утопическим в той форме, в которой оно существовало в голове Тардана. Доказательством этого служит первоначальное желание Тардана дать колонии названия Гельвецианополис. Но ему так и не удалось изменить название Шабаг. Неизвестно, вдохновляли ли Тардана русская колонизация Крыма при Екатерине II, когда в этом духе называли и переименовывали города (Севастополь, Симферополь), или же только город на другом берегу залива Днестра, который в это время тоже был переименован в Овидиополь в честь поэта Овидия. Название Гельвецианополис хорошо подходило, так как порывало с татарским топонимом Шабо, указывая на новое основание данного поселения. Или

же, может быть, Тардан, который много читал, был знаком с первыми мыслителями социалистами-утопистами, среди которых был и Робер Оуэн (1771–1858), который навестил Песталоцци в Ивердоне в 1818 г.

Или, может быть, у Тардана был «Кристианополис» лютеранского пастора Иогана Валентина Андреа [Johann Valentin Andreae] (1586–1654), опубликованный в 1616 г.? (Одно из трех основополагающих произведений розенкрейцера. — *Прим. пер.*) В этом произведении, которое повлияло на социалистов начала XIX в., автор описал город, в котором не было частных владений. Он был построен по принципам геометрии и функциональности, и в нем работа и наука были тесно связаны. Однако подобное влияние никак не прослеживается ни в организации колонии Шабэг, ни в ее уставе. Религиозное же направление этого проекта было ограничено в уставе только тем, что каждый член колонии должен был иметь псалтирь и катехизис для детей. Даже девиз колонии «молиться и работать» [ora et labora] был гораздо больше связан с девизом Собратства виноделов из Веве, чем с уставом монахов-бенедиктинцев (последователи учения св. Бенуа — основателя монашества в Европе. — *Прим. пер.*). Но несомненно, надо было иметь большую надежду на лучший мир, чтобы покинуть Веве или Лаво и чтобы основать воздушскую колонию с неопределенной судьбой в Бессарабии на окраине Новороссии.

Источники и литература

Archives Georges Charotton, Corseaux.

Charles René Pictet de Rochemont (1787–1856). (Письма, документы, дипломатическая переписка). Архивный фонд семьи Пикте (www.archivesfamillepictet.ch).

Conteur Vaudois, 23.01.1892.

Gander L. Notice historique sur la fondation de la colonie vaudoise de Chabag, Bessarabie. Lausanne: Imprimerie Lucien Vincent, 1908a.

Gander L. Histoire de la colonie de Chabag // Revue historique vaudoise 1908A. 16. P. 115–125, 149–154.

Gander-Wolf H. Chabag, Schweizer Kolonie am Schwarzen Meer. Ihre Gründung und die ersten Jahrzehnte ihres Bestehens. Zürich: Faculté de philosophie (sous la dir. du professeur A. Niederer); Lausanne: Multi-office, 1974.

Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабэг в 1822 г.

Gazette de Lausanne, 25.05.1807.

Gazette de Lausanne, 22.07.1817.

Gazette de Lausanne, 20.09.1825.

Gazette de Lausanne, 27.09.1825.

Ghervas S. Odessa et les confins de l'Europe: un éclairage historique // Ghervas, Stella et Rosset François, Lieux d'Europe. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'homme, 2008.

Grivat O. Les vigneronns du Tsar, Chapelle-Vaudanne / ed. Ketry et Alexandre. 1993.

Hilberer J.-E. Les Suisses dans la Russie méridionale: La Société d'Odessa; la Colonie de Chabag. Notice historique. Odessa: L. Nietsche, 1912.

History of the Tardent family / by Henri-Alexis Tardent, written at Nikolaev near Odessa, 21 February to 11 March 1887, in the form of a letter to his cousin Louis Tardent of Rue de Rome, Paris (История семьи Тардан, написанная Анри-Алексисом Тарданом в Николаеве около Одессы, с 21 февраля по 11 марта 1887 года в форме письма к своему дальнему кузену Луи Тардану на ул. Рима в Париже). URL: <http://www-tardent-history.info/tracking.htm> (Дата обращения: 09.02.2019).

La Harpe F.-C. Correspondance générale, tome II, 1803–1815. Neuchâtel: La Baccionière, 1979.

La Harpe F.-C. Correspondance générale, tome III, 1815–1824. Neuchâtel: La Baccionière, 1980.

Le Nouvelliste Vaudois, 27.04. 1827

Montet Albert de. Dictionnaire biographique des Genevois et Vaudois. Vol. II. Lausanne: Bridel, 1877.

Noir F.-D. Journal de voyage, Lausanne-Chabag-Odessa. 1822–1825 (présenté et annoté par Jean-Pierre Bastian). Bière: Cabédita, 2016.

Polevchtchikova E., Triaire D. (éd.) Lettres d'Odessa du duc de Richelieu 1803–1814. Paris: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2014.

Rial S. « Guerry, Jean Louis de ». Répertoire des noms de famille suisses. Zurich: Schulthess Polygraphischer Verlag, 1988.

Tardent J.-L. The Swiss-Australian Tardent Family History and Genealogy. Southport (Queensland, Australie), 1982. URL: <http://www.tardent-history.info/Tardent%20Genealogy%20Original.pdf>.

«Uranie's diary» URL http://www.tarent-history.info/Letter_from_Henri.htm (Дата обращения: 09.02.2019).

Швейцарские дипломатические документы: URL <http://db.dodis.ch/organisation/12046> (Дата обращения: 05.12.2018).

URL https://fr.wikipedia.org/wiki/Henri_Alexis_Tardent. (Дата обращения: 09.02.2019).

Перевод И. Ивановой

Швейцарская колония Шабо: история и современность

Их звали Тардан [Tardent], Шевалле [Chevalley], Герри [Guerry], Плантен [Plantin], Цвикки [Zwicki], Тестю [Testuz]. Уехав из Веве в июле 1822 г., они основали винодельческую и сельскохозяйственную колонию на берегу Черного моря, недалеко от Одессы. Эта уникальная сага в истории Швейцарии остается малоизвестной широкой публике.

В 1822 г. начинается история поселения, которое должно было называться Гельвецианополис, как этого хотел его основатель, ботаник и педагог Луи-Венсен Тардан [Louis-Vincent Tardent] (1787–1836). Уроженец Нижнего Ормона [Ormont-Dessous] в водуазских Альпах, он был послан на разведку в Бессарабию за год до этого события по совету Фредерика-Цезаря де Лагарпа [Frédéric-César de La Harpe], бывшего воспитателя Александра I.

Земля, отвоеванная у турок и предоставленная швейцарским колонистам по императорскому указу, занимала площадь в 50 км. Место это называлось Ашабаг, что по-турецки означало «нижние сады». Оно находилось на берегу Днестра, в месте его впадения в Черное море, где образовался большой залив, который, по счастливому совпадению, назывался по-русски «лиман» (в кантоне Во Женевское озеро, на берегу которого находится Веве, называется «озеро Леман». — *Прим. пер.*). Предлагаемые правительством Бессарабии земли Тардану понравились, и будущие поселенцы начали собираться в путь.

19 июля 1822 г. небольшая группа водуазцев, разместившись на подводах, отправилась по горам, по долам из Веве в Бессарабию. Выхав на следующий день из Лозанны, тридцатипятилетний

Луи-Венсен Тардан присоединился к этому обозу в Аванше [Avenches] вместе с женой и семьей детьми в возрасте от 18 месяцев до 15 лет. На других подводах ехали Жакоб-Самуэль Шевалле [Jacob Samuel Chevalley] из Рива [Rivaz], его жена и шестеро детей, Анри Берже [Henri Berger] – молодой фармацевт из Аванша, Жан-Луи Герри из Ла-Тур-де-Пе [La-Tour-de-Paix], Франсуа Нуар [François Noir] из Лозанны, едва достигший 16 лет, и батрак Генрих Цвики [Heinrich Zwicki]. В общем, около тридцати человек выехали на четырех подводах, каждую из которых тащило три или четыре лошади. Будущие поселенцы везли с собой мебель, личные вещи, съестные припасы и все инструменты, необходимые для ремонта. Каждая семья везла также Библию и карабин. Будучи образованным человеком, Тардан, учитель из Вева, вез с собой библиотеку из 400 книг.

Три месяца в пути на лошадях и пешком

Дорога шла через Цюрих, Сан-Галлен, Мюнхен, затем Австрию. Лошади проходили от 25 до 50 км в день. Будущие поселенцы доехали до Брно, затем пересекли Польшу и прибыли в Кишинев, столицу Бессарабии. Только в октябре 1822 г. обоз доехал до цели, проведя в пути три месяца. На подводах и пешком водрузцы проделали путь в 2500 км.

Первая зима ожидалась тяжелой. Но губернатор приказал жителям города Аккермана (сегодня это Белгород-Днестровский) дать приют швейцарским колонистам. Там они и провели первую суровую зиму.

Как и было им обещано русским правительством, они получили по 60 десятин на семью и 36 виноградников. Однако, несмотря на доброжелательное отношение и заботу главного попечителя и председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России генерала И. Н. Инзова (1768–1845), первые годы жизни колонистов были напряженными. Переселенцы столкнулись с новыми для них условиями работы при расчистке своих земель. Ситуация усложнялась и непростыми отношениями с местным населением.

Но несмотря на все эти трудности, новые швейцарские колонисты продолжали прибывать, и созданное швейцарскими виноделами поселение росло. В последующие годы к первым поселенцам присоединилось еще несколько семей: Гербо [Guerbaud], Мейо [Meillaud], Кампиш [Campiche], Бессон [Besson], Дюперти [Dupertuis], Доньи [Dogny], Тевна [Thévenaz], Бюксель [Vuxcel], Декомба [Descombaz]¹.

Кто-то, не выдержав трудностей, уезжал обратно (например, аптекарь Анри Берже). Но несколько десятков семей остались, захотев пустить там корни. Внезапно нагрянула беда — русская армия, возвращавшаяся с русско-турецкой войны 1828–1829 гг., занесла в колонию чуму. Смертность была высокой: в самый тяжелый момент в колонии оставалось только трое мужчин (Жан Бессон, Самюэль Гандер и Жорж Тевна), которые хоронили умерших. Поэтому какое-то время колония была малочисленной. Швейцарцы обратились с призывом к своим соотечественникам, и еще несколько семей прибыло в Шабаг. В 1846 г. прибыли последние колонисты: Жак Берте [Jacques Berthet], Луи Марго [Louis Margot], Жюль Кавалло [Jules Cavallo].

По данным Ансельма, в 1840 г. в Шабаге проживало уже 50 швейцарских семей². А к 1924 г. население колонии насчитывало уже около тысячи человек.

Считалось, что Шабаг — это пример хорошо развивающейся колонии, которой завидовал весь Юг России до 1918 г. Она сохранила свою целостность, единство, лидерство... Жители Шабага практически не смешивались с местным населением. Французский язык продолжал жить в семьях, он преподавался в школе, служил для проповедей в церкви. Это выгодно отличало колонию в России от основанных швейцарцами колоний в Америке Ново Фрибурго и Нью-Веве, которые были очень быстро поглощены местным населением³.

Относительно управления колонией надо заметить, что первые семь лет лидерство принадлежало Луи-Венсену Тардану. Это было удобно и для русской администрации, которая таким образом имела дело с одним лицом, отвечающим за всю группу. Но уже в 1829 г.

¹ *Gander*, 1908, p. 123.

² *Anselme*, 1925, p. 68.

³ Подробнее об этом см.: *Grivat*, 1993, p. 3.



Рис. 1. Изображение общего вида колонии Шабо. 1850 г.
Гравюра Эжена Дюфу-Фавра. Предоставлена О. Грива

колонисты выбрали свой коммунальный совет и нового *мэра*⁴. Все совещания проходили на французском языке. На французском же велось и делопроизводство. Это продолжалось до 1871 г. Затем уже документы составлялись на русском языке⁵.

Хотя среди переселенцев были семьи с детьми, в первые годы в колонии не было настоящей школы. Только с 1829–1830 гг. появляются сведения о четырехклассной церковноприходской школе. Таким образом, все жители получали начальное образование. Многие из них имели и среднее. В школе преподавались французский и немецкий языки. С 60-х гг. XIX в. стал обязательным и русский язык.

Также в первые годы жизни колонии в ней не было церкви. Но уже в 1832 г. появился молитвенный дом, а приехавший в 1843 г. пастор Франсуа-Луи Бюньон [François-Louis Bugnion] (1822–1880) занялся строительством храма, который был освящен в 1847 г. и посвящен Святой Троице. В этой церкви проходили службы и для швейцарцев-лютеран и для швейцарцев-реформаторов.

Колония Шабаг стала в Российской империи одним из центров виноградарства, виноделия и садоводства. Шарль Тардан, сын

⁴ *Anselme*, 1925, p. 43.

⁵ *Ibid.*, p. 62.

Луи-Венсена Тардана, стал одним из лучших местных виноделов. А его работы о виноградарстве печатались в «Записках Императорского общества сельского хозяйства Южной России» и были изданы в Одессе отдельной книгой «Виноградарство и виноделие с пояснительными рисунками» в 1854, 1862 и 1874 гг.

Швейцарские колонисты отправляются из Шаблага в Австралию

Через полвека после создания колонии, в 80-е гг. XIX в. одна из ветвей семьи основателя решила эмигрировать в Австралию в Квинсленд.

«Отправились с пустыми карманами, но с сердцами, полными радости и надежды», — как рассказывает Анри Алексис Тардан [Henri Alexis Tardent] (1853–1929) в своем описании путешествия⁶.

Небольшая группа виноделов покинула Шаблаг 12 октября 1887 г. За два месяца плавания на пароходе «Россия» они пересекли Босфор, Суэцкий канал, открытый для морского движения за 18 лет до этого, затем Индийский океан и наконец достигли Брисбейна 13 декабря того же года. С собой у них было немного сэконовленных денег, всего тысяча рублей, полученных в виде аванса за наследство, что равнялось примерно 4000 франков того времени. Семья Тардана обосновалась в 500 км внутри страны, в Рома [Roma] (город на юге Квинсленда. — *Прим. пер.*).

Но что же подвигло этих водуазских виноделов к переселению на другой конец мира? В течение нескольких десятилетий царский указ 1819 г. освобождал колонистов от военной службы. Но указом 1877 г. воинская повинность распространилась на всех жителей империи. Не желая воевать на фронте, около сотни колонистов отправились в новую эмиграцию, половина в Северную Америку, другая половина, двумя волнами, в многообещающую Океанию.

Главой этой новой экспедиции был Тардан по имени Анри Алексис. Он был сыном лесоруба и почтовой служащей в Сепе [Le Sépeu], в водуазских Альпах. Отправясь в качестве преподавателя

⁶ Henri Alexis Tardent, 1982.

в Польшу, он, случайно узнав о родственниках в Бессарабии, продолжил свое путешествие до Шабага и открыл для себя многочисленных кузенов Тардан, которые приняли его с распростертыми объятьями в день, когда колония отмечала 50 лет своего существования: «Там был целый рой молодых кузин, который заставил биться мое сердце двадцатилетнего человека, как у оленя в Альпах. Это было замечательно!»⁷ Он влюбился в кузину Ортанз [Hortense], внучку основателя Шабага, и женился на ней.

Молодая семья решила начать сначала свою жизнь в Австралии, «населенной свободной и сильной расой, в процветающей стране, на земле плодородной и дешевой», и главное, с лучшим в мире климатом: «Меня вдохновил пример дедушки моей жены»⁸.

Снабженный рекомендательными письмами от Государственного совета кантона Во и даже от президента Конфедерации Нумы Дроза [Numa Droz] (1844–1899) из Невшателя, Анри Алекси Тардан создал в Рома кооператив виноградарей, названный «Тардан Винмэйкер» (Tardent Winmaker). Дела процветали, он был избран муниципальным советником и основал сельскохозяйственное общество. Он развел посеvy пшеницы и построил молочный завод для производства масла и сыра, который назвал «Ле Ормон» [Les Ormonts]. Первопроходец в новой для него стране, он также занялся политикой в качестве кандидата от травайистов в парламенте в Квинсленде. Он исходил пешком и объехал верхом на лошади и в двуколке избирательный округ размером со Швейцарию.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. он потерял одного из своих двенадцати детей — младшего восемнадцатилетнего сына. Два других его сына воевали в Галлиполи и во Фландрии и вернулись с французскими наградами. Один из них, Юлий Тардан [Jules Louis Tardent] (1894–1981), выйдя на пенсию, занялся сбором материалов по биографии семьи Тардан, разбросанной между Швейцарией, Францией, Россией, США и Австралией. Память о первом Тардане, приехавшем в Австралию, хранится в стране. Его именем названы три улицы, причем одна из них находится в столице.

⁷ Tardent, 1982, p. 172.

⁸ Ibid., p. 174.

Трудная судьба колонии Шабаг (Шабо) в XX в.

Вернемся в Россию. Процветавшая колония Шабаг пережила в XX в. трудные времена. После революции 1917 г. Бессарабия, а вместе с ней и Шабаг отошли к королевству Румыния. Колония оказалась отрезанной от одесского порта. Вино из Шабага не пользовалось большим спросом в Румынии, где было много своего вина. Цена на него резко упала. Кроме того, виноградники сильно пострадали от морозов 1928–1929 гг. Колонисты считали, что в это время жизнь в Шабаге была почти такой же тяжелой, как и при освоении этой земли первыми колонистами⁹.

Однако, несмотря на начавшиеся экономические трудности, колонисты торжественно отметили в 1922 г. 100-летие основания колонии. Праздник продолжался три дня, и на нем присутствовал швейцарский консул из Галаца.

Не обошли своим вниманием колонию и румынские короли. В 1920 г. ее посетили король Фердинанд и королева Мария, которые несколько дней оставались в Шабаге и беседовали с колонистами¹⁰. В 1937 г. колонию посетил король Карол II и в память об этом оставил автограф на стене в винном подвале Жана Тевна.

В июне 1940 г. Бессарабия была присоединена к СССР. Советская армия вошла в деревню, и колонистам надо было решать: бежать в Румынию, в Германию, в Швейцарию или остаться. Большая часть колонистов уехали, но некоторые решили остаться. Арнольд Лоран, бывший мэр колонии, отмечал: «С вечера 12 октября 1940 г., после отбытия последних жителей, Шабаг как швейцарская колония перестала существовать»¹¹.

Но летом 1940 г. новые власти создали виноградарско-винодельческий совхоз «Шабо». Начавшаяся Великая Отечественная война помешала его развитию.

В 1941 г. последний мэр, избранный в колонии¹², Давид Бессон, был арестован и депортирован, как думали до последнего времени,

⁹ Подробнее см.: Grivat 1993, p.117.

¹⁰ *Anselme*, 1925, p. 71.

¹¹ См. Grivat 1993, p.140.

¹² С 1939 г. до прихода Красной армии 28 июня 1940 г.



Рис. 2. Открытка с видом колонии Шабо. 1920-е гг. Предоставлена О. Грива

в Сибирь. На самом деле он был сослан на Урал. Недавно открытый доступ к архивам КГБ в Киеве позволил узнать немного больше о его трагической судьбе. Согласно документам, он умер 13 января 1942 г. в Ивделе, городе на Урале, куда были сосланы многочисленные немцы из Бессарабии.

С июня 1941 г. по август 1944 г. через колонию проходили волны то советских беженцев, то фашистской армии. Население Шабо разделилось: некоторые захотели завербоваться в немецкую армию, вплоть до рядов СС, другие предпочитали Советскую армию. Иногда в одной семье два брата оказывались в двух противоположных лагерях.

В конце Второй мировой войны большая часть швейцарского населения Шабо ушла вместе с отступавшими нацистами. Многие из них смогли через несколько лет вернуться в Швейцарию.

Война нанесла винограду значительный урон. Поскольку швейцарцы уехали, то восстанавливать совхоз и его ценное хозяйство приехали русские и украинские агрономы. Они за пять лет после войны полностью реорганизовали и воссоздали виноградники. Уже в 50–60-х гг. выращивалось более 70 сортов винограда, а в 1971 г. был полностью реконструирован винодельческий завод. В 1974 г. совхоз был преобразован в совхоз-завод Одесского

совхозвинтреста. Шабские вина стали получать на международных дегустациях вин серебряные медали. Однако для посещений иностранцами совхоз был закрыт: там стояла воинская часть.

В тяжелые годы перестройки, при отделении Украины от России Шабо оказалось на территории Украины. Бывший совхоз-завод был преобразован в акционерное общество, а в 2003 г. была образована «Промышленно-торговая компания Шабо».

Сегодняшний день Шабо

Сегодня это активно развивающееся предприятие, которое возродило винодельческие традиции Тарданов. Там установлено современное оборудование для производства вина и заново засажены 1100 гектаров виноградников. На предприятии работает большой коллектив специалистов и установлены высокие стандарты качественного производства. Общая сумма инвестиций достигает 25 миллионов швейцарских франков, это достаточно большая сумма для страны, в которой средняя заработная плата составляет 300 швейцарских франков, а пенсия менее 100 франков.

Предприятие не только занимается выращиванием винограда и производством вин, но и ставит одной из своих целей воспитание культуры потребления вина. В 2009 г. был построен целый комплекс, названный «Центр культуры вина Шабо», который включает уютный зал для дегустации, гастрономический ресторан и музей истории колонии Шабо. А в 2010 г. директор компании грузинский бизнесмен Важа Иукурдидзе выкупил погреба, в которых когда-то хранили урожай водуазские виноделы. Эти винные погреба сегодня тоже присоединены к винодельческому предприятию. В винном погребе семьи Лоран, тщательно отреставрированном, открыт ресторан. В погребе семьи Тевна сохранились бочки и памятная доска с автографом короля Румынии.

Предприятие экспортирует в Россию «вино швейцарских виноделов царя»: «В 2010 г. мы стали одним из самых важных винодельческих предприятий Украины. Чтобы сохранить память о прежних колонистах, мы создали музей и сняли фильм, посвященный истории швейцарской колонии», — рассказал Важа Иукурдидзе.



*Рис. 3. Почтовая открытка. Реформаторская церковь в Шабо. 1919 г.
Предоставлена О. Грива*

Но сложные отношения между русскими и украинцами тормозят экспорт в Россию, и экономическая ситуация фирмы нестабильна.

Было прекрасное воскресенье в начале сентября 2012 г., несколько дней спустя после окончания сбора винограда, когда группа швейцарцев из кантона Во приехала в Шабо. «Добро пожаловать в Шабо! Дом и винные погреба открыты для вас!» — так приветствовал швейцарских гостей директор предприятия Важа Иукуридзе. Около тридцати швейцарцев — потомков колонистов — были приглашены приехать на берег Черного моря за счет Украины, почетного консула России в Лозанне господина Фредерика Паульсена и директора предприятия Важи Иукуридзе.

«Мы бесконечно благодарны этим швейцарским виноделам, которые нам привезли основы культуры выращивания винограда и делания вина», — сказал Важа Иукуридзе. Чтобы отметить 225 лет основания колонии, он организовал большой праздник с инаугурацией святящегося фонтана и салютом. Фонтан Диониса устроен в сердце винных погребов Шабо. Он создан в память Луи-Венсена Тардана — первого колониста. На «Елисейских полях» Шабо были установлены панно со швейцарским крестом, чтобы увековечить память о невероятной одиссее этих виноделов. Герб колонии,

на котором изображен швейцарский крест, виноградная гроздь и голова быка, тоже присутствовал на многих панно.

Швейцарские гости посетили кладбище колонистов, расположенное выше деревни на холме. Оттуда открывается прекрасный вид на лиман. Важа Иукуруидзе в память о колонистах организовал установку стелы из черного мрамора, на которой сделана надпись на французском и на русском языках: «Основателям швейцарской колонии Шабо и их потомкам, похороненным в этом месте с 1822 по 1940 год». Под руководством государственного советника кантона Во госпожи Жаклин де Куаттро потомки «водузцев царя» возложили цветы к подножию этой стелы.

На церемонии присутствовали последние жители Шабо, которые еще живы. Это Труды Форне-Цвики. Ей было 8 лет, когда она уехала из деревни Шабо. Она — прямой потомок Анри Цвики.

В этой же группе — Клодетт Бовер-Тардан. Она — одна из прямых потомков Тардана. Она обнаружила, что в селе живет ее кузина Натали Майер-Лоран, которая была в советское время учительницей младших классов. Она — одна из редких потомков швейцарских колонистов, оставшихся в СССР.

Это Виолета, внучка последнего мэра колонии Давида Бессона. Она сейчас живет в Лозанне и приехала, чтобы увидеть дом своей матери Алисы. Дочь Бессона, Алис Бессон-Декомба, оставалась за железным занавесом до тех пор, пока не получила свой швейцарский паспорт в 1993 г., и только тогда она смогла приехать в страну своих предков.

Это Вальтер Гандер, известный профессор на пенсии Высшей федеральной политехнической школы в Цюрихе. Он искал дом своих предков, держа в руках план деревни 30-х гг.: «Но где же может находиться дом моих родственников Гандер?» Его жена Хайди хорошо знала эту историю, так как она написала в Цюрихском университете диссертацию о швейцарской колонии. Но дом его предков оказался разрушенным.

К сожалению, на церемонии не было еще одного водузца, Поля Тевна, случайно забытого в списке, составленном еще в Швейцарии. Тевна уже в пенсионном возрасте вернулся из Швейцарии, чтобы жить в Шабо. Он женился на украинке и сейчас живет на свою швейцарскую пенсию в маленьком доме в Шабо: «Здесь я как белая



Рис. 4. Центральная улица и реформаторская церковь. Дореволюционная фотография. Предоставлена О. Грива

ворона», — прокомментировал единственный и последний швейцарец из бывшей колонии гельветов. Ему был только год, когда его родители бежали от приближения Советской армии в августе 1944 г. «Со мной, ребенком, мои родители четыре года добирались до Швейцарии и проехали всю Европу, охваченную войной», — вспоминает Поль Тевна. «Какое-то время мы оставались в Австрии, и только потом обосновались в Швейцарии, в Рейнфельдене [Rheinfelden]. Затем нас поселили на Мон-Пелерен [Mont-Pèlerin] в здании, которое сегодня стало домом для престарелых. Затем отец нашел работу в механическом ателье в Веве на фабрике, где позднее я тоже работал».

Поль Тевна работал на почте в Монтрё до 1989 г. В этот год он принял решение уехать с берегов Лемана и поселиться на берегу днестровского лимана, где он женился на местной жительнице Светлане. Он не жалеет о своем выборе: «Здесь мне всего хватает, кроме, может быть, французского чтения и швейцарских телепередач. Мне нужно бы отрегулировать антенну-спутник, чтобы принимать программу TV5 Monde и подписаться на журнал “Science et

vié”, — рассказал пенсионер. Поль и Светлана материально обеспечены, но жалуются на безалаберность украинцев, которые «все бросают кое-как, а значит, администрации не хватает жесткости».

Во время ужина, на котором за одним столом сидели швейцарцы и украинцы, много тостов было произнесено за здоровье жителей Шабо. Важа Иукуридзе сказал еще об одной дани памяти швейцарским колонистам: он пригласил своих гостей приехать еще раз на инаугурацию церкви, восстанавливаемой в центре деревни, в двух шагах от винных погребов. «Я хорошо понимаю, что храм воздузских колонистов представляет собой символ для их потомков. Мы его отреставрируем и восстановим его колокольню в оригинальном виде. Затем мы также отреставрируем замок Ансельм, в котором жил один из потомков Луи-Венсена Тардана. Потом найдем и отреставрируем могилу основателя, место которой мы примерно знаем в саду его бывшего дома. Это мой способ отблагодарить воздузцев за то, что они вырастили здесь виноградники и развили виноделие на Украине».

В момент отъезда почетный консул России господин Фредерик Паульсен сказал в своей речи: «Хотя сейчас Шабо находится на территории Украины, оно является частью русского наследия, эти отношения между старой Россией и кантоном Во являются особенными. Для меня это большая радость — быть в состоянии сохранять это наследие».

Источники и литература

- Anselme A.* La colonie Suisse de Chabag (Bessarabie). Notice historique. 1822–1922. Cetetea-Alba: Imprimerie Le Progres, 1925.
- Bugnon.* La Bessarabie ancienne et moderne. Ouvrage Historique, Géographique et Statistique. Odessa, 1846.
- Gander L.* Histoire de la colonie de Chabag // Revue historique vaudoise. 1908. № 16. P. 115–125, 149–154.
- Givat O.* Les Vignerons suisses du Tsar. Chapelle-sur-Moudon: Ketty & Alexandre, 1993.
- Tardent J. L.* The Swiss-Australian Tardent Family History and Genealogy. Southport (Queensland, Australia), 1982; Генеалогический список Тарданов. URL: <http://www.tardent-history.info/Tardent%20Genealogy%20Original.pdf> (Дата обращения: 09.02.2019).

Изучение говора колонии Шабо¹

Данная статья посвящена истории изучения говора колонии Шабо с 1920-х по 1960-е гг.

Первым серьезным исследованием, содержащим несколько параграфов, посвященных языку колонистов, может по праву считаться книга Андре Ансельма «Швейцарская колония Шабо», вышедшая в 1925 г. Работа Ансельма, выпущенная тиражом в 300 экземпляров, сразу стала библиографической редкостью. Исследование это было посвящено 100-летию колонии, отмечавшемуся 10 ноября 1922 г. Ее историографическое значение трудно переоценить: по свидетельству М. А. Бородиной, Ансельм использовал архивные материалы, хранившиеся в колонии и навсегда утраченные во время Второй мировой войны. Мы в первую очередь остановимся на наблюдениях, записанных Андре Ансельмом, затем перейдем к статье лингвиста Василие Дуламанжу, опубликованной в 1939 г., и, наконец, обратимся к публикациям М. А. Бородиной, посетившей колонию в начале 1960-х гг.

Шабо как пример смешанной колонии

Географическое положение колонии Шабо способствовало формированию той специфической социолингвистической ситуации, в которой находились ее жители. В этом регионе на протяжении многих веков сосуществовали различные языковые сообщества: молдаване, греки, румыны и т. д. Дуламанжу приводит цитату

¹ Статья подготовлена в рамках проекта IZLZ1_164069/1 «History of Swiss communities on the Northern Black sea coast: linguistic and identity's issues» Швейцарского научного фонда.

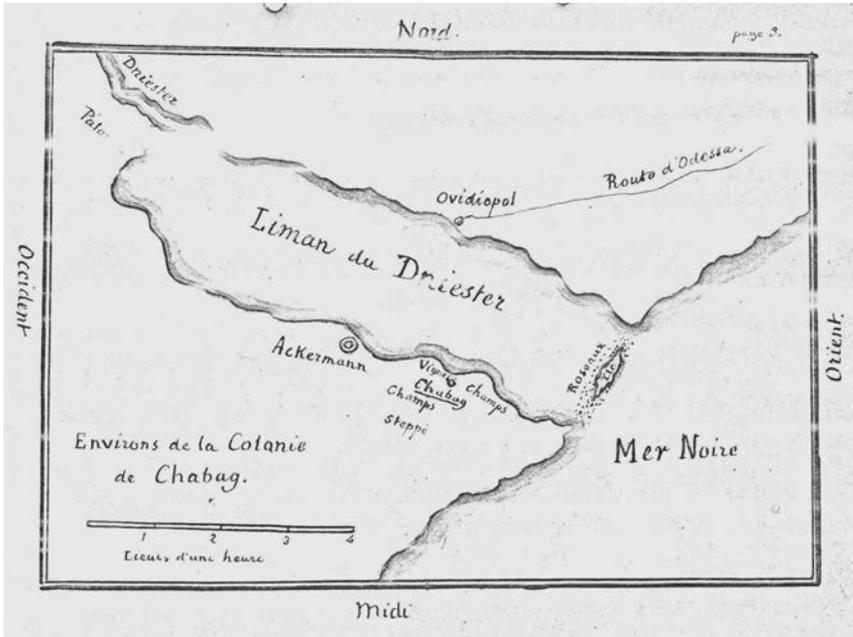


Рис. 1. Карта Шабо и окрестностей. Из книги Deloës С.Н.Д. Notice sur la colonie suisse de Chabag en Bessarabie dans la Russie Méridionale. Manuscrit, 1845, p. 2. Сайт ассоциации «Шабэг», Лозанна: <https://www.chabag.ch/index.html>

некоего Чобану, учителя из Кишинева и специалиста по истории Бессарабии: «Шабо представляло из себя молдавскую деревню, колонизированную французами» (1939: 12). Вскоре после основания колонии, около 1840 г., российское правительство пригласило недостающие двадцать семь швейцарско-немецких семей, и таким образом население колонии составило 60 семей — франкоговорящих швейцарцев и немцев.

«Население села Шабо состоит из французов, немцев и русских. Русская часть деревни, являясь ее продолжением, строго отделена от нее, и жители даже знают демаркацию. В десяти километрах отсюда находятся греческие и русские деревни».

По свидетельствам самих колонистов, будучи хорошо принятыми коренным населением, они достаточно быстро освоились в чужой стране, изучили ее язык, приобщились к местной культуре.

Вскоре они уже чувствовали себя как дома. Смешанными были также почти все соседние колонии. Следует отметить, что вышеприведенные обстоятельства оказали влияние не только на язык колонистов. Длившееся более века существование в русскоязычной среде оставило глубокий отпечаток на их манерах и характере. Тардан писал: «Наши намерения всегда состоят в том, чтобы жить в мире со всеми, и особенно с теми, с кем судьба сделала нас соседями: действительно, кто бы не был другом этих молдавских крестьян, которым недостает лишь образования и больше активности на работе».

Более реалистичную, на наш взгляд, картину, рисует Л. Гандер: «Поселенцы боролись против местных землевладельцев <...>. Эта враждебность угрожала эмигрантам, пока число поселенцев не увеличилось до того, что они больше не боятся врагов».

Нелестные сведения Ансельм сообщает и о соседях шабовцев. Так, он сообщает, что среди уроженцев той области много бродяг. Очень распространено было в Шабо воровство, особенно кражи лошадей, которые сильно удручали поселенцев.

Непросто складывались также и отношения первых колонистов Шабо с местными властями. Тардан сообщает о том, что полиция г. Аккермана, к которой колонисты вынуждены постоянно прибегать, чаще всего насмехается над ними и не оказывает никакого содействия.

Вот что пишет Ансельм о языке, или языках, колонии: «Родной язык употреблялся все меньше и меньше. Сегодня большинство поселенцев владеют им в недостаточной мере, и любой разговор, начатый на французском или немецком языке, обычно заканчивается по-русски».

В конце 1920-х гг. колонию посещает В.Ф. Шишмарев, филолог-романист, автор монументального труда о романских поселениях на Юге России. В то время колония насчитывала 211 семей и тысячу человек, 30 из которых были гражданами Швейцарии. Шишмарев характеризует 1920-е гг. как эпоху языковой «реакции», которая оказала значительное влияние на немецкоязычное население. Напомним, что в 1918 г. Бессарабия вошла в состав Румынии. В 1920 г. была создана культурная ассоциация франкоязычных поселенцев. Однако, по свидетельству ученого, «с точки зрения организационной французы слабее своих немецких соседей» (там же: 143). Тем не менее, в эти годы был создан кружок для



*Рис. 2. Вид хозяйства винодела
Адольфа Курца. Шабо.
1930-е гг. Предоставлено
Verein der Bessarabiendeutschen
und Heimatmuseum*



*Рис. 3. Сушка сена. Хозяйство
Рудольфа Штолера. Шабо.
1930-е гг. Предоставлено
Verein der Bessarabiendeutschen
und Heimatmuseum*

распространения французской культуры и поселенцы стали получать газеты на французском языке.

Что касается исследования языка колонистов, наблюдения Шишмарева носят социолингвистический характер. Во-первых, Шишмарев констатирует тот факт, что, как видно из перечня колонистов, поселившихся в Шабо, романский элемент среди них преобладал. В течение продолжительного времени французский язык занимал господствующее положение. На нем поселенцы говорили между собой. Говор кантона Во (или патуа — фр. «patois») быстро отмирал, как отмирал он в протестантских кантонах самой Швейцарии. Общефранцузским языком они пользовались в своих официальных обращениях к правительственным органам. На французском языке переписывались с ними и представители власти, пишет автор.

«Школа оттеснила диалект, на котором прежде говорили все, а позднее им пользовались преимущественно представители старшего поколения. Их дети, утратив знание его и усвоив в школе книжный французский язык, но не в достаточной мере французскую культуру, тем легче уступили к влиянию языка русского и русской культуры. То же следует сказать и о немцах. В 1925 г. поселенцы в Старом Шабо в очень несовершенной мере владели родным языком и в разговоре, начатом по-французски или по-немецки, охотно переходят на русский».



Рис. 4. Усадьба семьи Марго до 1895 г. Шабо, ул. Инзова, 5. Рисунок Поля Марго. Сайт ассоциации «Шабэг», Лозанна: <https://www.chabag.ch>

Обратимся к статье Василе Дуламанжу, написанной в 1939 г., т.е. незадолго до массовой эмиграции колонистов. Автор особое внимание уделял не только языку, но и нравам и стилю жизни шабовцев. Автор отмечает такую деталь, как стиль одежды колонистов: «Любопытно отметить, что одеждой сегодняшние жители Шабо ничем не отличаются от других». А между тем известно, что в начале своего пребывания они отдавали предпочтение швейцарской одежде. Любопытно отметить, что Ансельм также в своем труде 1925 г. уделял особое внимание их типу одежды как одной из особенностей культуры колонистов:

Тогда женщины не имели представления об элегантности. Все они носили самые простые платья, белые плиссированные юбки, белые чулки, кожаные или тканевые ботиночки без каблука и без пуговиц. Элегантность их проявлялась только в шали. Мужчины же носили жабо и манжеты.

Ниже автор приводит несколько замечаний о характере и стиле жизни колонистов:

«Как было сказано выше, их манеры и характер поменялись под влиянием жизни в России, прежние швейцарцы изменились до неузнаваемости. Влияние города наложило свой отпечаток также и на их деревенскую жизнь. Их основным занятием является виноградарство. Вина Шабо пользуются известностью. Их религия — протестантизм. Сам внешний вид села доказывает, что они хорошо дисциплинированы и упорядочены. Дома и конюшни здесь чистые и просторные; вдали виднеются плантации деревьев, зеленеют сады. Станы домов побелены. Тротуары засажены деревьями. В деревне имеется культурная организация. Тут ставят пьесы на французском, русском, немецком и даже румынском языках. Частью традиции является так называемый ежегодный «пикник», организуемый на Троицу, когда все колонисты собираются на праздник в степи, и на котором жарят ягнятину».

В своей статье Дуламанджу преследовал цель «изучить происхождение поселенцев и их язык». Автор рассказывает о том, что в первые годы колонии швейцарцы жили изолированно, смешанных браков не было, в связи с чем языковые традиции сохранялись хорошо. В 1829 г. в Шабо была основана сначала приходская школа, а затем и гимназия. Поначалу поселенцы сами учили своих детей французскому, а позже стали приглашать учителей из Швейцарии.

Отмечается тот факт, что в течение длительного времени делопроизводство в колонии велось на французском языке. Лишь при Александре II колония была подчинена общим законам администрации Российской империи. Еще в 1861 г., при Александре II, преподавание в школе велось на русском языке. Итак, до 1870 г. колония была «французской», населенной только франкоговорящими швейцарцами, хотя в нее входило и несколько немцев. Всякий раз, когда поселенцы получали официальную корреспонденцию на русском или немецком языке, они отвечали так: «Эти немецкие документы, которые вы нам отправляете, мы их не понимаем». Автор выделяет два фактора, пагубно сказавшихся на сохранении французского языка — это подчинение законам Российской империи и введение воинской повинности (в 1874 г.).

Напомним, что среди колонистов были также россияне, украинцы, молдаване, что приводило к фактическому использованию пяти языков одновременно. Параллельно с этим смешанные браки, все более частые, приводили к потере языковых традиций, как французских, так и немецких. На столетие колонии в 1922 г. большинство колонистов знали французский язык плохо.

После Первой мировой войны Бессарабия отходит к Румынии, и для поселенцев села Шабо начинается новая жизнь. Их связи со Швейцарией становятся все теснее. В Шабо прибывают даже учителя из Швейцарии, они учат детей французскому языку. Румынский также изучается как государственный язык. Они получают французские книги. В Шабо открывается также филиал «Альянс Франсэз». Швейцарский министр в Бухаресте и французский консул в Галатце всячески способствуют сохранению среди колонистов французского языка. Благодаря их усилиям колонисты наконец могут регулярно получать швейцарские газеты. Создается также кружок чтения, целью которого является распространение французского языка. Члены кружка встречаются каждую субботу и имеют возможность правильно говорить по-французски. (Dulamangiu 1939: 16) Благодаря всем этим мерам процесс забывания французского языка и говора Шабо в некоторой степени замедлился, но остановить его было уже невозможно.

Дуламанджу выделяет три характерные черты говора колонистов Шабо:

1. Первоначально в Шабо говорили на говоре кантона Во (патуа).
2. Русский язык и контакт с русским населением повлияли на речь поселенцев.
3. Сегодня жители Шабо говорят на французском языке, хоть и не совсем литературном.

В качестве доказательства первого из этих фактов Дуламанджу ссылается на присутствие в речи колонистов «старых выражений кантона Во». Автор уточняет, что «выражения эти используются столь редко, что едва ли можно распознать диалект кантона Во».

Основываясь на данных диалектологии, Дуламанджу предпринимает попытку классифицировать данные выражения с точки зрения их географического происхождения. Некоторые из них

засвидетельствованы в Словаре швейцарских говоров и в Лингвистическом атласе Франции. А напротив некоторых автор ставит пометку «происхождение неизвестно». Список этих выражений, представленный в алфавитном порядке, содержит как сами слова, так и комментарии об их происхождении.

В наши дни, пишет автор, данные выражения и слова используются редко, что служит доказательством того факта, что говор находится под угрозой вымирания. Но сам факт их употребления доказывает, что изначально язык колонистов представлял собой говор кантона Во. Дуламанджу предлагает историческое объяснение описанных лингвистических фактов, которое приводит его к следующему выводу:

«Таким образом, лингвистические факты только подтверждают исторические сведения, касающиеся происхождения поселенцев Шабо. Теперь нам остается установить, какие изменения этот язык претерпел с момента прибытия поселенцев и до сегодняшнего дня. Здесь мы должны рассмотреть изменения, связанные с влиянием литературного французского языка, и изменения, обусловленные влиянием соседних языков».

Дуламанжу делает попытку проследить, как именно проходит процесс забвения родного языка в настоящий момент, т.е. в конце 1930-х гг. Особенное внимание автор уделяет влиянию такого фактора, как смена поколений. «Приходя из школы домой, школьники наверняка читают русские книги своим родителям и переводят их на французский язык. Этим и объясняются изменения в области стиля речи и синтаксиса. Этим можно объяснить такое явление, как употребление прилагательных перед существительными, как в русском языке».

Дуламанжу приводит многочисленные примеры смешения языков, которые по большей части относятся к лексическим заимствованиям. Этим фактором автор предлагает объяснять неологизмы в языке Шабо. Так, вместо слова «баклажан» жители Шабо говорят «синий помидор» — как в местном говоре русского языка (синенький). Приводится также пример слова *дядя* в значении «мужчина» и «дядя» и *тйотья* в значении тети или даже дамы. Клички собак — *Жучка*, лошадей *Маруся* — также имеют русское происхождение.

Дуламанжу считает любопытным тот факт, что влияние молдавского языка ничтожно мало. Автор отмечает лишь одно молдавское выражение — «рара нигра», обозначающее сорт винограда, а также выражение («бате тоба»). Выражение *quique*, что означает «быть серым», хотя оно выглядит как молдавское происхождение, потому что слово «Sik» в молдавском означает что-то кричащее, остается скорее французского происхождения. Само румынское влияние является недавним, заключает автор. Приведем вывод автора:

Каковы результаты такого развития языка? Внешне язык этот напоминает французский говор (патуа). Но жители Шабо все больше и больше пытаются говорить по-французски правильно, и это позволяет им утверждать, что они сохранили свой язык, который изначально представлял собой патуа. Также можно признать, что первые поселенцы, приехавшие в Шабо, уже говорили по-французски, и что даже среди них патуа был под угрозой. Это и неудивительно, поскольку в настоящее время все французские патуа более или менее вымерли.

Таким образом, Дуламанжу впервые обращает внимание на фактор, о котором не упоминали другие исследователи: это конкуренция между французским языком и патуа. Вот как пишет Дуламанжу: «Согласно историческим датам и языковым условиям, нетрудно сделать вывод, что благодаря французскому они забыли свой патуа».

Тридцать лет спустя, в 1959 г., Шабо посещает М. А. Бородина в рамках лингвистической экспедиции, имевшей цель изучить и описать говор Шабо. Первоочередной задачей является исследовать эволюцию говора Шабо с конца 1920-х гг., т. е. со времени экспедиции Шишмарева. Черновые записи об этой экспедиции хранятся в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии Наук.

М. А. Бородина — романист с мировым именем, специалист по ретороманскому языку. Принимала участие в диалектологических исследованиях романских языков на территории Советского Союза. В лингвистике Бородина продолжила традицию изучения диалектов и составления лингвистическими атласами.

Бородина выделяет особое значение изучения говоров таких деревень, как Шабо.

Эти несколько слов об истории колонии, о которой идет речь, уже показывают, что эта группа поселенцев просуществовала в течение более чем ста лет в состоянии изоляции от общего развития французского языка; более того, в двадцатом XX веке, а возможно и раньше, многие жители Шабо говорили на четырех языках — русском, французском, немецком и румынском — некоторые из них еще и по-украински и по-молдавски. Известно, какой интерес для лингвиста и диалектолога, особенно для изучения островков, изолированных от всего развития языка.

В Шабо всего несколько человек все еще говорят на этом говоре. После немецкой оккупации большинство поселенцев покинули деревню. Тем не менее Шабо сохранило некоторые следы существования некогда процветающей колонии. Это и некоторые черты архитектуры, как то определенный тип строений, очень отличных от строений в Шабо-Посаде, — высокие и длинные здания из красного кирпича. Большинство из них были уничтожены во время войны. В некоторых домах еще сохранились различные предметы, связанные с виноградарством и виноделием, которые отличаются от тех, которые используются местным населением, как по имени, так и по форме.

Что касается говора Шабо, Бородина отмечает, что большинство поселенцев полностью ассимилировались с коренным населением и либо вообще не знают французский язык, либо помнят лишь несколько отдельных слов. Только члены семьи Доньи используют свой родной язык в каждодневной жизни, и этот язык сохраняет некоторые лексические и фонетические особенности диалектного и регионального языка кантона Во.

Интересную информацию находим в черновых заметках Бородиной. До войны, пишет автор, жители деревни посещали школу на французском языке. Они помнят, что их учитель, г-н Аннен, рассказывал им о том, что его собственные дети, вернувшись в Швейцарию, не понимали стандартного французского языка, настолько их родной говор, на котором они говорили в Шабо, отличался от него.

Итак, по сведениям Бородиной, еще в 1940 году большинство колонистов покинуло свою территорию, и лишь несколько семейств осталось жить на ставшей им родной земле. Среди них отдельные

люди еще помнят свой родной язык, но лишь одна семья, благодаря несмешанному браку, полностью сохраняет языковые традиции и по сей день. Язык этой семьи был изучен автором во время поездки в Шабо в 1959–1961 гг.

В Фонде Бородиной также имеется копия статьи Дуламанжу с рукописными заметками Бородиной. Эти замечания — самые ценные для нас сведения об эволюции говора Шабо за тридцать лет. Так, автор рассматривает список из 49 лексем и предложений, собранных Дуламанжу, чтобы проверить, знают ли их местные жители. Вот результат опроса: некоторые из этих лексем все еще используются, а другая часть поселенцам неизвестна. И наоборот, некоторые из особенностей языка, которые описывает Бородина, отсутствуют в материалах, представленных Дуламанжу. В особенности это относится к в словарию, связанному с виноградарством.

Это исследование заслуживает особенное внимание. Результаты данного исследования были опубликованы в статье «Термины виноградарства и виноделия в говоре Шабо», опубликованной на русском языке в молдавском научном журнале в 1963 г. Информантами М. А. Бородиной были два «швейцарских француза», Альфред Дони, 52 года, и его жена Сесиль Дони, 51 год. Отец Альфреда был франкоязычным швейцарцем, а его мать была немкой. Оба родителя Сесиль были франкоязычными швейцарцами. Оба закончили 4 класса школы, которая в то время была обязательной. Они говорили, писали и читали на французском, русском, немецком, украинском и молдавском языках. Альфред был сотрудником винсовхоза, Сесиль была домохозяйкой.

Для проведения своего исследования Бородина пользовалась анкетой, разработанный для рассматриваемого обзора, под названием «Виноградник, вино», включающей в общей сложности 38 вопросов. Вот что сообщает автор в другой публикации, где также затрагиваются результаты данного исследования.

В данном расследовании мы столкнулись с рядом трудностей. С 1940 г. семья Дони живет вне сообщества, говорящего на их родном языке. И хотя Сесиль и Альфред иногда говорят по-французски, они постепенно забывают свой язык, а точнее, их французский обрусевает, количество русизмов, как случайных, так и постоянных, постоянно увеличивается. Основная трудность в изучении

диалектных особенностей языка Дони обусловлена тем, что почти 140 лет назад поселенцы покинули кантон Во.

Слова, на которых основывалась анкета, спрашивались на русском языке. Иногда Бородина и шабовцы отправлялись в виноградник, чтобы иметь возможность видеть предметы, о которых идет речь, поскольку это как раз была пора сбора винограда. В других случаях приходилось показывать рисунки соответствующих предметов на иллюстрациях в приложениях к «Лингвистическому атласу Лионской области». Опрос проводился в 1959 г. два раза в течение нескольких дней. Значения и употребление определенных слов иногда уточнялись позже, в приватной беседе. Наконец, в 1960–1961 гг. были записаны некоторые недостающие дополнительные сведения. Каков же результат этого опроса? Приведем выводы М. А. Бородиной.

1. Несмотря на то, что в семье, которая была обследована, язык лучше сохранился у женщин (у Сесиль и ее дочери Алисы), Альфред сообщил больше терминов, чем Сесиль.

2. В семи вопросах употребляют литературное слово: *sarment, tonnelet, bouteille, pressoir, presser, vendanger, vendangeur*, так же, как во Франции.

3. В двух случаях французы употребляют областной термин, колонисты — литературное слово. В карте 220 *le chantier* шабовцы употребляют переосмысленное слово французского литературного языка.

4. Во многих вопросах засвидетельствованы региональные слова, совпадающие с терминами, отмеченными в ALL.

5. Шабовцы заимствуют термины других языков: из русского — *ведро, цыбуз* (вариант литературного *чубук*), *хазман, кановка, тарна*; из немецкого — *легерфас*, из молдавского — *декалитр*.

М. А. Бородина оставила несколько замечаний, касающихся таких тем, как двуязычие и идентичность.

«Некогда французская (sic!), колония постепенно становилась двуязычной, колонисты все больше отдавали предпочтение русскому языку, т. е. языку, на котором они говорили все больше и больше,

и на котором они предпочитали учиться. Школа вытеснила использование родного диалекта: если первоначально на нем говорили все поселенцы, после на нем говорили только пожилые люди. Их дети полностью утратили его и, изучив хороший французский язык в школе без достаточной ассимиляции французской культуры, поддались влиянию русского языка и русской культуры».

Интересно сравнение социолингвистической ситуации Шабо с эволюцией «советских» и «румьнских» колоний, франкоязычных колоний, расположенных на другом берегу Днестра и отошедших Советской России в 1918 г. Итак, поселенцы из Шабо, переселившиеся в соседние колонии, и которые остались в тех же культурных условиях, пошли по тому же пути, что и до Первой мировой войны. Они полностью забыли свой диалект (в Основе только один старик говорил на нем в 1920-х гг). Французский язык как язык повседневной коммуникации сохраняется только в очень небольшом количестве семей, в основном среди старшего поколения. Люди в возрасте от тридцати до сорока пяти лет обычно говорят по-русски, французским они владеют в разной степени. Их дети не говорят на нем или не понимают. У старшего поколения была возможность восполнить пробелы в знаниях французского языка, будь то в школе или на частных уроках. У молодого поколения этого шанса не было. Занятия в школе велись на русском языке, и поэтому дети говорили только по-русски. Исключение составляют семьи, где дети все еще могут слышать этот язык.

В колониях на этом берегу Днестра никогда не было французской библиотеки. Редкие книги на французском языке, купленные до 1914 г., были в частных библиотеках. В начале 1930-х гг. поселенцы читали газеты на русском и украинском языках. Неудивительно, что французский, как и в Фундуклах, полностью исчезает, о чем свидетельствует Шишмарев. Из этих двух примеров видно, что политическая ситуация иногда определяет судьбы языков.

Итак, с точки зрения многих исследователей говора Шабо, говор данной колонии представляет собой типичный случай так называемого «островного говора» — говора, развивавшегося в отрыве от основного ареала распространения французского языка. Именно в этом и заключается исключительное значение его для

романистики. В говоре сохранились некоторые явления, которые полностью исчезли на территории основного ареала, и наоборот, под влиянием соседних языков возникли явления, незасвидетельствованные нигде более. Наконец, своими исследованиями ученые указали на роль языка как фактора национальной идентичности.

Источники и литература

- Anselme A.* La colonie Suisse de Chaba (Bessarabie). Notice historique, 1822–1922. Cetetea-Alba, 1925.
- Bugnion F.L.* La Bessarabie ancienne et moderne. Ouvrage historique, géographique et statistique. Lausanne – Odessa: éd. G. Bridel et Villetti, 1846.
- Dulamangiu V.* La population et le langage de Chabag // Arhiva, Jaši. 1939. № 1–2. P. 127–138.
- Gander L.* Histoire de la colonie de Chabag // Revue historique vaudoise. 1908. Vol. 16. P. 115–125, 149–154.
- Бородина М. А.* Le parler de Chabag // Revue des langues romanes. XXVII. 1962. № 107–108. P. 470–480.
- Бородина М. А.* Термины виноградарства и виноделия в говоре Шабо // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1963. С. 33–40.
- Бородина М. А.* О французской колонии Шабо // Шишмарев В. Ф. Романские поселения на Юге России. Л., 1975. С. 184–192.
- Шишмарев В. Ф.* Швейцарское поселение в Шабо // Романские поселения на Юге России. Л., 1975. С. 136–146.

«In un circo di belve feroci»¹
(дневник Микеле Раджи, основателя
итало-швейцарской аграрной колонии
«Святой Николай»)

*[...] si direbbe che in Russia v'è la rivoluzione in terra e in cielo*².

Michele Raggi

В революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд. <...> Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека.

Николай Бердяев. Духи русской революции

В данной статье речь пойдет о дневнике швейцарского эмигранта из кантона Тичино — Микеле Раджи (1854–1919), уроженца города Моркоте. Дневник, написанный в период с 22 марта 1918 г. по 25 января 1919 г., повествует о трагических событиях Гражданской войны в России. Эти события повлекли за собой ряд обстоятельств, из-за которых Микеле Раджи и его семья вынуждены были оставить итало-швейцарскую аграрную колонию «Святой Николай», основанную им в районе Кавказских Минеральных Вод.

Дневник был случайно найден правнуком и тезкой покойного Микеле Раджи в шкафу в запылившейся коробке из-под обуви. Он был впервые издан в Швейцарии в 1995 г. под редакцией друга

¹ «В цирке свирепых зверей» (*Cheda, Raggi*, 1995, р. 188). Если далее не указано иначе, перевод с итальянского языка выполнен автором статьи.

² *Ibid.*, р. 128; <...> словно революция в России разлилась как на земле, так и на небе.

семьи — писателя Джорджо Кеда в книге «Из России без любви» [Dalla Russia senza amore]. Как явствует из названия данной книги, Микеле Раджи описывает последние годы своего пребывания в России в состоянии ужаса от происходящего. В январе 1919 г. Микеле Раджи вынужден был бросить все, что было нажито трудом и любовью к своему делу, и покинуть Россию, так как его собственная жизнь и жизнь всей его семьи оказались под угрозой. Ему удалось уехать, спастись от этого, по словам Раджи, «извергающегося вулкана» при помощи *Белой армии*.

Согласно данным исследования группы ученых под руководством профессора Карстена Герке (Цюрихский университет), число эмигрантов из Швейцарии, вернувшихся на родину непосредственно в послереволюционные годы, достигает восьми тысяч человек³. Таким образом, дневник Раджи является одним из свидетельств эпилога швейцарской иммиграции в России.

Эмиграция швейцарцев из кантона Тичино в Россию

Прежде чем перейти к анализу содержания дневника, следует обозначить масштабы миграционного потока из итальянской Швейцарии в Россию.

Итало-швейцарская колония близ Пятигорска и Темпельгофа, основанная Микеле Раджи, а также другими семьями из швейцарского города Моркоте (семьи Палеари, Рестелли, Массари) и итальянского города Альбиоло (семьи Чивелли, Броджи, Раина, Ларги), не являлась единственным примером аграрной колонизации в России. В настоящее время уже достаточно известны швейцарские колонии Цюрихталь в Крыму и Шабо в Одесской области. Дневник Микеле Раджи позволяет узнать о существовании еще одной аграрной колонии, основанной швейцарцами-итальянцами — колонии «Святой Николай».

Еще Екатерина II подготовила благодатную законодательную почву для переезда иностранцев в Россию. Изданный Екатериной II в 1763 г. Манифест «О дозволении всем иностранцам,

³ *Bühler et al.*, 1983, p. 84.

въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах», распечатанный на русском, французском, немецком и английском языках, поощрял заселение малонаселенных районов необъятной территории Российской империи колонистами из стран Европы. Благодаря этому манифесту, немцы, французы, итальянцы, а также и швейцарцы могли пользоваться различными привилегиями, как то: свобода выбора места поселения и свобода вероисповедания, освобождение от уплаты государству налогов на несколько лет и освобождение от рекрутской повинности, а также разрешение на торговлю и беспошлинный вывоз товаров за пределы Российской империи. Условия в целом способствовали переселению из Европы опытных земледельцев.

Этому массовому переселению предшествовала индивидуальная эмиграция, которая сформировалась гораздо раньше: уже в начале XVIII в. Петр I пригласил иноземных архитекторов, мастеров каменных дел и других ремесленников для участия в градостроительстве. Так, наиболее известным архитектором Санкт-Петербурга стал Доменико Трезини (1670–1734), уроженец кантона Тичино. В 1703 г. Трезини подписал контракт о службе Его Императорскому Величеству. Позднее «*Bâtissomanie*»⁴ Екатерины II, а затем, уже в XIX в., испепеливший Москву наполеоновский пожар явились причинами массового присутствия швейцарских архитекторов, приглашенных для строительства роскошных дворцов или оборонительных сооружений. Архитекторы Адамини, Жилярди, Монигетти, Висконти, Руска, Бернаскони, братья Бернардацци — вот лишь некоторые имена, которые связывали на протяжении более двух столетий вплоть до революции 1917 г. берега озер кантона Тичино и города Российской империи.

По подсчетам вышеупомянутой исследовательской группы ученых Цюрихского университета, в период с конца XVII в. до Октябрьской революции из Швейцарии в Россию эмигрировали 21 000–23 000 профессионалов⁵. Кроме того, исследователи

⁴ Термин заимствован у *Navone*, 2017, p. 11.

⁵ *Collmer*, 2001, p. 11.

выявили ярко выраженную связь между профессией эмигрантов и определенным кантоном. Так, из кантона Тичино были востребованы в основном архитекторы и мастера каменных дел; из кантона Граубюнден — кондитеры, а представители кантона Аппенцель работали чаще всего в текстильной промышленности⁶. Решение эмигрантов уехать из Швейцарии не было продиктовано нуждой или скудными условиями их жизни: высококвалифицированные профессионалы, обладающие особыми, порой уникальными знаниями, приглашались в Россию на выгодных условиях⁷. Именно поэтому эмиграцию из кантона Тичино в Россию принято также называть «аристократией эмиграции»⁸.

Микеле Раджи и его дневник: 22 марта 1918 г. — 25 января 1919 г.

Вернемся непосредственно к дневнику. Свою первую запись Микеле Раджи заносит в дневник 22 марта 1918 г. При этом автор сожалеет о том, что не принялся вести дневник ранее.

В этот день Раджи отметил, что основная масса, которую произшедшая революция освободила «от цепей векового рабства», «ослепленная классовою ненавистью и подстрекаемая демагогами», ставила теперь перед собой единственными целями повсеместный «грабеж и разрушение»⁹. Автор сохранил данную повествовательную линию — разочарования и выраженного негодования — на протяжении всего дневника.

Микеле Раджи переживал за сохранность своих записей. Он прятал их в походной трости. Вести такие записи было опасно: ожидать расстрела или другой расправы можно было и без повода, а контрреволюционное содержание страниц дневника, обличающих безвластие, могло стать не просто предлогом, а серьезным обвинением его автора в контрреволюции.

⁶ Ibid., p. 11

⁷ Ibid., p. 362.

⁸ Navone, 2010, p. 13.

⁹ Cheda, Raggi, 1995, p. 99.

К счастью, дневник уцелел. Хронологически следующие друг за другом почти ежедневные заметки изложены автором в точной, почти репортажной форме. Очевидно, именно из-за желания забыть те страдания, которые пришлось пережить семье Раджи во время Гражданской войны, никто из родственников, знающих о существовании дневника, никогда и словом не обмолвился о нем.

Здесь следует отметить, как зачастую автобиографические этюды — фрагменты дневника, подобно обрывистым кадрам выцветшей от времени киноплёнки, содержат описание отдельных произошедших событий. Эти описания сопровождаются в дневнике откровенными и глубокими переживаниями. Именно благодаря подобному доверительному тону повествования, переплетению субъективного и объективного событийных планов, изобразительно-эмотивной окраске и насыщенности употребляемых эпитетов, восприятие исторических фактов со стороны читателя становится более участливым, а описанные события — почти осязаемыми.

Так, например, забегаая вперед, укажем, что в дневнике Микеле Раджи отголоски убийства немецкого посла Вильгельма фон Мирбаха, произошедшего 6 июля 1918 г. в Москве, или покушение 30 августа 1918 г. Фанни Каплан на Ленина в Москве, вследствие которого в стране был объявлен беспощадный *красный террор*, приобретают иную валентность, отличную от безучастного изложения тех же событий в учебниках истории. Строки дневника, в которых Раджи упоминает добровольческую армию генерала Корнилова или известия о полковнике Шкуро, преисполнены надежды автора на скорое спасение. Напротив же, известие о самоубийстве генерала Каледина означает ее очередное угасание.

Микеле Раджи, в соответствии со своими душевными переживаниями, не скупится на резкие высказывания по отношению к *красным* — красноармейцам и к распоясавшимся крестьянам, которых он называет, без эвфемизмов, то просто неодобрительно «бандитами», «варварами», «ростовщиками», «спекулянтами» или «лжецами», а то и «животными», «сборищем негодяев», «сбродом», «саранчой», «мошенниками», «ворами», «пьяницами» и т. д. Не скрывая своего искреннего негодования и неприязни к происходящему, автор сокращает дистанцию между собой и читателем, вызывая сопереживание.

Основание и жизнь швейцарской колонии «Святой Николай». 1897–1918 гг.

Итало-швейцарская колония «Святой Николай» была основана в конце XIX в. у подножия горы Верблюд, в районе Кавказских Минеральных Вод. На тот момент Россия переживала стремительный аграрно-индустриальный подъем. Об экономическом процветании страны писал в письмах двоюродный брат Микеле Джузеппе Раджи, приглашая его переехать в Россию и считая, что Микеле сможет применить в России все свои знания по выращиванию винограда, винопроизводству и садоводству.

О том, как Микеле Раджи переехал в Россию и на каких условиях была основана эта колония, мы узнаем из послесловия к дневнику, в котором внучка Микеле, Жанна Лебедев-Раджи, родившаяся еще в России 19 марта 1909 г., вспоминает: «По приглашению двоюродного брата Джузеппе Раджи, которому требовалась помощь в гостинице, наши дедушка, бабушка, отец и брат отправились в 1895 г. в Россию, в Боржом. <...> Среди постояльцев гостиницы родители отца познакомилась с управляющим делами князя Николая Николаевича, который распоряжался землями на Кавказе в районе Минеральных Вод. Таким образом, вместе с друзьями из Моркоте и Альбиоло, они приняли решение основать на Кавказе у подножия горы Верблюд, между городами Темпельгоф и Пятигорск, итало-швейцарскую колонию. Купили земли¹⁰, и, так как местность была там степная, им пришлось обрабатывать почву. Там, где ничего не было, они построили дома, конюшни, винные погреба, посадили виноградники и фруктовые деревья, разбили сады и огороды: земли были очень плодородными. Построили ресторан, который в теплое время года наполнялся русскими и иностранными туристами, приезжавшими на запряженных конями каретах (тройках), а порой даже на первых, только что появившихся автомобилях. В ресторане мы подавали вина нашего производства, наши фрукты, овощи, изумительно вкусную спаржу, мясные и колбасные деликатесы, птицу и т. д. <...>. Вина, а также иные продукты отправлялись в Москву, Пе-

¹⁰ Согласно информации, которую предлагает Джорджо Кеда в предисловии к Дневнику, земли были отданы колонистам в аренду в соответствии с составленным в ноябре 1896 г. договором (*Cheda, Raggi*, 1995, p. 58).

троград и другие города. В 1906 г. на экспозиции в Милане наша продукция завоевала медаль и кубок. Наше хозяйство было хорошо оснащено довольно современной, передовой техникой. Кроме прочего, это был регион, где в изобилии водилась дичь, зайцы, кабаны, куропатки, фазаны и т.д. Отец был отличным охотником»¹¹.



Рис. 1. Вид на гору Верблюд около Минеральных Вод

В интервью, записанном в документальной радиопередаче Миреллы Де Парис, «Nostalgia di San Nicola» (1997 г.), Жанна Раджи с сожалением вспоминает, что земли у подножия горы Верблюд были настолько плодородными, что сажать можно было не картофель, а «кожуру от него», и все, на удивление, давало побеги. С ее слов, нигде они так хорошо не жили, как тогда в России.

Итак, в 1896 г. Микеле Раджи вместе с супругой Анжеликой Кауфман из Люцерна, правнучкой известной художницы, и с детьми прибыли на новое место около Пятигорска. Поблизости была расположена немецкая колония Темпельгоф, где уже выращивали различные сорта винограда, отвечающие вкусу царского двора: мускат, сильванер, каберне, пино, шасла, траминер, рислинг.

В ноябре 1896 г. Микеле Раджи подписал договор аренды на срок в 24 года, который начинался в октябре 1897 г. По истечении этого срока земли, принадлежавшие великому князю Николаю Николаевичу, должны были перейти в собственность переселенцев. Согласно одному из главных условий договора, арендатор должен был в течение пяти лет засадить виноградом по меньшей мере одну десятую общей арендуемой площади. Усилиями Микеле Раджи это условие было выполнено.

Из предисловия писателя Джорджо Кеды к дневнику мы узнаем, что вместе с семьей Раджи в колонии жили такие семьи, как Паллари, Рестелли, Массари из Моркоте и Чивелли, Броджи, Раина,

¹¹ Ibid., p. 235.



Рис. 2. Дом Микеле Раджи

Ларги из итальянского города Альбиоло.

Джорджо Кеда отмечает, что «эти швейцарцы и представить себе не могли, что плоды их труда будут уничтожены разрушительной манией теоретиков абстрактной идеологии, созревшей преимущественно в университетских библиотеках Женевы и Цюриха»¹².

Винодельческая деятельность итало-швейцарской колонии «Святой Николай» продолжалась около двадцати лет. Из дневника мы узнаем, как протекала жизнь в этой процветающей колонии.

11 июля 1918 г.

«В прошлом, в теплое время года сюда съезжалось на экскурсию с близлежащих курортов самое избранное общество. Иноземная колония, благодаря своей самобытности, была особой достопримечательностью на Кавказе и вызывала интерес состоятельного и интеллигентного русского общества. Хорошо организованный нами деревенский ресторан, где можно было отведать отменной итальянской кухни и попробовать изысканные вина нашего производства, ежедневно привлекал сотни путешественников, приехавших в своих экипажах, на автомобилях и верхом. Отсюда с нашего плоскогорья, кроме прочего, открывается завораживающая панорама на исполинский горный Кавказский хребет, посреди которого величественно возвышается Эльбрус, покрытый ледниками и вечными снегами, высочайшая вершина Европы — настоящая отрада для глаз»¹³.

В эту пору никто не мог предвидеть, насколько трагическим станет ее исход.

¹² Ibid., p. 43.

¹³ Ibid., p. 152.

Трагическая судьба колонии. 1918 г.

В самом дневнике повествование о событиях резко отличается своим настроением от воспоминаний внучки. Кровопролитная война, разразившаяся в те годы в России, уготовила колонии совсем иную судьбу, отличную от той, о которой думали ее основатели.

Микеле Раджи фиксирует в дневнике все нарастающий хаос. Так, в результате прекращения работы телеграфа и почты колония оказалась отрезанной от мира. Многократно выросли цены на продукты. Автор рассказывает, что в определенный момент хлеб стали выдавать только в обмен на кожу или ткани. Больше не было возможности купить даже рыбу, которую первое время привозили с Черного и Каспийского морей. Цены на все товары и услуги были безумными. Приобрести самые простые медикаменты, такие, как, например, йод, представлялось невозможным — так описывает сложившуюся в городе ситуацию Микеле Раджи. Шли повсеместные погромы и насилие над женщинами. Лошадей крали не только из конюшен, но и прямо во время пути у странствующих, которым приходилось преодолевать большие расстояния пешком. Грабили и опустошали зерновые амбары, запасы картофеля. У мирных жителей конфисковывалось все без исключения, вплоть до постельного белья и столовых приборов. Циничные варвары оскверняли могилы покойных: их наживой была одежда умерших.

Повествование дневника насквозь пронизано чувством негодования, которое испытывал автор, чувством отчаяния, досады и беспомощности перед несправедливостью. На клеймящих революцию страницах дневника *crescendo* нарастает ощущение тревоги и безысходности, которые иногда чередуются с слабыми надеждами на спасение. События последних месяцев пребывания в стране развиваются на фоне царящего хаоса.

Территория, где прежде процветала итало-швейцарская колония, превратилась в арену жестоких кровопролитий, а беспорядки стали обыденным делом. Неуправляемые крестьяне, воспользовавшись сумятицей и воцарившейся анархией, воодушевленные обещаниями большевиков, беспрепятственно бесчинствовали. Гостиницы в округе, со слов Микеле Раджи, перешли в управление союза поваров и официантов. Профессоров, инженеров, докторов попросту расстреливали. Расписание поездов было нарушено. Курорты оказались в полной



Рис. 3. Микеле Раджи
с супругой Анжеликой

изоляции. Раджи сравнивает эту ситуацию с «Дантовым адом»: преисподняя разверзлась перед его глазами, и каждый раз, когда могло показаться, что апогей достигнут, появлялись новые ужасы. Данные ощущения автора дневника перекликаются со строками, написанными Николаем Бердяевым в его работе «Размышления о русской революции»:

«Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью»¹⁴. Микеле Раджи тоже размышляет на страницах дневника о России и сложившейся ситуации:

2 июня 1918 г.

«<...> они продолжают морочить всем головы своими утопиями о грядущем царстве международного пролетариата в Европе и во всем мире. Непростительный грех бывшего режима есть постоянное удерживание народа этой страны в невежестве и рабстве, что и явилось одной из первостепенных причин отсутствия какого-либо чувства Родины, а впоследствии привело к полной гибели страны. Захваченный врагами, народ любой другой страны, если под угрозой оказались не только его независимость, но и его собственное существование, взбунтовался бы в порыве негодования и восстал, вооруженный пусть только вилами и лопатами. Здесь же нет ни малейшего следа подобного бунта, здесь, оглядываясь по сторонам, только и видишь, что людей, занятых исключительно тем, что присваивают и делят между собой чужое имущество, не принадлежащее им. Крестьяне, рабочие, солдаты, горожане — все сосредоточены только на бесстыжих и воровских спекуляциях, одним словом, Родины больше не существует, осталась лишь безумная жажда наживы, заветное преумножение богатства, ради которых не гнушаются самых подлых средств и сделок»¹⁵.

¹⁴ Бердяев, 2002, с. 26.

¹⁵ Cheda, Raggi, 1995, p. 129.

Все описанные в дневнике события усугубляли у автора чувство незащищенности.

8 июня 1918 г.

«По мнению самих коммунистов, жизнь становится невыносимой; необходимо или совершенствовать себя в безудержной спекуляции, пока не высосем друг у друга всю кровь, как вампиры, — поскольку именно так, на мой взгляд, выглядит нынешнее ростовщичество — или покинуть безвозвратно русскую землю, дабы не попасть в пасть к ненасытным (хищникам. — *Прим. пер.*), или более того — быть убитыми — ведь здесь это в порядке вещей»¹⁶.

Офицеров, заподозренных в союзнничестве с контрреволюционерами, безоговорочно расстреливали. Иерархия офицерских чинов, а также и дисциплина больше не соблюдались: солдаты и матросы набрались храбрости и не подчинялись вышестоящим командующим.

Микеле Раджи отмечает в своем дневнике, что и белый террор ни в чем не уступал красному террору: контрреволюционеры были не менее жестокими.

28 июня 1918 г.

«<...> к несчастью, казаки в бою ничуть не уступают другим в жестокости. <...> сражаются в основном своими ужасными турецкими саблями и кавалерийскими копьями, которые, как говорят, оставляют после себя на поле боя изувеченные тела мертвых и раненых, словом — леденящее кровь зрелище»¹⁷.

Летом 1918 г. ростовщичество и спекуляция, о которых неоднократно повествует Микеле Раджи, достигли невероятных масштабов. Со слов автора, на первоммайском празднике пролетариата водка для солдат отпускалась всего по 5 рублей, а для тех, кто не принадлежал к рабочему классу, она стоила уже 10. Данное обстоятельство — распределения цен в зависимости от классовой принадлежности покупателя — распространялось и на другие виды продуктов.

12 августа 1918 г.

«Больно думать, что многие из этих мошенников, вслух проклинающих нынешний режим, в душе, вероятно, и не жаждут ничего иного, чем продолжения нынешних беспорядков. Воцарившиеся

¹⁶ Ibid., p. 130–131.

¹⁷ Ibid., p. 144.

хаос и анархия — благоприятная почва для ненасытной алчности этих крупных и мелких жуликов. Армяне, евреи и русские наживают миллиарды своим гнусным ростовщицеством, по-другому никак и не назовешь необузданные спекуляции этих шакалов на любого рода товарах, — сродни волчице Данте, которая «ненасытно будет голодна, вслед за едой еще сильнее алкая»¹⁸.

Микеле Раджи не раз отмечает в своем дневнике грабежи и погромы в винных погребах и на коньячном заводе. Хлеба не хватает, и в некоторых местах, — описывает Раджи, — люди питаются суррогатами, состоящими наполовину из молотой соломы, а лихие красноармейцы приспособились производить из драгоценной пшеницы отвратительного качества самогон — «арака».

Если на первых страницах автор выступал лишь в роли наблюдателя печально известных фактов Гражданской войны, так как, будучи иностранным подданным, он еще был уверен в своей неприкосновенности и в том, что никогда не подвергнется обыску, то, после убийства его друга Броджи за обедом у семьи Чивелли, его уверенность решительно уступила место страху. Он понял, что в условиях гражданской войны никто не был намерен соблюдать законы.

18 сентября 1918 г.

«Я настолько взволнован, что рука дрожит <...>. Вчера совладельцы компании Чивелли пригласили некоторых жителей нашей колонии, в том числе и моего сына, на простой деревенский обед <...>. Часов в пять пополудни шайка из дюжины вооруженных людей (неизвестно, были ли то бандиты, переодетые красноармейцами, или же настоящие красноармейцы), часть из которых была верхом, подожгли постройки хозяйства. Пятеро из банды, вооруженные револьверами и гранатами <...>, внезапно ворвались в комнату, где хозяева и гости сидели за столом. <...> связали скрученными скатертями самого младшего из Чивелли <...>. То же самое они хотели сделать и с Броджи, который, до ужаса напуганный, смог вырваться из рук душегубов, однако выстрел из револьвера настиг его, пуля попала в грудную клетку <...> и застряла в теле. Несмотря на это, несчастный смог через сад убежать в соседний двор, но получил еще четыре тяжелых ранения

¹⁸ Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад. Песнь I. Перевод М. Лозинского. Cheda, Raggi, 1995, p. 171.

от настигших его новых выстрелов и от взрыва брошенных близ него гранат»¹⁹.

К сожалению, убийство Броджи не было единственным кровавым фактом, случившимся в колонии «Святой Николай». До этого, в августе, уже произошло убийство одной женщины. Злоумышленники проникли к ней в дом под лживым предложением обыска. Микеле Раджи так описывает и это событие в дневнике:

26 августа 1918 г.

«Сегодня, когда уже смеркалось, в нашей колонии произошло еще одно безобразное кровавое убийство. К владелице одной небольшой усадьбы нагрянули под вечер трое солдат (по крайней мере, так они были одеты) и потребовали, под предлогом обыска в ее доме, дать им ключи. Разумеется, их истинным намерением был грабеж. Получив от нее отказ, они сначала пытали ее, изувечили ей пламенем руки и ноги, а затем задушили»²⁰.

В свете всех этих событий желание как можно скорее покинуть русскую землю становилось у семьи Раджи все более ощутимым.

В конце осени ситуация стала еще тяжелее. Со слов автора дневника, население ожидало «суровых заморозков», а отсутствие нефти, угля и дров, а также теплой одежды усугубляло и без того гнетущую ситуацию. Для растопки и обогрева расхищались даже виноградники — плод многолетнего труда колонистов.

Микеле Раджи свидетельствует о разграблении поместья и уничтожении виноградников:

13 ноября 1918 г.

«Ограбив нас, они целым караваном из повозок вывезли все, что только можно было вывезти, а затем эти вандалы с варварским



Рис. 4. Винная этикетка

¹⁹ Cheda, Raggi, 1995, p. 183–184.

²⁰ Ibid., p. 174.

упоением принялись громить мебель, утварь, посуду <...>, разбили все зеркала и картины. Мой сын рассказывает, что, переходя из одной комнаты нашего дома в другую, не мог сдержать слез при виде представшего перед ним жуткого разрушения: на полу грудой лежали обломки мебели вперемешку с картинами, всевозможными личными документами и книгами, среди которых были и некоторые ценные тома»²¹.

20 декабря 1918 г.

«После того, как эти смельчаки сожгли все деревянные опоры виноградников, они принялись растаскивать саженцы той части виноградников, которые мы с таким трудом и с серьезными затратами закрепили на проволоку. <...> Добывать провизию становится все труднее, нужно часами стоять в очереди за хлебом и мясом; молока теперь почти не найти, и стоит оно 18 рублей за бутылку»²².

Судя по дате записи, повествующей о варварском разрушении поместья Раджи, его семье оставалось совсем немного времени до истечения срока договора на аренду земель, расположенных на Северном Кавказе между Каспийским и Черным морями²³. Однако оставаться в колонии и дальше стало опасным для жизни.

Двадцать четвертого декабря, в день католического сочельника 1918 г., Микеле Раджи начинает свою запись фразой «Мы провели еще одну чудовищную ночь...». За несколько дней до отправления семья Микеле Раджи оказалась в реальной опасности:

17 января 1919 г.

«В доме, где мы живем, шестеро мерзавцев схватили нас всех, заперли в одной из комнат, обобрали до нитки, отобрали одежду, белье, обувь. Затем под угрозой смерти требовали отдать им все деньги, но поскольку у меня они не нашли желаемой крупной суммы, один из окаянных схватил меня за обе руки, в то время как другой уже замахнулся палашом, чтобы отрубить их»²⁴.

²¹ Ibid., p. 212.

²² Ibid., p. 221.

²³ Информация об условиях договора подробно описана Джорджо Кеда в предисловии к Дневнику Микеле Раджи. Автор дополнительно сообщает, что годовая арендная плата в течение первых четырех лет составляла 6,75 франков за гектар, т.е. 10 125 франков в год. Сумма в период с 1902 по 1909 г. удваивалась, а с 1910 г. увеличивалась до 27 франков за гектар, т.е. 40 500 франков в год (Ibid., p. 58).

²⁴ Ibid., p. 231.

Однако в последний момент мародеров что-то остановило, они лишь сорвали с пальца его супруги обручальное кольцо, не обращая ни малейшего внимания на крики рыдающих детей.

В итоге подавленные страхом за собственную жизнь Раджи решили срочно покинуть созданную ими колонию. Спасение к ним пришло неожиданно — примкнувшие к белому движению ополченцы из местного населения помогли семье Раджи бежать из этого ада.

18 января 1919 г.

«Сегодня утром, на фоне зимнего пейзажа, среди покрытой инеем растительности, мы наблюдали необычную конную процессию передовой дивизии кавалерийских кадетских войск: сами всадники были закутаны в широкие бурки, а их головы и плечи — в башлыки. Около четырех тысяч татар-мусульман <...>. Примечательно, что именно эти кочевники, славящиеся своей строптивостью и разбойничьим нравом, вызволят нас и избавят от ненавистной и свирепой тирании русской социалистической анархии»²⁵.

Дата последней записи в дневнике — 25 января 1919 г. — на тот день Микеле Раджи со своей семьей уже были на пути возвращения на родину. Данная запись представляет собой размышления автора о значимости написанных страниц.

25 января 1919 г.

«Десять месяцев назад, не придавая тому какого-либо значения, я начал вести свой дневник из простого желания пометать в нем те все более неожиданные события, которые происходили в этой необыкновенной стране, обладающей особым, выдающимся мировоззрением. Теперь же, находясь в конце пути, в надежде, что уже совсем скоро мы сможем выбраться отсюда, я рад, что завел этот дневник, поскольку нам довелось стать свидетелями любопытного развития событий. Если верить прессе, Ленин — апостол русского максимализма, вождь, признанный одним из полубогов, призванных искупить и возродить человечество, — в одном из своих выступлений на митинге в Москве, кажется, уточнил состав боевой фаланги, на которую он опирается: на сотню приходится один идеалист, шестьдесят дураков и тридцать девять злоумышленников. В моей вынужденной изоляции я, конечно, не смог бы изложить всю историю русской социалистической

²⁵ Ibid., p. 232.

революции, задача к тому же свыше моих скромных сил. Однако ряд сделанных мной небольших зарисовок внесут, возможно, свой вклад в иллюстрацию событий русской социалистической революции. Даже если признать, что изначально эта революция и следовала каким-либо идеалам, впоследствии она все же позволила этим уголовникам, которыми она и разрасталась, увлечь себя за собой»²⁶.

Возвращение на родину длилось три месяца. Раджи описывает в своем дневнике неизменные декорации, которыми сопровождался его длительный путь домой по городам России: полуразрушенные здания вокзалов с выбитыми стеклами, превратившиеся в переполненные больными и трупами лазареты. Микеле Раджи обращает также внимание на то, насколько небезопасным было их путешествие: эпидемия сыпного тифа и зловещая, бушевавшая в то время «испанка» представляли собой реальную угрозу здоровью. Семье Микеле Раджи удалось выжить только благодаря чуду: от холода их спасали шубы, спрятанные в бочке из-под вина и не изъятые во время обыска, ведь приходилось путешествовать даже в открытых товарных вагонах. В страхе за свою и за жизнь своих близких, переживая за своих маленьких внуков, одна из которых была больна воспалением легких, другая — бронхитом, они добираются через Афины до Бриндизи, откуда уже рукой подать до родных альпийских гор и озер. Где-то в приютившей их ранее России осталась пустовать колония «Святой Николай», площадью в 1500 гектаров, основанная общими усилиями агронома из швейцарского города Моркоте и других семей из Швейцарии и Италии. Сам хозяин скоропостижно скончается «от горя»²⁷ 4 апреля 1919 г. в возрасте 65 лет. После возвращения судьба отпустила ему лишь три дня на то, чтобы вновь насладиться безмятежностью родного города.

Заключение

Таким образом, спрятанный в походной трости дневник Микеле Раджи — значимый документ очевидца фактов, надолго изменивших судьбу России и единственный на сегодняшний день источник информации о колонии «Святой Николай».

²⁶ Ibid., p. 234–235.

²⁷ Вполне вероятно, причиной его внезапной смерти явился инфаркт миокарда.

Рассказывая о пережитых событиях, Микеле Раджи осознал на страницах своего дневника, что послереволюционная Россия никогда уже не смогла бы стать прежней. Планы и грезы поселенцев умерли вместе с царской Россией, разрушились их дома, с любовью построенные на российской земле. Вихрь революции вырвал с корнем посаженные ими виноградники. Мыслители и философы дадут схожую оценку данным событиям. Так, и Николай Бердяев в своих «Размышлениях о русской революции» напишет: «В русской революции в муках кончается Россия господская и Россия интеллигентская, и нарождается новая неведомая Россия»²⁸. Однако, будто в поисках оправдания, философ дополнит свою мысль: «Русская революция — отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может»²⁹.

Источники и литература

- Bühler et al.* Schweizer im Zarenreich: Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland (Beiträge zur Geschichte der Russlandschweizer). Zurich: Hans Rohr, 1985.
- Cheda G., Raggi M.* Dalla Russia senza amore: un emigrante ticinese testimone della Rivoluzione Comunista. Locarno: A. Daddò, 1995.
- Collmer P.* Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. Zürich: Chronos, 2001.
- Navone N.* Costruire per gli zar. Architetti ticinesi in Russia, 1700–1850. Bellinzona: Casagrande, 2010.
- Navone N.* Gli architetti Adamini a San Pietroburgo. La raccolta dei disegni conservati in Ticino. Mendrisio Academy Press — Silvana Editoriale, 2017.
- Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России. М.: АСТ Фолио, 2002. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177255 (дата выхода на ЛитРес: 24.01.2009).

Фотографии из личного архива семьи Раджи, г. Веция, Тичино, 6943 Швейцария. Archivio Famiglia Raggi, CH-6943 Vezia

²⁸ Бердяев, 2002, с. 25.

²⁹ Там же, с. 23.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ШИШМАРЕВ
(1928–1930)

Швейцарское поселение в Шабо¹

Единственным почти целиком французским или, во всяком случае, значительным французским поселением Александровской эпохи является бессарабская колония Шабаг, или Шабо, как ее прежде называли обычно². Французское население ее составляют, однако, выходцы из французской Швейцарии, почему было бы точнее называть ее швейцарской, тем более что в состав ее входила и группа швейцарцев-немцев. Самым основанием своим Шабо обязана опять-таки швейцарцу, а именно воспитателю Александра I Фредерику Сезару Лагарпу, который не только обратил внимание воспитанника на своих соотечественников, но и настоял на привлечении их в Россию и выступил при переговорах в роли посредника³.

¹ В кн. *Шушмарев В. Ф.* Романские поселения на юге России: Научное наследие / изд-е подгот. М. А. Бородина, Б. А. Малькевич, Л. Н. Сухачев; отв. редакторы акад. В. М. Жирмунский, Б. В. Левшин. Л.: Наука, 1975. 244 с. (Труды Архива Академии Наук СССР; Вып. 26). С. 136–144.

² В Бессарабии имелись колонии, носящие такие названия, как Париж, Бриен, Арзис, Фьере-Шампенуа и др. Но они были чисто немецкими, приведенные названия даны им в память военных действий 1813–1814 гг. (Uhlig von Uhlenau, Die Bessarabische Frage).

³ С упоминанием колонистов-швейцарцев мы встречаемся и ранее, уже в первые годы царствования Александра. Так, в 1803–1804 гг. французским офицером Циглером была набрана для России партия переселенцев; но переезд ее был приостановлен. (См.: ЦГИА, Архив Главного управления землеустройства и земледелия в Центральном историческом архиве СССР в Ленинграде № 1952/2260, ср. № 203/2282). В том же Архиве сохраняется документ относительно вызова швейцарцев майором Эшером; см. № 1957 /2263. В 1804 г. иностранные купцы Эшманн и Мейер составили проект вызова из Швейцарии рабочих для шелковых и кисейных фабрик. Но русское правительство не удовлетворило их ходатайства, ссылаясь на то, что впрямь оно предполагает

Обращение к швейцарским французам преследовало не одни только общие задачи колонизации. Еще до присоединения Бессарабии русское правительство занялось мыслью о насаждении на Юге виноградарства. В специальной инструкции (16 мая 1801 г.) о внутреннем распорядке и управлении новороссийскими колониями указывается на необходимость устройства в них общественных виноградных садов. В дополнение к этой инструкции (7 июня 1803 г.) предписывается выдавать каждому колонисту от 5 до 10 лоз. Присоединение Бессарабии с ее богатыми садами и виноградниками заставило обратить на эту ценную статью хозяйства новой провинции самое серьезное внимание, в особенности непосредственно после ее присоединения, когда значительные массы мусульманского населения оставили край, сады и виноградники были брошены и стали гибнуть. Однако прошло несколько лет, прежде чем Бессарабией занялись надлежащим образом: борьба с Наполеоном и ряд других сложных вопросов отвлекли внимание и силы правительства в другую сторону. К годам относительного затишья относятся и предприятия по разведению виноградников на Аккерманских песках, в местах, где находились остатки турецких садов⁴. Около этого же времени и в том же районе появляются и наши французы-виноградари из Швейцарии и устраивают здесь свое поселение⁵.

принимать преимущественно хлебопашцев, виноградарей и скотоводов, при том людей, имеющих некоторый достаток. См.: Там же, № 2024/2288.

⁴ В 1825 г. бессарабскому обер-форстмейстеру графу Паравичини удается успешно выполнить это поручение правительства.

⁵ В той же связи находится и появление швейцарцев в Крыму между 1804 и 1805 гг. на землях, уступленных казне Палласом. См.: Архивный фонд Главного управления землеустройства и земледелия в Центральном государственном историческом архиве СССР, № 2088/2312/1; ср. № 2050/2298. Одновременно швейцарцы явились и в Екатеринославской губ. О дальнейшей судьбе этих групп, равно как и о том, были ли среди них французы, сведений не имею. Мысль о привлечении швейцарских виноградарей в Крым занимала русское правительство еще в 1798–1799 гг. (См. дело о проекте Трапша в том же архиве, № 644/13884). Работы о развитии виноградарства и виноделия привели к мысли о поднятии этого, начатого еще Петром I, дела в Астраханской губ. В Архиве Экспедиции государственного хозяйства мы находим проект бар. Биберштейна о размножении в указанной губернии виноградных садов и устройстве там винодельческой школы. См. Архив Главного управления землеустройства и земледелия (Там же, № 489/15076. Это дело относится к 1797–1803 гг.).

Идея переселения в Россию была встречена в Швейцарии сочувственно, так как страна переживала в этот момент серьезные экономические затруднения. Первым, решившим перебраться в Россию, был Луи Венсен Тардан (Louis Vincent Tardent) из Верхнего Ормона (Ormonts-dessus)⁶, педагог, ботаник и виноградарь⁷. Он собрал группу из нескольких виноградарей, согласившихся на переселение в Россию. Группа организовалась в 1820 г. и после обсуждения вопроса отправила на разведку самого Тардана. Впечатления его, которыми он письменно поделился со своими земляками, были положительными, но это не смогло рассеять сомнения, овладевшие швейцарцами после отъезда Тардана. Последний торопил своих товарищей; видя, однако, что никто не трогается с места, он решил вернуться в Швейцарию (в 1822 г.) и сделал членам группы доклад, устранивший их колебания, после чего в июле 1822 г. первая партия уже двинулась в путь через Буковину на Кишинев⁸. Тардан подробно рассказывает об этом моменте истории колонии в письме от 17 февраля 1823 г.⁹ «По приезде нашем в Кишинев, столицу Бессарабии, — пишет он, — между прочим, губернатор, почтенный генерал Инзов, принял нас как своих детей. Он пожелал побеседовать даже с самыми незначительными из нас и проявил ко всем самый живой интерес, а так как тогда был конец года, то он отдал приказание, чтобы нас устроили на квартиры, где мы и провели ту суровую зиму». С этого момента начинается первый период истории новой колонии, основанной между Аккерманом и Черным

⁶ В нескольких десятках километров восточнее Женевского озера, в Бернских Альпах.

⁷ Родился в Ве́ве (кантон Во) в 1767 г., умер в 1836 г.

⁸ В состав ее входили, кроме семьи Тардана (жена и 13 детей), аптекарь Даниэль Берже, в 1825 г. вернувшийся, однако, в Швейцарию, Жак Самюэль Шевалле, родом из Рива (Rivaz); Жан-Луи Герри (из Тур де-Пе), Франсуа Нуар (из Лозанны), Плантен (позже перешедший на службу к губернатору Круленскому) и садовод Генрих Цвикки (из Карентца, кантон Гларус). К этой первой группе присоединился живший уже ранее в Аккермане, где он занимался торговлей, Жорж Тестю (из Рива). К числу первых подписавших договор о переселении относятся и Шарль Огюст Гранжан (Charles August (из Бютт, Невшатель). Договор был заключен у нотариуса Жентона в Ве́ве; согласно условиям, каждый колонист должен был иметь при себе библию и карабин.

⁹ Приведено в кн.: *Anselme A. La colonie suisse de Chabag. Akkermann*, p. 28.

морем в местности, которую турки называли Ашабаг, т. е. Нижний сад, название, превращенное затем в Шабаг и Шабо. Период этот тянется до 1872 г., т. е. до момента закрытия Комитета.

Начальником поселения был сделан Тардан, остававшийся в этой должности вплоть до 1829 г., когда управление поселением было поручено коллегиальному органу с мэром во главе. Поселенцы получили по 7–8 «poses vaudoises» «виноградника»¹⁰ и более 200 таких же единиц плодородной земли в удобной местности, т. е. превратилась в небольших помещиков. Однако эксплуатировать полученную земельную площадь было делом довольно трудным. Ранний период истории Шабо характеризуется прежде всего напряженной борьбой переселенцев с новыми, для них совершенно чуждыми и трудными физическими условиями работы, с хозяйственными навыками местного населения (например, гоньба скота после снятия урожая повсюду, не исключая виноградников), с бандитизмом, столь естественным в этой глухой окраине с ее редким сравнительно населением, жившим в тяжелой экономической обстановке. Поселенцы, перебравшись в Бессарабию, очутились вплотную перед двумя серьезными обстоятельствами.

Чтобы обработать полученные земли, необходимо было обратиться к чужому труду, необходимы были рабочие руки. Прилив новых элементов из Швейцарии протекал очень туго¹¹, да и не решал вопроса, так как прибывшие в огромном большинстве случаев были хозяевами, а не рабочими. Чтобы не лишиться данной колонистам земли, Тардан пытался привлечь в Шабо швейцарцев из Одессы, торговцев и ремесленников; но не говоря уже о том, что это был обычно неподходящий элемент, который пришлось частью даже затем выдворить из Шабо, это не были люди, которых хорошо было бы эксплуатировать как рабочую силу. Тогда была сделана попытка обращения через одесские газеты к русским помещикам, которым швейцарцы предлагали посылать в колонию на выучку молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет сроком на 3 года, т. е. швейцарцы хо-

¹⁰ От 1,5–2 гектаров (pose vaudoise равно примерно 25 арам).

¹¹ Последняя группа в составе Жака Берте, Жюля Кавало, Луи Марго явилась в Шабо только в 1846 г.

тели иметь учеников, которые являлись бы одновременно бесплатной рабочей силой. Воззвание не имело, однако, успеха. Наоборот, заинтересованные в получении в свои руки знающих специалистов русские помещики старались сами сманивать к себе на службу опытных иностранцев. Оставалось, таким образом, пользоваться силами, которые имелись на месте и рекрутировались из местной бедноты; но они были в слабонаселенном Буджаке немногочисленны, особенно в раннюю пору его освоения.

С другой стороны, швейцарцам пришлось столкнуться со своими русскими конкурентами и с нравами и методами русской администрации. Тревоги Тардана относительно возможности потерять часть отделенной поселенцам земли ввиду слабого притока их извне не замедлили сбыться. Уже в первые же годы от них отобрали часть хорошей земли под Аккерманом и заменили ее наделом в степи. Администрация проявила излишний формализм, придирчивость и недобросовестность¹². Так, придравшись к тому, что аптекарь Берже не имел русского диплома, ему не разрешили открыть в Шабо аптеку и требовали, чтобы он подвергся специальному экзамену в Харькове, а у него не было на поездку туда средств. Дело кончилось тем, что Берже уехал на родину, а поселок надолго остался без аптеки. Только после того как Воронцов посетил Шабо лично (1823 г.), местная власть стала проявлять к нуждам поселения несколько большее внимание.

Следующий период истории колонии, тянувшийся от 1872 по 1905 г., характеризуется постепенным переходом ее в русло общегосударственной жизни. В 1877 г. на колонию распространяется обязательная воинская повинность. В экономическом отношении Шабо складывается окончательно в поселение в большинстве своем зажиточных хуторян, со всеми чертами, присущими типу подобного рода полутрудовых хозяйств. На этой почве обостряются уже ранее намечавшиеся социальные противоречия колонии.

Революция 1905 г. и последующее десятилетие наполняют содержание третьего периода, в течение которого отмеченный социально-экономический процесс ширится и углубляется. Четвертый

¹² См., например, письмо Тардана: *Anselme A.* Ук. соч. С. 45.

период открывается мировой войной, за нею последовала революция и, наконец, захват Бессарабии, а вместе с тем и Шабо Румынией.

В 20-е гг. Шабо представляло собой поселение, насчитывавшее 211 семей, из которых 30 — швейцарских граждан. Это составляло около 1000 человек, добрая половина которых были немцы. Всего домов в 1923 г. было 144; из них 8 принадлежали обществу и 136 — индивидуальным владельцам. Среди последних 9 фамилий русских. С течением времени швейцарцы постепенно оставили поселение и вернулись на родину. После воссоединения Бессарабии в 1940 г. немецкому элементу была предоставлена возможность покинуть ее. <...>

После нападения Германии на Советский Союз немцы стали пробираться в Бессарабию вновь, по следам немецкой армии, под покровительством румынских фашистских властей, нужные для немцев как агенты немецкой экономической ситуации и как свой глаз в оккупированной Бессарабии, в которой оставались в силе русские симпатии, а для румынских фашистов — как оплот румынского фашизма.

Таковы общие очертания истории Шабо. <...>

В конце 80-х и начале 90-х гг. XIX века ряд колонистов выехал из Шабо и водворился на нижнем Днепре, частью порвав свои хозяйственные связи со старой колонией, частью продолжая поддерживать их. Выселки эти устроились в условиях крайне своеобразных, но аналогичных тем, в которых работало Шабо. Новые виноградарские поселки расположились на территории б. Днепровского уезда Таврической губ., впоследствии — Херсонского округа, на сыпучих песках. Пески возбуждала тревогу еще в царствование Екатерины II, и не без основания. Разрушительная работа песчаных масс в данном районе, точно учтенная, правда, только значительно позднее, выразилась, по подсчетам Днепровской уездной земской управы, за зиму и весну 1882 г. в районе селений Костогрызовка, Казачьи Лагери и Раденское в заносе 2015 дес. посева¹³. Последующие

¹³ См. Протокол Днепровского уездного земского собрания от 2–4 мая 1883 г. (местонахождение документа в настоящее время неизвестно).

наблюдения позволили установить, что площадь летучих песков увеличивается ежегодно за счет соседних земель на 1–3%, общая же площадь песков исчислялась в 20-х гг. приблизительно в 5 миллионов десятин¹⁴.

Поэтому еще в 80-х гг. XIX в. земскими собраниями был разработан целый ряд мер борьбы с этим врагом культуры. Правительством были созданы специальные лесохранительные комиссии для укрепления движущихся песков¹⁵. Но борьба с наступлением грозной стихии, некогда имобилизированной покрывавшим ее, вероятно, сосновым лесом¹⁶, была нелегка; она требовала опытных людей. Таковыми и оказались, между прочим, колонисты Шабо, привыкшие подчинять себе упрямые бессарабские кучегуры или барханы, песчаные холмы, которые в их первобытном виде можно было еще долго наблюдать на левом берегу Днепра, где осели новые переселенцы. Своеобразная практика, усвоенная ими в Шабо, опирающаяся на турецкие приемы земледелия и турецкие сорта винограда¹⁷, будучи перенесена на Днепр, дала блестящие результаты¹⁸; хозяйство колонистов на новых местах достигло высокой степени благосостояния и явилось в техническом отношении хорошей школой для местных виноградарей.

¹⁴ Керн Э.Э. Летучие пески и роль мелиоративных товариществ в борьбе с ними // Сборник, посвященный В. Е. Таирову в ознаменование 40-летия его деятельности. Одесса, 1925. С. 67, 68.

¹⁵ Таиров Е. Укрепление и использование песков в связи с культурой винограда. Одесса, 1923.

¹⁶ Об этих лесах и сосне очень интересны сообщения и наблюдения в работе проф. Г.И. Танфильева: *Танфильев Г.И.* «Жертва» Алешковских песков и связанные с нею ботанико-географические вопросы // Сборник, посвященный В.Е. Таирову. С. 72–76. Ср. «гилею» Геродота. Средневековые карты говорят о «пидее», которую Ф. Брун сопоставляет с $\pi\lambda\acute{\upsilon}\chi\eta$ =лес, особенно сосновый (Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877 гг.). Ч.1. — Зап. Имп. Новороссийского университета, Одесса, 1879, т.28. С.18.

¹⁷ В то время как одесское и николаевское приморье, а также Донецкая область в Екатеринославской губ. были связаны в отношении культуры винограда с Крымом. О шабагских сортах винограда см.: *Тардан К.* Виноградарство и виноделие. 3-е изд. Одесса, 1874. С. 20–48.

¹⁸ См.: *Гоголь-Яновский Г.И.* Современное состояние виноградарства и виноделия в СССР // Сборник, посвященный В. Е. Таирову. С. 58.

Первым организовавшимся на берегу Днестра поселением была Основа, лежащая несколько выше села Британы, почти примыкая к последнему, на левом берегу реки. В 1889 г. группа колонистов Шабо в несколько десятков человек, во главе с Ц. Жатоном (Jaton), приобрела здесь 1000 дес. земли, песков, на которых и были устроены виноградники¹⁹.

Первые годы были крайне трудными для пришельцев: пришлось налаживать отношения с населением Британов, враждебно относившимся к новым хозяевам, устроившимся на земле, которой они пользовались как выгоном благодаря тому, что прежний владелец не обрабатывал ее; наряду с этим все время приходилось бороться с засухой. Но труды колонистов увенчались, в конце концов, успехом, а это соблазнило даже их недавних недоброжелателей, крестьян села Британы, которые по собственному почину засадили виноградными кустами около 400 дес. земли в 1897 г.

Не все колонисты Основы порвали с Шабо; некоторые из них ограничились приобретением земли и приезжала на Днестр только на время работ. Многие под впечатлением неудачи продали свои участки и вернулись в Шабо окончательно.

Позднее по примеру Основы организовался ряд поселков несколько выше ее по течению Днестра.

Ключевое (в 3 километрах от Основы) образовалось в 1891 г. из группы, собранной в Одессе садоводом и виноградарем Вустером (Wuster); в состав ее входили одесские жители, родственники и знакомые Вустера, а также колонисты из соседних с Одессой колоний. Группа Ключевого приобрела 500 десятин песков, как и Основная, на самом берегу Днестра. Вся она, однако, скоро разбрелась, перепродав свои участки новым колонистам, которые оказались энергичнее и удачливее. Французов среди них не было; швейцарских немцев только одна семья; остальные — немцы, украинские колонисты. Осенью 1929 г. в Ключевом насчитывалось всего 14 хозяев.

¹⁹ Первыми поселившимися в Основе семьями были: Жатон (из Пеней-ле-Жора), Доньи (из Биолей-Оржюла), Кавало Тевена (из Бюлле), Гардан, Гандер (из Пентереа), Эхлер (из Аванш); немцы-швейцарцы: Огюст, Хертер; эльзасцы: Майер, Швенглер; вюртембержец Гейнтцельман. К ним присоединились позднее: Тапи (из Комбремона); немцы-швейцарцы: Штолер, Клоц (Klotz), Керлер. Осенью 1929 г. в Основе была всего 21 французская семья.

Луговое основано в начале 90-х гг. XIX в. группой Бюксель, предок которых Жан-Франсуа Бюксель приехал в Шабо в 1830 г. Осенью 1929 г. в Луговом оставалось всего четверо хозяев, принадлежавших к этой фамилии.

Новый Судак (или Новые Судаки) — самое молодое швейцарское поселение, образовалось также в 90-х гг. прошлого века. Французов здесь не было; швейцарцы-немцы явились сюда из Шабо; по происхождению они из кантона Базель.

Новое Шабо (Шаба), лежащее ниже Херсона, образовалось около того же времени на земле, принадлежавшей некогда графу Грохольскому. Представителем французского элемента являлась здесь семья Фурне (из Рива). Немецкий элемент также происходил из Старого Шабо. Ввиду отсутствия на месте, в эпоху водворения в Херсонщине революционной власти, владельцев, оставшихся в Старом Шабо, часть земли этой колонии была передана русским и немцам-колонистам.

Веселое, между Малой и Большой Каховкой, — поздние хутора. В числе хуторян имеется только две швейцарские семьи — Декомба (из Лозанны) и Цвикки (из Керенц, кантон Гларус).

В экономическом и социальном отношении все перечисленные выше поселения были совершенно сходны между собой и давали ту же картину, что и Шабо. Это были типичные хуторские или мелкоземлевладельческие группы. Хозяйственно-технически они стояли на значительной высоте; организационно же они являлись полутрудовыми предприятиями, пользовавшимися, и в особенности в дореволюционную эпоху, более или менее широко наемным трудом.

Пример и успех Основы увлек в начале 90-х гг. XIX века целый ряд селений б. Днепровского уезда. Виноградничеством, как мы уже видели, стали заниматься Британы, а затем сыпучие пески в Качачьих Лагерьях, Алешках, Голой Пристани, Б. Копанях, Кардашинке, Збуревском покрылись не одной сотней десятин виноградников. В б. Херсонском уезде примеру Основы последовали колонии: Клестендорф, Мюльгаузендорф, Старошведская и Токаревка; в Николаевском районе: Новый Данциг, Нейкарльсруе, Эфенгарь. Крестьяне и помещики вошли во вкус новой культуры. От Каховки до Нового Шабо по левому берегу Днепра виноградников тянулись сплошной полосой на 120 км. Начиная с 1902 г. и до начала мировой войны

земство принимает ряд мер к рационализации виноградарства и виноделия в отмеченных только что районах. В 1914 г. площадь виноградников занимала уже 3841 дес., и район имел все шансы стать, по выражению одного специалиста, «Украинской Шампанью». Этот момент был кульминационным. С 1915 г. стал намечаться, в связи с войной, некоторый упадок, который в промежутке между 1918 и 1922 гг. внушал уже серьезные опасения: площадь виноградников уменьшилась на 53%; особенно страдали виноградники крупных владельцев. С 1922 г. стала обнаруживаться тенденция к восстановлению садов и садового хозяйства, чему немало способствовала организация Основского виноградо-винодельческого товарищества «Сипучи писки». В 1923 г. товарищество превратилось в Днепро-винсоюз, который в 1925 г. охватывал уже 1356 дес. садов и насчитывал 926 членов. Холодная зима 1927/1928 гг. нанесла, однако, кустам столь сильный удар, что для ликвидации создавшегося положения было необходимо принять совершенно исключительные технические и экономические меры. В связи с коллективизацией и переходом всего государственного хозяйства на новый путь, Союз уступил место новой организации: виноградники были объединены в совхоз. Часть прежних владельцев их осталась работать в новых условиях, часть переехала в другие районы Советского Союза.

Как видно из приведенного выше перечня первых колонистов, поселившихся в Старом Шабо, романский элемент среди них преобладал. Позднее, в 1840 г., из 50 семей, составлявших колонию, только 5 высказывались за обучение детей немецкому языку, из них две швейцарских и три немецких. Французский язык занимал долгое время господствующее положение. На нем поселенцы говорили между собой. Диалект быстро отмирал, как отмирал он в протестантских кантонах в самой Швейцарии²⁰. Общефранцузским языком они пользовались в своих официальных обращениях к правительственным органам. На французском языке переписывались с ними и представители власти. «Мы подпишем только то, что написано по-французски» («Nous ne soussignons que ce qui est écrit en français»), — заявляли поселенцы в официальных бумагах, или: «Эти немецкие бумаги, которые вы нам посылаете, мы их

²⁰ См.: *Dauzat A. Les patois. Paris, 1927. P. 56.*

не понимаем» («Ces papiers allemands que vous nous envoyez, nous ne les comprenons pas»). Такие выражения встречаются неоднократно в 30-х, 40-х и даже 50-х гг.²¹ С 1870 г. иностранный язык исчезает вообще из правительственных актов, обращенных к колонии. В управлении ее учреждается должность писаря, в обязанности которого входит редактирование бумаг на русском языке.

Родной язык культивировался на первых порах главным образом в семье. В 20-х гг. в колонии не было настоящей школы; поселенцы поручали обучение грамоте одному лицу из своей среды, которое занималось с детьми ежедневно, а по воскресеньям читало на религиозных собраниях молитву. Только в 1829 г. в Старом Шабо была основана приходская школа, но лишь с 1842 г. в ней появились профессиональные преподаватели, сперва немцы, позже — представители обеих национальностей. С 60-х гг. с общего согласия колонистов в школе было введено обязательное преподавание русского языка. Общее направление политики и реформы этого десятилетия привели к укреплению связей с русской культурой; многие жители колонии начинают с этой поры посылать своих детей в различные города России для обучения русскому языку. Вплоть до революционных лет влияние русской культуры продолжало расти. Французы становились постепенно билингвами, с известным даже предпочтением русского языка, на котором они, в конце концов, больше всего говорили и предпочитали учиться. Школа отгеснила диалект, на котором прежде говорили все²², а позднее им пользовались преимущественно представители старшего поколения. Их дети, утратив знание его и усвоив в школе книжный французский язык, но не в достаточной мере французскую культуру, тем легче уступили влиянию языка русского и русской культуры. То же следует сказать и о немцах. В 1925 г. поселенцы в Старом Шабо в очень несовершенной мере владели родным языком и в разговоре, начатом по-французски или по-немецки, охотно переходили на русский²³.

²¹ *Anselme*. Ук. соч. С. 62.

²² *Bugnon F.L.* La Bessarabie ancienne et moderne. Ouvrage historique, géographique et statistique. Lausanne — Odessa: éd. G. Bridel et Villetti, 1846. P. 60.

²³ Об этом свидетельствует и Улиг. — *Ulig von Uhlenau C.* Die bessarabische Frage. S. 54.

Нужно, однако, заметить, что в 1920-х гг. в этом отношении наступила некоторая реакция, особенно сильно сказавшаяся, правда, в немецкой среде, в которой языковая и культурная традиция была все же более живучей. Руководящим культурным центром немецкой части населения явился союз «Аврора», развивший большую активность и достигший значительных результатов. Аналогичное движение происходило и среди французов; но для оценки его не следует забывать, что число чисто французских семей невелико и что с неуклонным количественным ростом немецкого элемента удельный вес французского элемента стал падать. Следует отметить при этом и то, что организационно французы слабее своих соседей-немцев. В указанные годы по инициативе Андре Ансельма создан кружок, поставивший своей задачей пропаганду и укрепление французской культуры в колонии. Кружок выписывал французские газеты. Параллельно кишиневская «Alliance française» открыла в Шабо свое отделение, а швейцарское консульство в Галаце и представительство в Бухаресте стали снабжать колонию швейцарскими газетами. Кое-что давала в отношении сохранения языковой традиции, конечно, и школа. С 1921 г. ей стали уделять больше внимания, нежели прежде. В Шабо была открыта французская и немецкая школа для детей младшего возраста; сохранялась и прежняя приходская школа с двумя языками. Но этого было, разумеется, мало, тот, кто хотел продвинуться дальше, либо ехал доучиваться за границу, либо поступал в румынскую школу. В этом последнем случае родной язык, естественно, конечно, страдал.

Нужно, однако, заметить, что дело не в одном только языке. Вековое пребывание в русской обстановке оставило слишком глубокий след на нравах и психике колонистов, и это явилось серьезной помехой распространения румынского влияния в этом случае, как и в Бессарабии вообще.

Приднепровские выходцы из Шабо, оставшиеся более или менее в прежних культурных условиях, продолжали идти тем путем, на котором их застала мировая война. Не только диалект забыт окончательно²⁴, но и французский книжный язык как средства

²⁴ В Основе некоторое знакомство с ним сохраняло в конце 20-х гг. только одно лицо, один из старейших жителей поселка.

обращения сохранился лишь в ничтожном меньшинстве семей; впрочем, и в этих семьях к нему прибегают только представители старшего поколения. Люди среднего возраста, от 30–45 лет, говорят обычно по-русски, но в той или иной мере знают, хотя уже не все, французский; дети их и не говорят на этом языке и в огромном большинстве случаев даже не понимают его. Вытесненное из семьи знание французского языка среднее поколение имело еще возможность пополнить в местной школе, отчасти путем частных уроков. Младшее же поколение возможности в этом отношении почти не имело, преподавание в школе велось на русском языке, и дети, естественно, говорили между собой постоянно по-русски. Только там, где французский язык еще не умер в семье, они сохраняют некоторое знакомство с ним, но такие случаи, по моим наблюдениям, были редкими исключениями.

Французской общественной библиотеки в приднепровских колониях не существует и не существовало. В частных библиотеках русские книги преобладали, французские мне приходилось встречать довольно редко и в незначительном количестве. До 1914 г. их еще приобретали. Со времени же мировой войны почти ничего не приходило на Днепр. Что касается газет, то колонисты давно уже перешли на советскую прессу, к началу 30-х гг. они читали исключительно украинские и русские газеты местного и центрального происхождения. При таких условиях не удивительно, что французская речь, как мы это могли наблюдать в крымских Фундуклах, исчезла вовсе из обихода и уступила место русской окончательно.

Сведения об авторах

Бастиан Жан-Пьер. Доктор теологических наук, заслуженный профессор социологии религий Страсбургского университета. Известный специалист по современным тенденциям в протестантизме в странах Латинской Америки. В последние годы активно занимается историей религии в кантоне Во и историей эмиграции из этого кантона.

Грива Оливье. Широко известный журналист ведущих франкоязычных газет Швейцарии. Более сорока лет собирает материалы по истории швейцарской колонии Шабо и публикует их во франкоязычной прессе. Благодаря ему были сохранены многие ценные свидетельства выходцев из этой колонии и их потомков.

Иванова Ирина Сергеевна. Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры славянских языков филологического факультета Лозаннского университета. Специалист в области истории лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Последние годы активно занимается историей русской эмиграции в Швейцарии и швейцарской эмиграции в России.

Кащенко Сергей Григорьевич. Доктор исторических наук, заслуженный профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории России конца XVIII – начала XX в. Руководитель исследовательских групп в международных научных проектах.

Кащенко Елена Сергеевна. Кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

- Коллмер Петер.** Доктор исторических наук, сотрудник Центра восточно-европейских исследований Цюрихского университета, специалист в области истории Восточной Европы.
- Кokoшкiна Светлана Александровна.** Кандидат филологических наук, итальянист, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор трудов по диалектологии итальянского языка и лексикологии.
- Лаптев Юрий Николаевич.** Директор Крымского этнографического музея. Руководитель проектов в области музееведения, специалист по этнической истории и традиционной культуре народов Крыма XIX–XX вв., этническим процессам в современном обществе.
- Марусенко Михаил Александрович.** Доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, специалист по французскому языку и языковой политике франкоязычных стран.
- Мевли Оливье.** Доктор юридических и филологических наук, историк, писатель, политический деятель. Руководитель научных проектов по изучению истории кантона Во и истории политических партий.
- Миретина Мария Сергеевна.** Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области лексикологии и языковой политики франкоязычных стран.
- Нечаева Марина Александровна.** Аспирантка кафедры славянских языков Лозаннского университета. Сфера научных интересов — эмиграция из кантона Тичино в Россию.
- Самарина Марина Сергеевна.** Доктор филологических наук, итальянист, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор трудов по истории итальянской литературы, председатель общества «Данте Алигьери».
- Симонато Елена Ильинична.** Доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков Лозаннского университета, специалист в области истории языкознания. Руководитель совместного российско-швейцарского проекта по истории швейцарских колоний Северного Причерноморья.